

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

АРХИВ БУРЕСВЕТА
✦ ————— КНИГА 4 ————— ✦

ТОМ II

РИТМ ВОЙНЫ

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон
Ритм войны. Том 2

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Сандерсон Б.

Ритм войны. Том 2 / Б. Сандерсон — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-20261-0

Ценой немалых усилий Далинар Холин создает коалицию монархов, способную противостоять в войне за Рошар жестокости и коварству Приносящих пустоту. Но победа остается лишь зыбкой мечтой, ведь врагам помогает могущественное божество, а среди друзей скрываются предатели. Адолин и Шаллан отправляются в мир спренов, чтобы заручиться помощью союзников, рискуя в случае неуспеха обречь все человечество на гибель. Они еще не знают, что главное сражение вскоре развернется в городе-башне Уритиру и его исход будет зависеть не от военной мощи противоборствующих сторон, а от их стойкости, решимости и проницательности. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20261-0

© Сандерсон Б., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Часть третья	5
44. Трут, ожидающий искры	6
45. Отважное сердце, острый и изобретательный ум	12
46. Тяжесть башни	18
47. Клетка, выкованная из душ	27
48. Запах смерти, запах жизни	33
49. Суть открытий	38
50. Королева	49
51. Петь безнадежные песни	61
52. Тропа к спасению	65
53. Сострадание	71
54. Грядущее обернется пылью	76
55. Родство с открытым небом	82
56. Узлы	89
57. Дитя вражды	95
58. Даль-перья	102
59. Решетка растущего кристалла	108
60. Эссай	118
61. Масло и вода	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Брендон Сандерсон

Ритм войны. Том 2

Часть третья

Песни родины

Каладин – Навани – Далинар – Венли – Эшонай – Ясна – Ренарин

44. Трут, ожидающий искры

Я нахожу подобный способ сотрудничества наиболее удобным, поскольку уже испытала его в прошлом. Но мне еще ни разу не приходилось работать в таких обстоятельствах и с такой напарницей.

Из «Ритма войны», с. 1

С Тефтом на плечах Каладин бежал по темным туннелям Уритиру, чувствуя, как с каждым шагом рушится его жизнь. Он даже слышал иллюзорный треск, как будто под ногами было стекло.

Каждый болезненный шаг уводил его все дальше от семьи и покоя. Дальше в темноту. Он принял решение. Он не оставит своего друга на произвол судьбы в плену у врага. Но хотя он наконец догадался снять свои окровавленные ботинки (теперь они болтались у него на шее со связанными шнурками), ему все еще казалось, что он оставляет за собой грязные следы.

Шквал. Чего он добьется сам по себе? Нарушив приказ королевы сдаться?

Он изо всех сил старался отогнать эти мысли и двигаться дальше. Позже у него будет время поразмыслить над тем, что он сделал. А сейчас нужно найти безопасное место, чтобы спрятаться. Башня была уже не домом, а вражеской крепостью.

Сил неслась впереди, проверяя каждый перекресток. Буресвет позволял Каладину двигаться, но что произойдет, когда запас иссякнет? Неужели силы покинут его? Рухнет ли он посреди коридора?

Почему он не взял больше сфер у родителей или у Лараль перед уходом? И не догадался прихватить топор певца. У него не было оружия, если не считать скальпеля. Он слишком привык к тому, что Сил была его осколочным копьем, но если она не сможет трансформироваться...

«Нет. Мысли прочь. Мысли опасны. Просто не останавливайся».

Он продолжил бежать, полагаясь на Сил, которая спешила к лестнице. Проще всего было затеряться на необитаемых этажах — где-нибудь на одиннадцатом или двенадцатом. Каладин перепрыгивал через две ступеньки, подгоняемый пульсирующей в венах энергией. Он све-

тился, в достаточной мере озаряя все вокруг. Тефт начал что-то тихо бормотать, возможно реагируя на тряску.

Они добрались до седьмого этажа и направились к восьмому, нигде не задерживаясь. На восьмом Сил повела его вглубь башни. Каладин старался выкинуть из головы воспоминания о своей неудаче, но его преследовали отголоски отцовских криков. Он чувствовал подступающие слезы...

У него почти получилось. Почти получилось!

В бесконечном переплетении туннелей Каладин утратил представление о том, где находится. Здесь не было нарисованных на полу указателей, и пришлось довериться Сил. Она стремглав вылетела на перекресток, описала несколько кругов, затем рванула вправо. Он не отставал, хотя все сильнее ощущал тяжесть Тефта.

– Секундочку, – прошептал Каладин на следующем перекрестке, затем прислонился к стене – Тефт все еще давил ему на плечи – и выудил из сумки маленькую топазовую сферу.

Ее едва хватало, чтобы как следует разглядеть окрестности, но Каладин нуждался в ней, так как его внутренний бурсвет наконец-то выдохся. И у него осталось не так уж много сфер.

Он застонал под тяжестью друга, затем заставил себя выпрямиться, крепко вцепившись в Тефта обеими руками и одновременно сжимая сферу двумя пальцами. Он кивнул Сил и опять двинулся следом, удовлетворенный тем, что силы его пока не подвели. Он мог нести Тефта и без бурсвета. Хоть последние недели Каладин и был лекарем, его тело все еще оставалось телом солдата.

– Надо подняться выше, – сказала Сил, плывя рядом с его головой в виде светящейся ленты. – Справишься?

– Доставь нас хотя бы на десятый этаж.

– Придется идти по лестницам. Я эту часть башни знаю не слишком хорошо...

Продолжая путь, Каладин позволил мыслям течь по старому руслу. Вес Тефта на плечах мало чем отличался от веса моста. Это вернуло его в былые дни. Вылазки с мостами. Рагу по рогадскому рецепту на обед.

Смерть друзей... ежедневный ужас...

Воспоминания не утешали. Но ритм шагов, ноша на плечах, необходимость выложиться по полной во время изнуряющего марша – все это, по крайней мере, было ему знакомо.

Он следовал за Сил вверх по одной лестнице, потом по другой. Затем через еще один длинный туннель, чьи стены покрывал рисунок, напоминающий рябь во взбаламученном пруду. Каладин не останавливался.

Пока вдруг не насторожился.

Он не мог точно определить, что его встревожило, но инстинктивно спрятал свою сферу и нырнул в боковой проход. Шагнул в укромный уголок и опустился на колени, чтобы снять Тефта с плеч. Закрыв рукой рот лежащего без сознания друга на случай, если тот издаст какой-нибудь звук.

Через мгновение к ним подлетела Сил. Каладин видел ее в темноте, но она не освещала ничего вокруг. Он засунул другую руку в карман и крепко сжал сферу, чтобы она не испускала предательского света.

– Что случилось? – спросила Сил.

Каладин покачал головой. Он не знал, но не хотел об этом говорить. Он съежился у стены – надеясь, что Тефт не начнет бормотать или как-то иначе шуметь, – и услышал, как грохочет в ушах его собственный пульс.

Затем в коридоре, который Каладин только что покинул, появился тусклый красный свет. Сил немедленно спряталась за него, чтобы не выдать себя.

Свет приблизился. Это оказалась рубиновая сфера, над которой виднелась пара мерцающих красных глаз, озаряющих жуткую физиономию: чернейшую, с бледно-красными разво-

дами на щеках. Ниспадающие темные волосы как будто вливались в простую одежду. Существо, с которым Каладин сражался в Поде, то самое, которое он убил в горячей комнате особняка. Хотя Сплавленный переродился в новом теле, Каладин знал по рисунку кожи, что это тот же самый враг. Пришел отомстить.

Сплавленный надолго задержался на перекрестке, но Каладина, прячущегося в темноте, похоже, не заметил. К счастью, он продолжил путь, двигаясь в том направлении, откуда пришел Каладин.

Шквал... В прошлый раз удалось одержать верх над этой тварью без бурсвета, сыграв на ее высокомерии. Каладин сомневался, что этот легкий фокус получится повторить снова.

«Те певцы в клинике... один упомянул, что меня ищет какой-то Сплавленный. Назвал его Преследователем».

Существо явилось в башню специально, чтобы найти Каладина!

– Следуй за ним, – беззвучно шевеля губами произнес он, повернувшись к Сил. Она должна была понять смысл сказанного. – Я найду более укромное место и спрячусь там.

Его подруга на мгновение превратилась в светящийся глиф «кеджей», означающий положительный ответ, и умчалась за Преследователем. Она больше не могла слишком сильно отдаляться от Каладина, но какое-то время сумела бы следовать за Сплавленным. Каладин надеялся, что она проявит осторожность – некоторые враги могли видеть спренов.

Каладин снова взвалил Тефта на плечи, а затем двинулся в темноту, не доставая сферу. В недрах башни он всегда испытывал гнетущее ощущение, будучи так далеко от неба и ветра, но в темноте дела пошли еще хуже. Слишком просто было представить себе, что он заперт здесь навеки, без сфер, обречен блуждать в каменной гробнице.

Он свернул на перекрестках еще несколько раз, надеясь отыскать лестницу на другой этаж. К несчастью, Тефт снова начал что-то бормотать. Стиснув зубы, Каладин нырнул в первую попавшуюся комнату через узкий дверной проем. Здесь он опустил Тефта на пол и постарался заглушить шум.

Через мгновение ворвалась Сил, заставив Каладина вздрогнуть.

– Он идет, – прошипела она. – Прошел совсем немного по неправильному коридору, потом остановился, осмотрел пол и вернулся. Не думаю, что он меня заметил. Я следовала за ним достаточно долго, чтобы увидеть, как он остановился на том месте, где ты недавно прятался. Там он обнаружил пятнышко крови на стене. Я поспешила вперед – он знает, что ты где-то рядом.

Шквал. Каладин взглянул на свою окровавленную одежду, потом на Тефта, который что-то бормотал, несмотря на все попытки его успокоить.

– Мы должны увести Преследователя, – прошептал Каладин. – Будь готова отвлечь его.

Она изобразила еще один утвердительный символ. Каладин оставил друга бормотать в темноте, а сам немного вернулся по своим следам. Остановился у перекрестка, сжимая скальпель. Он не позволил себе иного света, кроме того, который излучала Сил; немногие заряженные сферы, что еще остались, были спрятаны в черном кошельке.

Он перевел дух и еле слышно изложил свой план Сил. Она улетела дальше по черному коридору, оставив Каладина в полной темноте.

Ему так и не удалось испытать состояние полнейшей отрешенности, которое, как твердили некоторые солдаты, нисходило на них в бою. Он сомневался, что желает этого. Тем не менее он взял себя в руки, выровнял дыхание и сосредоточенно прислушался.

Ненапряженный, расслабленный, но готовый вспыхнуть. Как трут, ожидающий искры. Каладин не торопился, дожидаясь нужного момента, чтобы вдохнуть бурсвет из последних сфер.

Справа послышались шаги, и по стенам медленно потек красный свет. Каладин затаил дыхание, приготовился, прижимаясь спиной к стене.

Преследователь замер, не дойдя до перекрестка, и Каладин понял, что существо заметило Сил, которая должна была промчаться мимо. Мгновение спустя скребущие звуки возвестили о том, что Преследователь сбросил оболочку, словно шелуху, и в виде красной ленты устремился за Сил. Отвлекающий маневр сработал. Сил уведет его.

Насколько они знали, Сплавленный не мог причинить спрену вреда естественным путем – только с помощью осколочного клинка. И даже в этом случае вред был временным; если разрезать спрена осколочным клинком, а то и разорвать на куски, он в конце концов возникнет заново в Когнитивной реальности. Опытным путем удалось установить, что спрен останется разделенным, только если поместить его половинки в отдельные самосветы.

Каладин отсчитал десять ударов сердца, затем достал маленькую сферу, чтобы освещать себе путь, и бросился в коридор. Мельком взглянув на брошенную оболочку Преследователя, он побежал в комнату, где оставил Тефта.

Оказавшись в шаге от драки, он ощутил поразительный прилив энергии. Без труда взвалив Тефта на плечи, Каладин помчался прочь, как будто в его жилах опять бурлил бурсвет. При свете сферы он вскоре нашел лестничный колодец и почти бросился вверх – но резко остановился, заведя там слабые проблески света.

До него донеслись ритмичные голоса. Враги были и сверху, и снизу. Каладин покинул лестничную клетку, но через два коридора увидел далекие огни и тени. Он свернул в боковой коридор, обливаясь ручьями пота. На каменном полу поблизости закопошились спрены страха, похожие на сгустки слизи.

Он уже через это проходил. Побег сквозь тьму. Люди, организованными отрядами разыскивающие его с фонарями, словно охотники. Тяжело дыша, Каладин потащил Тефта в другой боковой коридор, но вскоре заметил огни и в этом направлении.

Враг медленно затягивал удавку. Осознав это, Каладин невольно вспомнил ночь, когда подвел Налму и остальных. Ночь, когда он, как и во многих других случаях, выжил, а все его спутники умерли. Каладин больше не был беглым рабом, но ощущал себя так же, как и прежде.

– Каладин! – Сил подлетела к нему. – Я вела его к краю уровня, но мы наткнулись на солдат регулярной армии, и он повернул назад. Кажется, он понял, что я пытаюсь его отвлечь.

– Здесь несколько отрядов. – Каладин попятился в темноту. – Может быть, целая рота. Шквал. Преследователь, должно быть, подчинил себе все силы, посланные на обход помещений на шестом этаже.

Он был потрясен скоростью, с которой певцы расставили ловушку. Стоило признать, что это, вероятно, следствие его милосердия, когда он позволил солдату сбежать и рассказать остальным о случившемся.

И все же Каладин сомневался, что враг нашел время присвоить карты этого уровня, составленные под руководством Навани. Они не смогли бы разместить дозорных в каждом коридоре или на каждой лестнице. Сеть, смыкающаяся вокруг него, обязана иметь прорехи.

Он начал поиски. В боковом коридоре мелькнули приближающиеся темные фигуры. И на соседней лестнице. Они неумолимо надвигались отовсюду. К тому же он знал эту местность не лучше, чем они. Он петлял по коридорам, пока не угодил в тупик. Быстрый обыск соседних комнат не выявил никаких других выходов. Каладин оглянулся: раздались перекликающиеся голоса. Они говорили по-азирски, ритмично.

Чувствуя нарастающий ужас, Каладин положил Тефта на пол, пересчитал несколько сфер и снова достал скальпель. Точно. Ему... придется взять оружие у первого убитого солдата. Копье, если повезет. Что-то для боя на дистанции, иначе ему не выжить в бою в этих коридорах.

Сил приземлилась ему на плечо в облике молодой женщины – и села, сложив руки на коленях.

– Попробуем прорваться, – прошептал Каладин. – Есть шанс, что они пошлют в этом направлении только пару певцов. Убьем их, выскользнем из петли и убежим.

Она кивнула.

Но, судя по звукам, врагов была отнюдь не пара. И Каладин почти не сомневался, что уловил среди прочих голосов один, более резкий и громкий. Преследователь все еще шел за ним, возможно ориентируясь на едва заметные пятна крови, размазанные по стенам и полу.

Каладин затащил Тефта в какую-то комнату, а сам встал в дверях и принялся ждать. Он не испытывал спокойствия, но был готов. Он сжал скальпель обратным – рубящим – хватом, чтобы вонзить в прореху между панцирными пластинами на шее. Стоя там, Каладин ощутил, как наваливается тяжесть. Тьма была и снаружи, и внутри. А с ней усталость... Ужас... Спрены уныния рваными тряпками заколыхались на стенах.

– Каладин, – тихо сказала Сил. – Мы можем сдаться?

– Этот Сплавленный здесь не для того, чтобы взять меня в плен.

– Если ты умрешь, я снова останусь одна.

– Мы ускользали из более сложных передраг, чем...

Он замолчал и посмотрел на спутницу, сидевшую на плече: она как будто уменьшилась. Каладин не смог произнести остаток фразы. У него не было сил лгать.

В коридоре появился свет. Он приближался.

Каладин крепче сжал скальпель. В глубине души он всегда знал, что этим закончится: он будет стоять во тьме, один против многочисленных врагов, спиной к стене. Славный способ умереть, но Каладину не нужна была слава. Он еще в детстве отказался от этой дурацкой мечты.

– Каладин, что это? – воскликнула Сил. – На полу?

В правом дальнем углу комнаты появился тусклый фиолетовый огонек. Даже во тьме он был почти не виден. Нахмурившись, Каладин покинул свой пост у двери и изучил источник света. Сквозь камень шла гранатовая жила, и небольшой ее участок светился. Пока Каладин пытался понять почему, свет пришел в движение, побежал вдоль полосы кристаллов. Каладин последовал за ним до двери; огонек пересек коридор и проник в другую комнату, с противоположной стороны.

Немного поколебавшись, Каладин спрятал скальпель и снова взвалил Тефта на плечи. В коридоре снаружи он споткнулся и услышал, как неподалеку один из певцов сказал что-то на азирском. Это прозвучало неуверенно, как будто солдат заметил беглеца лишь мельком и сомневался в увиденном.

Шквал. Что он делает? Гоняется за призрачными огнями, как за звездными спреями? В комнатке с противоположной стороны коридора свет пересек пол и поднялся по стене: на ней обнаружился самосвет, глубоко врезаемый в камень.

– Фабриаль? – изумилась Сил. – Заряди его!

Каладин вдохнул немного бурсесвета, затем оглянулся. Голоса снаружи, тени. Свет стоило придержать для боя, и все же он сделал так, как сказала Сил, – влил его в самосвет. Остатка хватило бы на две-три маленькие сферы. Каладин был практически беззащитен.

Стена раскололась по центру. Он разинул рот, когда камень ожил; все происходило в необъяснимой тишине. Створки приоткрылись достаточно широко, чтобы впустить Каладина с Тефтом на плечах в потайной коридор. У него за спиной дверь плавно закрылась, и свет погас.

Каладин затаил дыхание, услышав голоса в комнате за стеной. Потом прижался к ней ухом, прислушиваясь. Он не мог разобрать почти ничего – шел спор, который, похоже, касался Преследователя. Каладин забеспокоился, что певцы могли заметить, как закрывается потайная дверь, но не услышал ни скрежета, ни стука. Однако они должны были заметить спренов, которых он привлек, и понять, что цель близка.

Остаться на месте было недопустимо. Маленький фиолетовый огонек на полу мерцал и двигался, поэтому Каладин потащил Тефта вслед за маячком по новым коридорам. В конце концов они добрались до потайной лестницы, которую, к счастью, никто не охранял.

Каладин поднялся по ней, хотя каждый шаг давался ему труднее предыдущего, и спрены изнеможения преследовали его. Он продолжал двигаться; свет привел его на одиннадцатый этаж, в другую темную комнату. Гнетущая тишина подсказала, что он достиг той части башни, которую враг не стал обыскивать. Каладин едва не рухнул, где стоял, но свет настойчиво пульсировал на стене – и Сил уговорила его проверить, что там.

Еще один самосвет, еле заметный. Остатки буресвета ушли на то, чтобы зарядить его. Каладин проскользнул в открывшуюся дверь и в абсолютной темноте опустил Тефта, чувствуя, как позади смыкаются каменные створки.

У него не было сил осматриваться. Дрожа, он рухнул на холодный каменный пол.

И наконец позволил себе погрузиться в сон.

45. Отважное сердце, острый и изобретательный ум

Девять лет назад

Все твердили Эшонай, что мир, запечатленный на картах, утрачивает таинственность. Некоторые слушатели настаивали, что дикую местность следует оставить неизведанной – как и положено владениям спренов и большепанцирников – и что, пытаясь отобразить эти края на бумаге, она рискует украсть их секреты.

Эшонай находила подобные заявления откровенно нелепыми. Она настроилась на ритм благоговения, когда вошла в лес, где над деревьями – ярко-зелеными шарами с торчащими во все стороны белыми шипами – роились спрены жизни. Ближе к Расколотым равнинам почти все было плоским, и лишь местами росли скопления камнепочек. Но здесь, не так уж далеко, процветала изобильная растительность.

Ее люди часто ходили в лес за дровами и грибами. Однако они всегда следовали одним и тем же маршрутом. Вверх по реке, день пути вглубь, собрать необходимое и вернуться. На этот раз она настояла на том, чтобы покинуть отряд, что вызвало большое беспокойство. Она пообещала встретиться с ними в главном лагере, после того как разведает внешний периметр леса.

Несколько дней она шла сквозь заросли, а потом наткнулась на реку. Теперь можно было срезать путь через сердце леса и добраться до лагеря своей семьи другим маршрутом. При ней будет новая карта, которая точно покажет, насколько велик лес – по крайней мере, некоторая его часть.

Эшонай пустилась в путь вдоль русла, настроенная на ритм радости, и рядом плыли речные спрены. Все так переживали, что она окажется в одиночестве во время бури. А ведь за свою жизнь Эшонай раз десять переживала разгул стихии вне убежища и выжила без особых проблем. К тому же среди деревьев всегда найдется приют.

Тем не менее ее семья и друзья волновались. Они занимали очень незначительный регион, мечтая о том дне, когда смогут отвоевать какой-нибудь из десяти древних городов по периметру Расколотых равнин. Эшонай считала подобную цель не стоящей внимания. Не лучше ли отправиться странствовать, посмотреть, какие еще чудеса скрывает мир!

Но нет. Существовала единственная возможная цель: завоевать один из городов. Найти укрытие за обваливающимися стенами, игнорируя природную крепость леса. Природа сильнее, чем творения слушателей, – у Эшонай не было в этом сомнений. Лес, вероятно, существовал, когда древние города только построили. Теперь они превратились в руины, а он знай себе рос, как и прежде.

Невозможно украсть секреты у чего-то настолько мощного, просто исследуя его. Можно только чему-нибудь научиться.

Она устроилась возле камня и развернула карту, нарисованную на драгоценной бумаге. Ее мать была одной из немногих во всех семьях, кто знал Песню Изготовления Бумаги, и с ее помощью Эшонай усовершенствовала процесс. Она пером зарисовала путь реки вдоль опушки леса, затем промокнула чернила насухо и снова свернула карту.

Эшонай была уверена в себе, настроена на ритм решимости, и все же нытье соплеменников в последнее время сильно раздражало.

«Мы знаем, где находится лес и как до него добраться. Зачем наносить его на карту целиком? Что это даст?»

«Река течет в известном направлении. Все знают, где ее найти. К чему столько возни, чтобы отобразить русло на бумаге?»

Слишком многие из ее семьи хотели притвориться, что мир меньше, чем на самом деле. Эшонай была убеждена, что именно поэтому они продолжали ссориться с другими семьями слушателей. Если пространство вокруг десяти городов и составляло весь мир, то борьба за него имела смысл.

Но их предки не сражались друг с другом. Их предки обратились лицом навстречу буре и ушли, бросив своих богов ради свободы. Эшонай воспользуется этой свободой. Вместо того чтобы сидеть у огня и жаловаться, она познает красоту, сотворенную Культивацией. И она задаст самый лучший вопрос из всех:

«Что я обнаружусь дальше?»

Эшонай продолжала идти, оценивая течение реки. Она использовала свои собственные методы подсчета расстояния, а затем перепроверяла результаты, осматривая одно и то же пространство под разными углами. Река продолжала течь еще несколько дней после Великой бури. А почему? Прочая вода утекала или впитывалась в землю. Каким образом эта река не исчезала? И где ее исток?

Реки и обитающие в них покрытые панцирями спрены будоражили ее воображение. Реки были ориентирами, указателями, дорогами. Если знаешь, где находится река, никогда не заблудишься. Эшонай устроила привал возле одного изгиба русла и обнаружила новую разновидность кремлецов – зеленую, как листва. Она никогда раньше не видела кремлецов такого цвета. Надо будет рассказать Венли.

– Красть секреты природы... – проворчала Эшонай в ритме раздражения. – Что такое секрет, как не ожидающий тебя сюрприз?

Покончив с вареными скрепунами, она потушила костер и разогнала спренов пламени, чтобы продолжить путь. По всем предположениям выходило, что через полтора дня она доберется домой. Затем, если она снова покинет семью и обогнет лес с другой стороны, сможет отобразить его на карте целиком.

Так много нужно было увидеть, узнать и сделать. Она намеревалась совершить множество открытий. Она хотела...

Это еще что?

Эшонай нахмурилась и замерла на месте. Течение реки ослабевало; к завтрашнему дню, вероятно, от нее останется тонкая струйка. Сквозь журчание воды путешественница услышала на другом берегу голоса. Неужели ее разыскивают? Она поспешила вперед, настроившись на ритм волнения. Быть может, в соплеменниках наконец-то проснулся исследовательский дух.

Почти добравшись до источника звуков, она ощутила их неправильность. Они были какими-то... плоскими, лишенными ритма. Как будто разговаривали мертвецы.

Мгновение спустя Эшонай миновала поворот реки и оказалась лицом к лицу с явлением столь удивительным и ужасным, что ей даже в голову не приходило думать о чем-то подобном. Эшонай увидела человек.

– Тупоформа страшит, ибо все отнимает, – процитировала Венли. – Превращая любого в глупца из глупцов, и жестокою, страшную плату взимает, без остатка твой разум перемолов. Она перевела дух и гордо расправила плечи. Девяносто одна строфа, безупречное прочтение.

Ее мать, Джакслим, кивнула, не отвлекаясь от работы за ткацким станком.

– Одна из твоих лучших декламаций, – сказала она в ритме похвалы. – Еще немного попрактикуешься, и перейдем к следующей песне.

– Но... я же все прочитала правильно.

– Ты перепутала седьмую строфу и пятнадцатую.

– Порядок не имеет значения.

– А еще пропустила девятнадцатую.

– Ничего я не пропустила! – огрызнулась Венли и начала мысленно перебирать строфы. Там было что-то про трудовую форму вроде бы? – Или... неужели пропустила?

– Да-да, – сказала мать. – Но не расстраивайся. У тебя хорошо получается.

«Хорошо?...»

Венли потратила годы на запоминание песен, в то время как Эшонай почти ничего полезного не делала. Венли была не просто «хороша». Она была великолепна!

Вот только... она забыла целую строфу? Венли посмотрела на мать, которая тихо напевала, не переставая трудиться.

– Девятнадцатая строфа не так уж важна, – заявила Венли. – Никто не забудет, как превращаться в рабочего. И тут еще тупоформа. Почему у нас есть строфа про нее? Никто по доброй воле ее не выберет.

– Нужно помнить прошлое, – возразила ей мать в ритме утраты. – Помнить, через что мы прошли, чтобы попасть сюда. Мы должны позаботиться о том, чтобы не забыть самих себя.

Венли настроилась на ритм раздражения, но тут Джакслим начала петь. У нее был красивый, поразительный голос. Не звучный и не дерзкий, но пронзающий до самых глубин души, словно нож, и текущий, как вода. Венли сама не заметила, как перешла к ритму благоговения.

Нет, ей еще далеко до совершенства. В отличие от матери.

Джакслим продолжала петь, а завороченная Венли слушала, стыдясь своей раздражительности. Просто иногда ей приходилось нелегко. Сидеть дома день за днем, учить песни, пока Эшонай развлекалась... Они обе были почти взрослыми, Эшонай до совершеннолетия остался год, а Венли – чуть больше двух. Пришла пора нести ответственность за свои поступки.

Пропев десять строф, мать умолкла.

– Спасибо, – сказала Венли.

– За то, что я спела то, что ты слышала тысячу раз?

– За то, что напомнила мне, – ответила Венли в ритме похвалы, – на кого я учусь.

Мать настроилась на ритм радости и продолжила работать за станком. Венли подошла к выходу из шатра и выглянула наружу. Члены семьи занимались различными делами – в основном рубили дрова и валили деревья. Ее народ, семья Первого Ритма, имел благородное происхождение. Их насчитывались многие тысячи, но прошло уже немало лет с тех пор, как семья Первого Ритма контролировала какой-нибудь город.

Соплеменники все время твердили, что скоро что-нибудь отвоюют. Вот выйдут из леса перед бурей и нападут, вернут свое законное обиталище. Это была превосходная и достойная

цель, но Венли испытывала раздражение, наблюдая, как воины мастерят стрелы и точат древние металлические копья. Неужели к этому и сводится их жизнь? К вечной войне за одни и те же десять городов?

Наверняка им уготовано что-то еще. Уж для нее точно. Она не просто полюбила эти песни, она хотела их применять. Отыскать обещанные ими тайны. Неужели Рошар сотворил кого-то вроде Венли только для того, чтобы она сидела в палатке из свиной кожи и заучивала слова, намереваясь передать их своей преемнице, – и так до самой смерти?

Нет, ей точно уготована какая-то другая, грандиозная судьба.

– Эшонай считает, что мы должны зарисовать песни в виде картинок, – сообщила Венли матери. – По ее словам, если сделать стопки бумаг с рисунками, мы ничего не забудем.

– Иногда твоя сестра говорит мудрые вещи.

Венли настроилась на ритм предательства.

– Она не должна так много времени проводить вдали от семьи, думая только о собственных удовольствиях. Она должна учить песни, как я. Это и ее долг тоже – она ведь твоя дочь!

– Ты права, – согласилась Джакслим. – Но у Эшонай отважное сердце. Ей просто нужно понять, что семья важнее, чем подсчет холмов за пределами лагеря.

– У меня тоже отважное сердце!

– У тебя острый и изобретательный ум, – уточнила мать. – Как и у меня. Не пренебрегай своими талантами только потому, что завидуешь талантам других.

– Завидую? Ей?

Мать Венли продолжала ткать. От нее не требовалось такой работы – ее положение хранительницы песен было высоким, возможно самым важным в семье. И все же Джакслим всегда старалась чем-то занять себя. Она говорила, что ручной труд поддерживает ее тело, а повторение песен – разум.

Венли настроилась на ритм тревоги, потом – уверенности и снова тревоги. Подошла к матери и села рядом на табурет. Джакслим излучала уверенность, даже когда занималась чем-то столь простым, как ткачество. Сложный рисунок ее кожи, состоящий из волнистых красных и черных линий, был одним из самых красивых в лагере – как настоящий мрамор. Эшонай унаследовала окраску матери.

А вот Венли пошла от отца – у нее была бело-красная кожа, с узором в виде завитков. На самом деле в ее узоре присутствовали не два, но три цвета, пусть многие слушатели и утверждали, будто не могут различить черных пятнышек на шее. Она-то могла! Обладание всеми тремя цветами было необычайно редкой особенностью.

– Мама, – сказала она в ритме волнения, – мне кажется, я кое-что обнаружила.

– И что же это?

– Я снова экспериментировала с разными спреями. Выносила их в бурю.

– Я тебя об этом предупреждала.

– Но не запретила, и я продолжила. Разве мы должны делать только то, что нам велят?

– Многие считают, что нам не нужно ничего, кроме трудоформы и бракоформы, – произнесла Джакслим в ритме задумчивости. – По их словам, искать чего-то еще – все равно что двигаться по направлению к формам власти.

– А каково твое мнение?

– Венли, ты всегда так беспокоишься о моем мнении. Большинство детей в твоем возрасте бросают вызов родителям и игнорируют их.

– У большинства детей нет такой матери, как ты.

– Льстишь? – спросила Джакслим в ритме веселья.

– Не совсем... – проговорила Венли и настроилась на смирение. – Мама, я хочу использовать то, чему научилась. У меня голова забита песнями о формах. Как я могу не стремиться обнаружить новые формы? Ради блага нашего народа.

Джакслим наконец перестала ткать. Она повернулась на табурете и, придвинувшись ближе к Венли, взяла ее за руки. Потом тихонько запела в ритме хвалы – это была просто мелодия, без слов. Венли закрыла глаза и позволила себе слиться с песней. Ей даже показалось, что она чувствует вибрацию сквозь кожу матери – чувствует душу Джакслим.

Венли поступала так – полагалась на мать и ее песни – с тех самых пор, как себя помнила. С тех самых пор, как ее отец ушел искать восточное море.

– Я горжусь тобой, Венли, – проговорила Джакслим. – Ты хорошо училась последние несколько лет – продолжала зубрить песни даже после того, как Эшонай сдалась. Я призываю тебя стремиться к самосовершенствованию, но помни, что ты не должна слишком сильно отвлекаться. Ты нужна мне. Ты нужна всем нам.

Венли кивнула, потом запела в унисон с матерью. Она чувствовала любовь, тепло, принятие от родных рук. И знала: что бы ни случилось, ее мать будет рядом, будет направлять и успокаивать. Ее песне не страшны даже бури.

Мать снова повернулась к ткацкому станку, а Венли продолжила декламировать. Она прочитала песнь целиком и на этот раз не пропустила ни одной строфы.

Закончив, она глотнула воды и стала ждать, что мама ее похвалит. Но Джакслим вознаградила дочь куда серьезнее.

– Расскажи-ка об этих твоих экспериментах со спренами.

– Я пытаюсь обнаружить боеформу! – провозгласила Венли в ритме предвкушения. – Я держалась у выхода из убежища во время бурь и пыталась привлечь правильного спрена. Это трудно, потому что большинство из них убегают, как только поднимается ветер... Но в прошлый раз я почувствовала, что близка. Спрен боли – вот ключ. Во время бурь они всегда поблизости. Если я сумею удержать одного рядом, думаю, у меня получится принять форму.

Если и впрямь получится, она станет первой слушательницей за многие поколения, кому удалось овладеть боеформой, с той самой поры, как человеки и певцы древности уничтожили друг друга в последней битве. Она могла принести своему народу такой дар, и они бы ее запомнили!

– Пойдем поговорим с Пятеркой. – Джакслим встала из-за станка.

– Подожди. – Венли схватила ее за руку, настраиваясь на ритм напряженности. – Ты собираешься передать им то, что я сказала? О боеформе?

– Естественно. Если ты намерена следовать этим путем, нам потребуется их благословение.

– Может, мне стоит еще попрактиковаться, прежде чем мы кому-нибудь расскажем.

Джакслим запела в ритме упрёка:

– Венли, это как с твоим отказом исполнять песни на публике. Ты боишься снова потерпеть неудачу.

– Нет, – поспешила заверить она. – Нет, конечно. Мама, я просто думаю, надо убедиться, что все работает. Иначе я могу вызвать неприятности.

В самом деле – лучше же убедиться, а тем самым избежать неудачи и насмешек! Это желание не делало Венли трусихой. Она примет новую форму, первой из всего народа. Это проявление отваги! Она просто хотела держать все под контролем.

– Пойдем со мной, – попросила Джакслим в ритме умиротворения. – Остальные это уже обсуждали – я была у них после того, как ты в первый раз мне все рассказала. Я намекнула старейшинам, что новые формы возможны, и верю, что они готовы попробовать.

– Неужели? – удивилась Венли.

– Да. Пойдем. Они отнесутся к твоей идее с радостью, которая редка для нашей нынешней формы. Она влияет на наш разум, пусть и не так, как тупоформа. Нам нужны новые формы, что бы ни твердили остальные.

Выйдя из шатра вслед за матерью, Венли невольно настроилась на ритм волнения. Если она обретет боеформу, откроет ли это ее разум? Придаст смелости? Успокоит страхи и тревоги, которые она часто испытывала? Она жаждала свершений. Жаждала изменить мир к лучшему – сделать его менее скучным, более ярким. Она хотела привести свой народ к величию. Из крема, из грязи – прямиком в небеса.

Пятерка собралась вокруг костра среди деревьев, обсуждая наступательную тактику предстоящего сражения. В основном она сводилась к тому, чем похвалиться и каким воинам позволить бросить копья первыми.

Джакслим подошла к старейшинам и спела им песню в ритме волнения, от начала до конца. Хранительница песен редко кого-то удостаивала такой чести, и с каждой строфой Венли хотелось воспарить от гордости.

Когда песня завершилась, Джакслим поведала, что ей рассказала дочь. Старейшины и впрямь заинтересовались. Они поняли, что ради новых форм стоит рискнуть. Уверенная, что ее не отвергнут, Венли шагнула вперед и настроилась на ритм победы.

Но не успела она начать, как за пределами селения раздался какой-то звук. Предупреждающие барабаны? Пятерка поспешно схватилась за оружие – древние топоры, копья и мечи, каждый из которых был драгоценен и передавался из поколения в поколение, поскольку у слушателей не было средств для создания нового металлического оружия.

Что произошло? Ни одна другая семья не напала бы на них здесь, в глуши. Такого не случалось уже несколько поколений, с тех пор как семья Чистых Песен совершила набег на семью Четвертого Движения в попытке украсть их оружие. Слушатели из Чистых Песен из-за этого проступка стали изгоями.

Старейшины поспешили прочь, и Венли осталась одна. Она не хотела оказаться вовлеченной в стычку, если таковая действительно случится. Ученица хранительницы песен была слишком ценной персоной, чтобы рисковать жизнью в сражении. Оставалось надеяться, что внезапная помеха, чем бы она ни была, вскоре исчезнет и Венли сможет по-настоящему наслаждаться вниманием Пятерки.

Так и получилось, что о невероятном открытии Эшонай и о том, что мир слушателей навсегда изменился, она узнала одной из последних. А еще до Венли с большим опозданием дошло, что действия безрассудной сестры полностью затмили ее собственное грандиозное заявление.

46. Тяжесть башни

Я приступаю к этому проекту со смесью трепета и надежды. И не знаю, какое чувство должно преобладать.

Из «Ритма войны», с. 1

Рабониэль лишила Навани слуг. Сплавленная, очевидно, думала, что бывшей королеве без них придется трудно. Поэтому Навани позволила себе испытать некоторую гордость, когда в первое утро оккупации Уритиру вышла из своих комнат с чистыми и заплетенными в косу волосами, в простой, но выглаженной и опрятной хаве, а также с макияжем. Мыться в холодной воде было неприятно, но фабриали не работали, так что вряд ли она могла рассчитывать на теплую воду даже при наличии прислуги.

Навани отвели в библиотеку в подвале Уритиру. Рабониэль сидела за столом, который еще вчера принадлежал королеве, просматривая ее записи. По прибытии Навани поклонилась: достаточно низко, чтобы показать повиновение, но не настолько, чтобы подразумевать рабство.

Сплавленная чуть отодвинула кресло и оперлась локтем о край стола, затем махнула рукой и запела, отпуская охранников.

– Что ты решила?

– Я соберу своих ученых, древняя, – сказала Навани, – и мы продолжим исследования под вашим наблюдением.

– Мудрый и опасный выбор, Навани Холин. – Рабониэль запела в другой тональности. – Я не нахожу в этих записях схем летательного аппарата.

Навани сделала вид, что размышляет, хотя на самом деле она уже обдумала этот вопрос. Секреты летающей платформы было невозможно сохранить; слишком многие ученые их знали. Кроме того, многие сопряженные фабриали нового типа, позволяющие боковое движение при сохранении высоты, уже использовались в башне. Сейчас они не действовали, но подчиненные Рабониэли наверняка могли распознать принцип их устройства.

После долгих споров с самой собой Навани пришла к выводу, что эту тайну придется выдать. Ее единственная надежда выйти из сложившейся затруднительной ситуации заключа-

лась в том, чтобы притвориться, будто она готова работать на Сплавленную, и вместе с тем тянуть время.

– Я намеренно держу главные схемы только в собственной голове, – солгала бывшая королева. – Объясняю ученым каждую часть по очереди. Со временем я нарисую для вас механизм, благодаря которому этот механизм работает.

Рабониэль запела в новом ритме – Навани не знала, что он означает. Явно излучая скепсис, Древняя встала и взмахом руки велела бывшей королеве занять свое место. Потом сунула ей перо и сложила руки на груди в ожидании.

Что ж, ладно. Навани начала рисовать. Быстрыми, четкими линиями она набросала схему сопряженного фабриала с кратким объяснением его устройства, а потом – более масштабное изображение летательного аппарата, в корпус которого были встроены сотни таких штуквин.

– Да, – сказала Рабониэль, когда Навани завершила набросок, – но как заставить его двигаться вбок? Конечно, конструкция позволяет поднять машину высоко, однако она просто останется там, на одном месте. Ты же не думаешь, что я поверю, будто у вас есть наземная машина, движущаяся в точной координации с той, что в небе.

– Вы понимаете в фабриалах больше, чем я предполагала, Повелительница желаний.

Рабониэль запела в неведомом ритме.

– Я быстро учусь. – Она указала на записи на столе Навани. – В прошлом мои соплеменники испытывали трудности, уговаривая спренов проявить себя в Когнитивной реальности в виде устройств. Похоже, спренам пустоты несвойственна такая... самоотверженность, как спренам Чести или Культивации.

Навани моргнула; смысл сказанного дошел до нее не сразу. Внезапно десяток разрозненных нитей в ее сознании сплелся в гобелен. Так вот в чем дело! Вот почему фабриали башни – насосы, лифты – не имели самосветов с пленными спренами.

Шквал... это разъясняло тайну духозаклинателей.

Рядом с ней возникло кольцо голубого дыма – явился спрен благоговения. Духозаклинатели не содержали спренов, потому что сами являлись спренами. Спрены могли проявляться в Физической реальности как осколочные клинки, здесь они становились металлом. Выходит, древних спренов каким-то образом уговорили принять облик не клинков, а духозаклинателей?

– Вижу, ты не знала, – заметила Рабониэль, придвигая себе стул.

Даже сидя, она была на фут выше Навани. Зрелище было причудливое: существо в броне, словно готовое к бою, сидело и перебирало научные заметки.

– Любопытно, что вы добились стольких вещей, о которых мы в былые эпохи даже не мечтали, но забыли гораздо более простой метод собственных предков.

– Мы... у нас не было доступа к спренам, которые могли бы говорить с нами, – пролепетала изумленная Навани. – Золотые ключи Вев... это... Не могу поверить, что мы этого не поняли. Это же приведет к...

– Боковое движение? – напомнила Рабониэль.

Навани, все еще оцепенелая, набросала ответ.

– Мы научились изолировать плоскости для сопряженных фабриалей, – объяснила она. – Надо использовать вот эту конструкцию из алюминиевых проводов, способных прикасаться к самосвету. В результате вертикальное положение сохраняется, однако возникает возможность перемещаться горизонтально.

– Поразительно, – сказала Рабониэль. – Ралкалест – вы называете его алюминием – вмешивается в Связь. Весьма изобретательно. Наверное, потребовалось много испытаний, чтобы получить правильную конфигурацию.

– Больше года, – призналась Навани. – После того, как мы сформулировали изначальную теорию. Наша проблема в том, что мы не можем двигаться вертикально и вбок одновременно

– фабриали, которые двигают нас вверх и вниз, привередливы, и прикосновение алюминия возможно только после того, как положение зафиксировано.

– Неудобно.

– Да, однако мы выработали систему: сперва останавливаемся, затем совершаем вертикальные перемещения. Случаются проблемы, ведь даль-перья в движущихся транспортных средствах работают с трудом.

– Кажется, должен существовать способ применить эти знания для создания даль-перьев, которые будут работать во время движения, – проговорила Рабониэль, изучая рисунок Навани.

– Я тоже так думала, – сказала бывшая королева. – Я собрала небольшую команду, чтобы развить эту мысль, но мы были заняты в основном другими делами. Оружие, которое вы применяете против наших Сияющих, все еще не дает мне покоя.

Рабониэль запела в быстром ритме, который показался Навани пренебрежительным.

– Древняя технология, от которой мало толку. Мы, конечно, можем высосать бурсвет из Сияющего, покуда он висит, пронзенный копьем... Но метод никоим образом не мешает спрену найти нового напарника. Мне бы хотелось, чтобы ваших спренов было легче поймать и заточить в самосветы.

– Я передам эту просьбу, – сказала Навани.

Рабониэль запела в другом ритме, потом улыбнулась. Выражение ее худощавого лица с мраморными разводами казалось хищным, и все-таки в том, насколько продуктивным выдался их разговор, ощущалось нечто заманчивое. Считанные минуты – и Навани узнала секреты, над которыми многие бились десятилетиями.

– Вот так мы закончим войну, Навани, – сказала Сплавленная, вставая. – Делясь информацией.

– И каким образом это завершит войну?

– Мы всем покажем: если действовать сообща, жизнь станет лучше.

– Под руководством певцов.

– Разумеется, – подтвердила Рабониэль. – Ты явно мудрая женщина, Навани Холин. Если бы ты могла многократно улучшить жизнь своего народа, разве это не стоит того, чтобы отказаться от самоуправления? Погляди-ка – прошло всего лишь несколько минут, а мы уже многого добились, поделившись знаниями.

«Я поделилась ими только из-за твоих угроз, – подумала Навани, стараясь не выдать своих мыслей. Они с Древней не беседовали как равные. – Не важно, что ты мне скажешь, Рабониэль. Ты можешь раскрыть любую тайну, какую пожелаешь, потому что я в твоей власти. Ты можешь просто убить меня, как только получишь все, что хочешь».

И все же она улыбнулась Сплавленной:

– Повелительница желаний, я хотела бы проверить, как там мои ученые. Надо посмотреть, как с ними обращаются, и установить наши... потери.

Навани надеялась, что выразилась достаточно ясно. Кого-то из ее друзей убили. Она об этом не забудет.

Рабониэль запела и жестом пригласила Навани следовать за ней. Будет нелегко соблюсти равновесие в игре, где обе стороны пытаются друг друга обмануть. Навани придется быть очень осторожной, чтобы не поддаться Рабониэли. Такого было единственное преимущество, которым бывшая королева обладала, в отличие от своих ученых: может, она и не заслуживала места в их рядах, но ей чаще приходилось сталкиваться с реальной политикой.

Рабониэль и Навани вошли во вторую из двух комнат библиотеки – ту, где было больше столов и стульев. Лучшие люди Навани – как ревнители, так и ученые – сидели на полу, склонив головы. Судя по расстеленным одеялам, здесь им и пришлось провести ночь.

Несколько человек подняли головы, чтобы посмотреть на нее, и она с облегчением отметила, что Рушу и Фалилар не пострадали. Она быстро произвела подсчет и сразу определила, кого не хватает. Она подошла к Фалилару, присела на корточки:

– Нешан? Инабар?

– Убиты, светлость, – тихо ответил он. – Они были в комнате с самосветной колонной вместе с обоими подопечными Нешана, ревнительницей Веванарой и горсткой несчастных солдат.

Навани поморщилась.

– Передай остальным, – прошептала она. – Пока что мы будем делать вид, что сотрудничаем с оккупантами.

Затем она подошла к Рушу:

– Я рада, что ты в порядке.

Ревнительница с заплаканным лицом кивнула:

– Я как раз спускалась сюда, чтобы собрать письмоводительниц и составить перечень разрушений в той лаборатории, когда... это случилось. Светлость, по-вашему, эти события как-то связаны?

Посреди хаоса Навани почти забыла про странный взрыв.

– Ты, случайно, не нашла среди обломков заряженные сферы?

«Точнее, странную сферу, заряженную пустосветом?»

– Нет, светлость. Вы же видели – там не осталось ничего целого. Но я успела затемнить помещение и проверить, не светится ли что-нибудь. Ничего не увидела – ни бурового, ни пустотного света.

Как и опасалась Навани, взрыв наверняка был связан со странной сферой – которую, по-видимому, они утратили.

Бывшая королева встала и подошла к Рабониэли.

– Не нужно было убивать моих ученых во время штурма. Они не представляли никакой угрозы.

Рабониэль запела в быстром ритме:

– Больше никаких предупреждений, Навани. Используй мой титул, обращаясь ко мне. Я не хочу, чтобы тебе навредили, но есть тысячелетние правила приличия, которым ты обязана следовать.

– Я... понимаю, Повелительница желаний. Думаю, если немедленно привлечь моих оставшихся людей к работе, это пойдет на пользу моральному духу. Чем прикажете заняться?

– Чтобы облегчить переход, – сказала Рабониэль, – пусть продолжат то, что делали до моего прибытия.

– Многие трудились над фабриями, которые больше не действуют.

– Тогда пусть займутся чертежами и напишут об экспериментах, которые проводили до оккупации. Я позабочусь о том, чтобы их новые теории опробовали.

Значит, фабриали Уритиру могут снова включиться?..

– Как пожелаете, Древняя.

А потом Навани занялась подлинной проблемой: стала планировать, как им всем выбраться из этой передраги.

Каладина разбудил дождь. Он моргнул, чувствуя туман на лице, и увидел небо, в котором застыли изломанные молнии – они висели неподвижно, не исчезая, обрамленные бурлящими темными тучами.

Он уставился на странное зрелище, а потом перекатился на бок и наполовину погрузился в лужу ледяной воды. Это его родной Под? Военные лагеря? Или... какое-то другое место?

Он застонал и вынудил себя подняться. Ран не было видно, но в голове стучала боль. Оружия нет. Без копья он все равно что голый. То и дело налетал шквалистый ветер, неся полосы дождя, и Каладин готов был поклясться, что видит внутри их очертания – как будто капли, падая, на миг обрисовывали человеческие фигуры.

Вокруг было темно, однако вдаль угадывались какие-то утесы. Он пошел по воде, удивляясь, что рядом нет спренов – даже спренов дождя. На вершине холма мелькнул свет, и Каладин двинулся вверх по склону, стараясь не потерять равновесие на скользком камне. В глубине души он удивился, как может что-то видеть. Застывшие изломы молний давали слишком мало света. А не доводилось ли ему бывать в подобном месте? Где есть свет под черным небом?

Он остановился и уставился вверх, дождь стекал по его лицу. Все было... неправильным. Это же... не настоящее, верно?

Движение.

Каладин резко обернулся. Из темноты по склону спускался кто-то невысокий. Казалось, незнакомец целиком состоял из клубящегося тумана, его лица было не разглядеть, но он был вооружен копьем. Быстрым движением руки Каладин поймал древко, вывернул его и оттолкнул противника, применив классический разоружающий прием.

Этот призрачный нападающий был не слишком опытен, и Каладин легко отнял копье. Инстинкт взял верх: он развернул оружие и вонзил в шею незнакомца. Когда коротышка упал, из ниоткуда появились еще двое, оба с копьями в руках.

Каладин отбил один удар и отбросил нападавшего рассчитанным толчком, затем развернулся и сбил другого с ног. Он заколол его быстрым ударом в шею, а затем легко вонзил копье в живот оставшемуся противнику, когда тот встал. Кровь стекала по древку на пальцы Каладина.

Он выдернул копье; дымчатый силуэт упал. Приятно было держать оружие. Иметь возможность сражаться без забот. И ничто не давило на него, кроме отяжелевшей от дождевой воды униформы. Раньше драться было просто. До того как...

До того как...

Клубящийся туман рассеялся, и трое убитых оказались молодыми гонцами в униформе Амарама. Каладин прикончил их своим копьем. Перед ним было три трупа, включая его брата.

– Нет! – хрипло закричал Каладин, преисполненный ненависти. – Как ты смеешь мне такое показывать? Все случилось не так! Я там был!

Он отвернулся от посыльных, устремив взгляд в небо.

– Я его не убивал! Я просто подвел его. Я... я просто...

Каладин отшатнулся от мертвых мальчиков и, уронив копье, схватился за голову. Ощупал шрамы на лбу. Они казались очень глубокими – словно ущелья, рассекающие его череп.

«Шаш». Опасный.

В вышине зарокотал гром, и Каладин, спотыкаясь, спустился с холма. Перед глазами стоял образ Тьена – мертвого и окровавленного. Что это было за ужасное видение?

– Ты спас нас, чтобы мы могли умереть, – произнес голос из темноты.

Он знал этот голос. В поисках источника звука Каладин развернулся, подняв брызги дождевой воды. Теперь он был на Расколотых равнинах. В потоках дождя мелькали очертания людей. Образы, сотворенные падающими каплями, отчего-то пустые внутри.

Дождевые призраки атаковали друг друга, и он слышал гром войны. Крики, лязг оружия, топот. Звуки неслись отовсюду, сбивая с толку, а потом – в один миг – он очутился посреди страшной битвы, и предполагаемые очертания превратились в реальных людей. Солдаты в синем сражались против других, тоже в синем.

– Прекратите драться! – крикнул им Каладин. – Вы убиваете своих! Они такие же, как вы!

Они, казалось, не слышали его. Кровь текла под ногами вместо дождевой воды, брызги и потоки сливались, а копейщики нетерпеливо карабкались по телам павших, чтобы продолжить

убивать друг друга. Каладин оттолкнул одного от другого, затем схватил третьего и потянул назад – только чтобы обнаружить, что это Лопен.

– Лопен! – сказал Каладин. – Послушай меня! Хватит драться!

Лопен оскалил зубы в ужасной усмешке, затем отшвырнул Каладина в сторону, а сам бросился на еще одного бойца – Камня. Тот споткнулся о труп, и Лопен убил его копьем в живот, но затем Тефт убил Лопена ударом сзади. Бизиг ударил Тефта ножом, и Каладин не увидел, кто прикончил Бизига. Он был слишком напуган.

Сигзил с дырой в боку упал рядом, и Каладин подхватил его.

– Почему? – спросил Сигзил, кровь капала с его губ. – Почему ты не позволил нам спать?

– Это не настоящее. Это не может быть настоящим.

– Ты должен был дать нам умереть на Равнинах.

– Я хотел вас защитить! – крикнул Каладин. – Я должен был вас защитить!

– Ты проклял нас...

Каладин бросил умирающего и заковылял прочь. Потом склонил голову и, чувствуя туман в голове, побежал. Краем сознания он понимал, что этот ужас был ненастоящим, но все еще слышал крики. Обвинения.

«Зачем ты это сделал, Каладин? Почему ты убил нас?»

Он зажал уши ладонями, так стремясь спастись от кровавой бойни, что чуть не свалился в пропасть. Он резко остановился, балансируя на краю. Споткнулся и посмотрел налево. Военные лагеря были там, на невысоком холме.

Он здесь уже бывал. Он вспомнил это место, эту бурю, легкий дождь. Это ущелье, где он чуть не погиб.

– Ты спас нас, – сказал знакомый голос, – чтобы мы могли страдать.

Моаш. Он стоял на краю пропасти рядом с Каладином. Бывший мостовик обернулся, и Каладин увидел его глаза – черные ямы.

– Люди думают, что ты был милостив к нам. Но мы оба знаем правду, не так ли? Ты сделал это ради себя. Только не ради нас. Если бы ты был по-настоящему милосерден, то подарил бы нам легкую смерть.

– Нет, – сказал Каладин. – Нет!

– Пустота ждет, Кэл, – продолжил Моаш. – Ничто. Ты сможешь сделать все, что угодно, даже убить короля, без сожаления. Один шаг. Тебе больше никогда не придется чувствовать боль.

Моаш сам шагнул вперед – и упал в пропасть. Каладин рухнул на колени на краю, дождь струился вокруг. Он в ужасе уставился вниз.

Потом начал просыпаться где-то в холоде. Сразу же суставы и мышцы заныли от боли, требуя его внимания с усердием ребенка в истерике. Он застонал и открыл глаза, но вокруг была только темнота.

«Я в башне, – подумал Каладин, вспоминая события предыдущего дня. – Шквал. Ури-тиру захватили Сплавленные. Я едва успел спастись».

Кошмары, похоже, усиливались. Или они всегда были такими, но Каладин этого не помнил. Он лежал, тяжело дыша, обливаясь потом, словно после тренировки, и вспоминал, как умирали его друзья. Вспоминал, как Моаш шагнул во тьму и исчез.

Сон должен был освежить, но Каладин чувствовал себя более усталым, чем когда рухнул без сил. Он застонал и с трудом сел, прислонился к стене. Затем, ощущая внезапный приступ паники, ощупал все вокруг. Смятенный внутренний голос твердил, что он обнаружит Тефта мертвым на полу.

Но тот лежал рядом и все еще дышал. Каладин вздохнул с облегчением. Тефт, к сожалению, обмочился – если ничего не предпринять, его ждет быстрое обезвоживание, а без мытья и подкладного судна наверняка появятся спрены гниения.

Шквал. Над Каладином нависла тяжесть его поступка, почти такая же невыносимая, как вес самой башни. Он один, затерян во тьме, без бурсвета и без питья – не говоря уже о настоящем оружии. Ему надо позаботиться не только о себе, но и о друге, находящемся без сознания.

О чем он только думал? Каладин не верил в увиденный кошмар, но и не мог полностью избавиться от его отголосков. Почему? Почему он не мог просто сдаться? Почему продолжает бороться? Неужели это действительно ради них?

Или ради себя? Потому что он не мог опустить руки и признать поражение?

– Сил? – позвал он в темноту. Когда она не ответила, он позвал снова, его голос дрожал. – Сил, где ты?

Нет ответа. Каладин ощупал вокруг себя и понял, что понятия не имеет, как выбраться из этого помещения. Он похоронил себя и Тефта здесь, в этой слишком густой темноте. Они умрут медленной смертью в одиночестве...

Затем появился огонек – к счастью, это была Сил. Она не могла проходить сквозь стены – у Сияющих спренов было достаточно плотности в Физической реальности, чтобы большинство материалов им препятствовали. Вместо этого она, похоже, проникла через какое-то отверстие высоко в стене.

Ее появление отчасти вернуло Каладину способность мыслить здраво. Он судорожно вздохнул, когда она опустила на его протянутую ладонь.

– Я нашла выход, – сказала она, принимая облик бойца в униформе разведчика. – Но не думаю, что ты там пролезешь. Даже ребенку будет тесно. Я разведала окрестности, хотя далеко уйти не смогла. На многих лестничных площадках стоят стражники, однако они, похоже, не ищут тебя. Эти этажи достаточно обширные, и я думаю, они поняли, что найти здесь одного человека практически невозможно.

– Думаю, это хорошая новость. Есть идея, что за свет привел меня сюда?

– У меня... есть теория, – призналась Сил. – Давным-давно, еще до того, как между спренами и людьми все пошло наперекосяк, было три узокователя. Один для Буреотца. Один для Ночехранительницы. И еще один – для Сородича. Это был спрен не мужского и не женского пола, который обитал в этой башне и не показывался людям. Все считали, что Сородич давно умер.

– Хм, – сказал Каладин, ощупывая дверь, которая открылась, чтобы впустить его. – Каким... было это существо?

– Не знаю, – сказала Сил, перелетая к нему на плечо. – Светлость Навани задавала по этому поводу вопросы, и другие Сияющие спрены знали не больше, чем я только что сказала. Помни, многие спрены, знавшие о старых временах, умерли – а Сородич всегда был скрытным. Я не знаю, каким он был и почему смог создать узокователя. Но если он жив, то я не понимаю, почему в башне столько всего не работает.

– Ну, эта стена сработала, – сказал Каладин, нащупывая самосвет.

Теперь камень потемнел, но с этой стороны он был гораздо заметнее. Каладин легко мог не увидеть его из коридора. Выходит, такие камни были встроены в стены, скрывая потайные двери и в других комнатах?

Он коснулся самосвета. Несмотря на то что бурсвета больше не было, внутри появился огонек. Белый и мерцающий, как звезда. Огонек расширился и превратился в маленькую вспышку бурсвета, после чего дверь бесшумно распахнулась вновь.

Каладин перевел дух и почувствовал, как паника немного отступает. Он не умрет в темноте. Будучи заряженным, самосвет работал, как и любой другой фабриаль, до тех пор, пока у него оставался запас энергии.

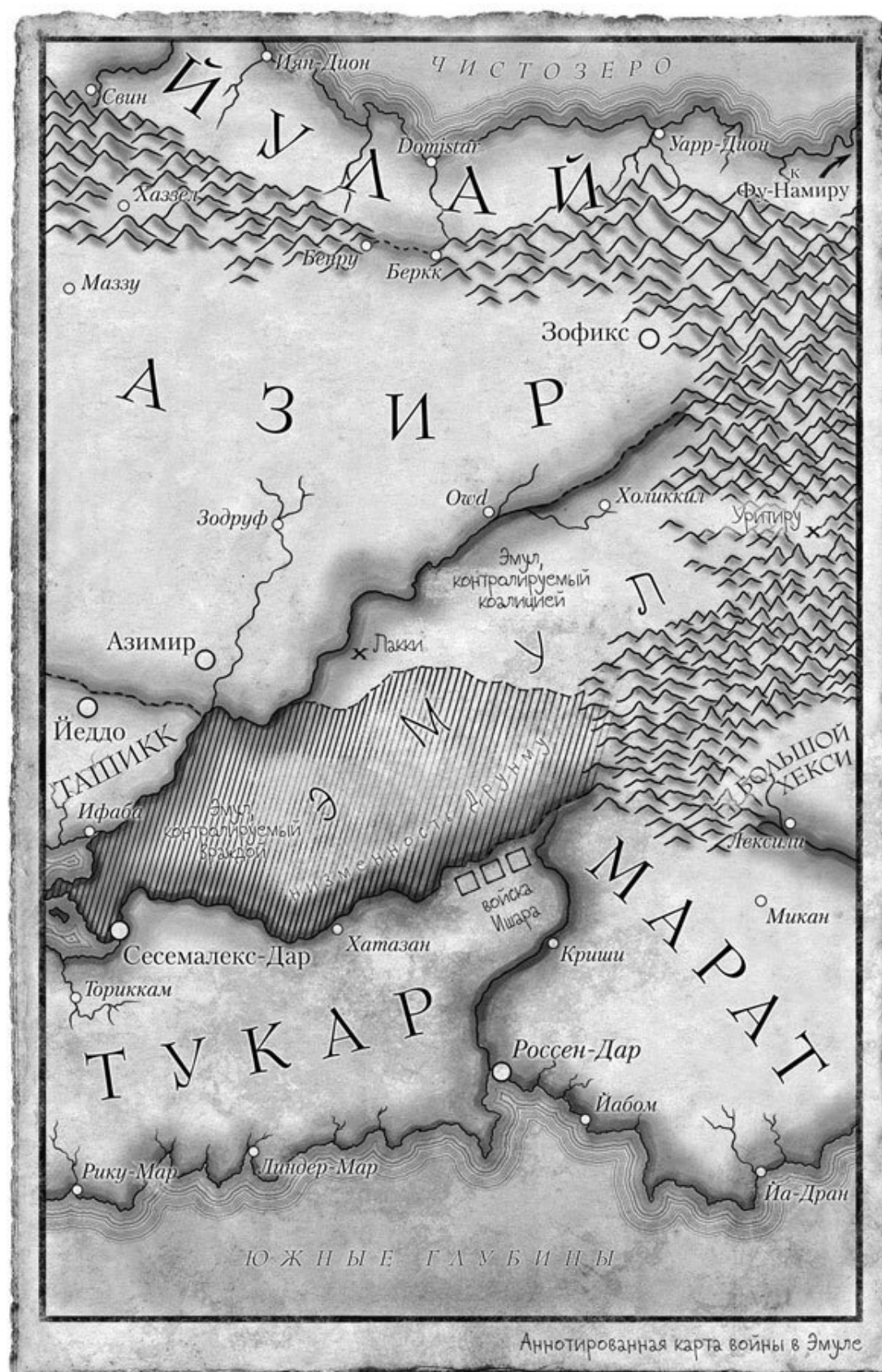
Он посмотрел на Сил:

– Сможешь найти дорогу обратно к Тефту, если мы уйдем на разведку?

– Я запомню путь.

– Отлично, – сказал Каладин. – Потому что нам нужны припасы.

Он пока не мог позволить себе мыслить в долгосрочной перспективе. Пугающие вопросы – как быть с башней, с десятками Сияющих во вражеском плену, с его семьей – должны были подождать. Сначала понадобится вода, еда, бурсвет и, самое главное, оружие получше, чем скальпель.

47. Клетка, выкованная из душ

Я приступаю к этому проекту с обновленным вдохновением; нет ничего важнее ответов.

Из «Ритма войны», примечание к с. 1

Палуба качнулась под ногами Далинара, и он ухватился за перила, чтобы не упасть. – Неболомы! – крикнул он. – Пытаются добраться до фабриальных корпусов!

Неподалеку две фигуры в синем прыгнули за борт, вспыхнув бурсветом. Платформа продолжала трястись. Двоих не хватит, чтобы справиться с проблемой. Шквал, где же...

Примчался отряд из десяти ветробегунов под командованием Сигзила и атаковал нижнюю сторону платформы. Эта летающая машина была не такой, как «Четвертый мост», но подобные устройства тем не менее были отличными наблюдательными пунктами для осмотра поля боя. Если, конечно, на них никто не нападал.

Далинар крепко держался за перила, поглядывая на Норку, который был привязан к Далинару веревкой. Коротышка дико ухмылялся, вцепившись в перила. К счастью, платформа вскоре перестала качаться, и неболомы рассеялись, сопровождаемые фигурами в синем с копиями.

«Меньше Небесных, чем я ожидал», – отметил про себя Далинар.

Ветер взъерошил его волосы. Он обнаружил только четверых летающих Сплавленных, которые наблюдали за полем боя сверху и время от времени давали указания наземным войскам. Они не вступали в бой.

«Враг полагается в этой битве на неболомов».

Возможно, основная масса Небесных осталась с главными силами противника в нескольких днях пути.

Норка высунулся за край платформы, пытаясь заглянуть прямо под нее – туда, где сражались Сияющие. Казалось, его несколько не беспокоила возможность свалиться с высоты трехсот ярдов. Обычно он вел себя как параноик, но теперь относился к опасности с поразительной беспечностью.

Войска под ними удерживали боевой строй. Армия Далинара, усиленная подразделениями азирцев, сражалась с вероломными солдатами Таравангиана, которые попытались отбить своего короля. Веденцев сопровождало небольшое количество Сплавленных и отряды певцов – войско было достаточно маленьким, чтобы незаметно приблизиться до того, как станет известно о предательстве.

На платформе Далинара около пятидесяти лучников перестроились после хаоса, который последовал за внезапной атакой неболомов. Через несколько мгновений они обрушили на веденцев ливень стрел.

– Скоро сломаются, – тихо сказал Норка, оглядывая поле боя. – Их линия еле держится. Азирцы дерутся славно – лучше, чем я ожидал.

– У них отличная дисциплина, – согласился Далинар. – Просто кто-то должен был ими руководить.

Отдельно взятый азирский солдат не мог сравниться с воином-алети, но в прошлом году, узрев их дисциплину собственными глазами, Далинар порадовался, что ему ни разу не приходилось сталкиваться с азирской пехотой в бою. Большие подразделения азирских пикинеров были менее мобильными, чем их алетийский эквивалент, но координировались безупречно.

Они оказались потрясающим дополнением к войску алети, более гибкому и содержащему много разновидностей специализированных войск. С азирскими отрядами в качестве ударных клиньев и алетийской тактикой они сумели выстоять против врага, хоть у того и были естественные преимущества – панцирная броня и более сильное телосложение.

А веденские предатели? Что ж, Норка оказался прав. Вражеская линия начала поддаться и трещать. У них не было всадников. Норка тихо отдал приказ одной из письмоводительниц, и Далинар догадался, что он велел легкой кавалерии неустанно атаковать левый фланг. Задние ряды веденцев осыпали стрелами, отвлекая от передней линии сражения и еще сильнее нагружая дрогнувший строй.

– Должен признать, – сказал Норка Далинару, пока за их спинами щелкали тетивы луков, – это отличный способ наблюдать за полем боя.

– А ты беспокоился о том, что отсюда нельзя спастись.

– Ну-у... – Норка посмотрел на землю внизу. – Я скорее переживал, что все пути к спасению будут прерваны столкновением с поверхностью. До сих пор не знаю, разумно ли забираться сюда нам обоим; мы должны быть на разных платформах, чтобы, если один упадет, другой мог продолжать руководить войсками.

– Ты ошибаешься в моих намерениях, Диено, – сказал Далинар, дергая за веревку, которая связывала их. – Моя задача в этой битве – не принять командование, если тебя убьют. Она в том, чтобы вытащить тебя отсюда, прежде чем тебя убьют.

Одна из спасательных шлюпок Ясны ждала на другой стороне, в Шейдсмаре. В крайнем случае Далинар мог протащить себя и Норку через перпендикулярность. Они упадут с небольшой высоты – не такой, как в физическом мире, – в обитый войлоком корабль с запряженными мандрами.

Неудивительно, что Норке не понравился такой метод спасения. Он не мог его контролировать. По правде говоря, Далинар и сам не был полностью доволен – он еще не до конца доверял своим силам. Он владел ими недостаточно хорошо.

Ветробегуны приблизились за новой порцией бурсвета, и Далинар открыл перпендикулярность. Ему удалось приоткрыть ее лишь чуть-чуть, обновив тех, кто находился поблизости, но не позволив неболомам получить свою долю. Они отступили; неболомы не могли сравниться с ветробегунами, которые постоянно подзаряжались, и обычно их выставляли на поля сражений, где Далинар отсутствовал.

Пока Норка принимал донесения о потерях – к несчастью, среди них оказались два ветробегуна-оруженосца, – к Далинару подошла молодая письмоводительница с кипой бумаг и мигающим даль-пером.

– Известия из Уритиру, светлорд. Вы хотели узнать, как только мы что-то услышим.

Далинар почувствовал, как огромная тяжесть соскользнула с его плеч.

– Наконец-то! Что происходит?

– Неприятности с фабриалами, – доложила письмоводительница. – Светлость Навани говорит, что включилась какая-то странная защитная аура, не позволяющая Сияющим использовать свои силы. Это также препятствует работе фабриалей. Ей пришлось послать разведывательную группу подальше в горы, чтобы оттуда передать сообщение. Все в порядке, она работает над решением проблемы. Однако именно поэтому Клятвенные врата не действуют. Она просит проявить терпение и спрашивает, не случилось ли здесь чего-нибудь странного.

– Расскажи ей о предательстве Таравангиана, – велел Далинар, – но сообщи, что я в безопасности, как и наша семья. Мы сражаемся с предателями, и в ближайшее время должны одержать победу.

Она кивнула и пошла отправлять сообщение. Норка приблизился; он либо подслушал, либо сам получил аналогичное известие.

– Нас пытаются запутать и отвлечь от предательства. Громоздят атаки на нескольких фронтах.

– Еще одна уловка, направленная против Клятвенных врат, – согласился Далинар. – Когда они применили к великому маршалу Каладину то устройство, наверное, это было своего рода проверкой. Они вырубили Уритиру на некоторое время, чтобы изолировать нас.

Норка высунулся наружу, шурясь на армии внизу.

– Как-то все это пованивает, Черный Шип. Если уловка нацелена на то, чтобы изолировать боевые действия в Азире и Эмуде, враг совершил тактическую ошибку. Его силы в этой части страны подставились, у нас преимущество. Певцы приложили столько усилий, чтобы блокировать Врата и отрезать нам путь к отступлению... но ведь отступать и не нужно.

– Думаешь, нас отвлекают от чего-то другого?

Норка медленно кивнул. Далеко внизу кавалерия сделала очередную вылазку. Шеренга предателей прогнулась еще больше.

– Я скажу остальным, чтобы они были начеку, – решил Далинар, – и пошлю разведчиков в Уритиру. Я согласен, что-то здесь не так.

– Убедись, что армии, с которыми мы будем сражаться в Эмуде, не были тайно усилены. Подобное может иметь для нас ужасные последствия – единственная катастрофа, которую я могу себе вообразить, это осада Азимира и невозможность туда попасть через Клятвенные врата. Мне бы не хотелось оказаться на месте тех, кто там застрелен.

– Согласен, – сказал Далинар.

Норка опасливо высунулся еще дальше, наблюдая за полем боя внизу. Было плохо слышно – приглушенный лязг, крики издали. Люди мельтешили, как спрены жизни.

Но Далинар чувствовал запах пота. Слышал рев. Он физически ощущал, как стоит посреди дерущихся, кричащих, умирающих тел и возвышается над ними с клинком в руке. Тому, кто испытал почти абсолютную неуязвимость в осколочном доспехе посреди обычных смертных, было трудно об этом забыть.

– Тоскуешь, – заметил Норка, бросив на него взгляд.

– Да, – признался Далинар.

– Ты бы пригодился на земле.

– Там я был бы просто еще одним мечом. На другой позиции я могу сделать больше.

– Прости, Черный Шип, но ты никогда не был «просто еще одним мечом». – Норка скрестил руки на груди и прислонился к деревянным перилам. – Ты все время говоришь, что от

тебя больше пользы в другом месте, и да, буря для обновления сфер получается славная. Но я чувствую, что ты способен на большее. Что ты задумал?

В этом и заключался главный вопрос. Далинар ощущал, что ему еще многое предстоит сделать. Великие вещи. Важные вещи. Задачи, доступные лишь узокователю. Но как до них добраться, как понять, что к чему...

– Они вот-вот сломаются, – сказал Норка, выпрямляясь. – Отпустишь или прижмешь и раздавишь?

– А ты бы как поступил?

– Не люблю сражаться с теми, кто осознает свое безвыходное положение.

– Мы не можем позволить им усилить позиции врага на юге, – сказал Далинар.

Это будет их настоящее поле битвы, как только текущая стычка закончится. Война за Эмул – вот что важнее всего.

– Будем давить, пока не сдадутся, – добавил он.

Норка начал отдавать приказы. Снизу на поле боя громохнули барабаны: вражеские командиры отчаянно пытались сохранить дисциплину в распадающемся строю. Далинар почти слышал крики, полные паники. В воздухе витало отчаяние.

«Норка прав. Они сосредоточили все силы и ударили по нам здесь, но что-то не так. Мы упускаем часть вражеского плана».

Пока он наблюдал, подошел невзрачный солдат. Сегодня Далинар привел с собой лишь горстку телохранителей: троих из Кобальтовой гвардии и осколочницу – рогоедку Струну, которая по причинам, которые он не совсем понимал, взяла на себя смелость присоединиться к его личной страже.

У него также было тайное оружие – мужчина, который сейчас стоял рядом, такой заурядный в алетийской униформе, с мечом в ножнах, чуть длиннее уставного. Сзет, Убийца в Белом, с фальшивым лицом. Шинец молчал, хотя сложное светоплетение изменило его голос. Он просто смотрел, прищурив глаза. Что он увидел на этом поле боя? Что привлекло его внимание?

Внезапно Сзет схватил Далинара за мундир и оттащил в сторону. Далинар едва успел вскрикнуть от удивления, как рядом с платформой лучников поднялся ослепительный от бурсвета силуэт с серебристым клинком в руке. Сзет встал между Далинаром и неболом, его рука потянулась к мечу. Но Далинар не дал ему обнажить оружие. Едва это случалось, происходили опасные вещи. Стоило убедиться, что другого выхода нет, прежде чем выпустить на волю необычный клинок.

Вновь прибывший был Далинару знаком. Темно-коричневая кожа, родимое пятно на щеке, недавно обритая голова. Налан – он же Нейл; Вестник и предводитель неболомов. Застыв в дерзкой и вызывающей позе, с клинком в руке, он обратился к Далинару:

– Узокователь, твоя война несправедлива. Ты должен подчиниться законам...

Стрела вонзилась ему прямо в лицо, остановив тираду. Далинар оглянулся, затем остановил Струну, которая снова натягивала свой осколочный лук.

– Подожди. Я хочу его выслушать.

Нейл со страдальческой гримасой выдернул стрелу и отбросил ее, позволив бурсвету исцелить рану. Можно ли прикончить этого человека? Эш сказала, что враг каким-то образом убил Йезриена – однако раньше, когда Вестники умирали, их души возвращались в Преисподнюю, ожидая пыток.

Нейл не стал продолжать свою обличительную речь. Он легко взобрался на перила платформы, затем спрыгнул на палубу. Отбросил клинок, позволив ему превратиться в туман и растаять в воздухе.

– Как же вышло, что ты стал узокователем? – спросил Нейл у Далинара. – Ты не должен существовать, Черный Шип. Твое дело не правое. Тебя следует лишить истинных Поток Чести.

– Возможно, все дело в том, что наше дело все-таки правое, а ошибаешься как раз ты, Налан, – сказал Далинар.

– Нет, – отрезал Вестник. – Другие Сияющие могут обманывать себя и своих спренов. Так называемые спрены чести доказывают, что нравственность формируется их восприятием. Ты должен быть другим. Чести не стоило допускать эту связь.

– Честь мертв, – напомнил Далинар.

– И все же, – сказал Нейл, – Честь все равно должен этому помешать. Помешать тебе! – Он окинул Далинара взглядом с ног до головы. – Нет осколочного клинка. Справедливо.

Он бросился вперед, протягивая руку к Далинару. Сзет в мгновение ока оказался рядом, но не решился обнажить свой странный клинок. Нейл, двигаясь с грацией небесного угря, крутанул Сзета и швырнул его на палубу деревянной платформы. Вестник отбил вложенный в ножны меч Сзета, ударил шинца в сгиб локтя и заставил выронить оружие. Потом Нейл небрежно вскинул руку и поймал стрелу, выпущенную из осколочного лука Струны всего в нескольких футах от себя, – это был и впрямь нечеловеческий трюк.

Далинар сжал кулаки, пытаясь дотянуться до перпендикулярности, выходящей за пределы реальности. Нейл перепрыгнул через Сзета к Далинару, а остальные на платформе закричали, пытаясь отреагировать на нападение.

«Нет, – сказал Далинару Буреотец. – Прикоснись к нему».

Далинар замешкался – сила перпендикулярности была в его руках, – затем протянул руку и прижал ее к груди Нейла в тот самый момент, когда Вестник потянулся к нему.

Вспышка.

Далинар увидел, как Нейл отступает от клинка, вонзенного в камень.

Вспышка.

Нейл баюкает ребенка, держа одной рукой, в другой – обнаженный клинок, а нечто темное ползет по скалам неподалеку.

Вспышка.

Нейл стоит с группой ученых и разворачивает большой свиток, заполненный письмами. «Закон не может быть нравственным, – говорит им Нейл. – Но вы можете быть нравственными, когда создаете законы. Вы всегда должны защищать самых слабых, тех, кто, скорее всего, будет использован в чужих интересах. Установите право на передвижение, чтобы семья, которая считает своего господина несправедливым, могла покинуть его территорию. Затем свяжите власть господина с людьми, которые следуют за ним».

Вспышка.

Нейл на коленях перед высшим спреном.

Вспышка.

Нейл сражается на поле боя.

Вспышка.

Еще одна битва.

Вспышка.

И еще одна.

Видения приходили все быстрее и быстрее, Далинар уже не мог отличить одно от другого. А потом...

Вспышка.

Нейл пожимает руку бородатому алету, царственному и мудрому. Далинар – сам не зная, каким образом – понял, что это Йезерезе.

– Я это выполняю, – тихо сказал Нейл. – С честью.

– Не считай это честью, – сказал Йезерезе. – Долгом – да, но не честью.

– Я понимаю. Хотя я не ожидал, что ты придешь к врагу с таким предложением.

– К врагу, да, – сказал Йезерезе. – Но к врагу, который был прав с самого начала, провозгласив меня злодеем. Мы исправим то, что сломали. Ишар и я достигли согласия. Нет человека, которого мы приняли бы в этот союз охотнее, чем тебя. Ты самый благородный человек, которому я когда-либо имел честь противостоять.

– Хотел бы я, чтобы это было правдой, – проговорил Нейл. – Так или иначе, я сделаю все, что в моих силах.

Видение исчезло, и Нейл отшатнулся от Далинара, задыхаясь и широко раскрыв глаза. Между ними протянулась полоса света.

«Узокователь, – проговорил Буреотец. – Ты установил с ним краткую Связь. Что ты видел?»

– Кажется, его прошлое, – прошептал Далинар. – А теперь...

Нейл почесал в затылке, и Далинар увидел проступающую поверх него конструкцию из света, чем-то похожую на отпечатки, которые оставлял за собой Сзет, только обветшалую и тусклую. Далинар шагнул вперед, пройдя среди своих ошеломленных телохранителей, и увидел восемь линий света, тянувшихся от Нейла вдаль.

– Кажется, я вижу Клятвенный договор, – сказал Далинар. – То, что связало их вместе и сделало способными удерживать врага в Преисподней.

«Клетка, выкованная из их душ, – мысленно ответил Буреотец. – Она была сломана. Еще до смерти Йезриена они разрушили ее своим давним поступком».

– Нет, только одна линия полностью оборвана. Остальные есть, но слабые, бессильные. – Далинар указал на яркую и мощную линию. – Кроме этой. Она еще жива.

Нейл посмотрел на него, затем порвал линию света, соединяющую его с Далинаром, и бросился с платформы. Несколько ветробегунов запоздало пришли на помощь Далинару, но Вестник вспыхнул и умчался прочь.

«Ты владеешь силой богов, Далинар, – сказал Буреотец. – Когда-то я думал, что знаю масштаб твоих способностей. Я отказался от этого ошибочного предположения».

– Могу я перековать его? – спросил Далинар. – Могу ли я переделать Клятвенный договор и снова связать Сплавленных?

«Не знаю. Это возможно, но я понятия не имею как. И будет ли такой шаг разумным? Вестники страдают заслуженно».

– Я видел это в нем, – сказал Далинар, наблюдая, как Нейл исчезает вдали. – Он обременен ужасной болью, которая искажает восприятие реальности. Это не похоже на безумие обычного человека – это безумие, порожденное обветшалой душой...

Сзет подобрал свой меч, будто стыдясь, что его так легко одолели. Далинар не винил ни его, ни остальных, которые настаивали на том, чтобы он и Норка отступили с поля боя теперь, когда полный разгром войск Таравангиана был уже не за горами.

Далинар, погруженный в раздумья, позволил ветробегунам унести себя.

Ему следовало понять свои силы. В его обязанности больше не входило стоять с высоко поднятым мечом, выкрикивая приказы на поле боя. Вместо этого ему нужно было найти способ использовать свои способности, чтобы покончить с этой войной. Перековать Клятвенный договор, а если не получится – найти другой способ обезвредить Вражду раз и навсегда.

48. Запах смерти, запах жизни

Девять лет назад

Оказалось, даже сидя в собственном шатре, можно исследовать мир, если компания живых реликвий выйдет из леса и заявится в гости.

Человеки привели Эшонай в восторг. Как выяснилось, никто это племя не уничтожал. И они были такими удивительными. Говорили без ритма, не слышали песен Рошара. Делали панцири из металла и прикрепляли к телам. Сперва она предположила, что они утратили свои формы, а потом поняла: у них была единственная форма, и они не могли меняться. Им приходилось постоянно пребывать в брачной форме и иметь дело со всеми страстями, которые она пробуждала!

Еще более интригующим было то, что они привели с собой племя в тупоформе, у которого тоже не было песен. У них были такие же узоры кожи, как у слушателей, но они не разговаривали, а петь и подавно не могли. Эшонай находила их завораживающими и тревожными. Где же человеки обнаружили таких странных созданий?

Человеки разбили лагерь в лесу за рекой, и поначалу Пятерка позволила лишь нескольким слушателям встретиться с ними. Старейшины беспокоились, как бы не отпугнуть странных пришлецов, если заявиться к ним всей семьей.

Эшонай считала это глупостью. Человеки не испугаются. Им были ведомы древние вещи. Методыковки металла и записи звуков на бумаге. Все, что слушатели забыли во время долгого сна в тупоформе, когда лишь сила воли помогала им помнить свои песни.

Эшонай, Клейд и еще ряд слушателей сошлись с несколькими человеческими учеными, чтобы попытаться расшифровать языки друг друга. В песнях, к счастью, сохранились ключевые фразы. Возможно, Эшонай училась быстрее других, потому что когда-то зубрила песни. Или, может быть, ей это удалось благодаря упрямству. Она проводила вечера с человеками, заставляя их повторять звуки снова и снова до поздней ночи при свете удивительных камней.

Да, сферы человеков по яркости превосходили самосветы слушателей – все из-за того, как их обтачивали. Каждый день с этим племенем приносил новые знания.

Как только языковой барьер начал рушиться, люди спросили, могут ли слушатели показать им Расколотые равнины. И Эшонай повела их туда, хотя пока держала подальше от десяти древних городов и других семей.

Используя карту Эшонай, они подошли к Равнинам с севера и пустились в путь вдоль ущелий, пока не достигли древнего моста. Из расщелины в камне пахло влажными гниющими растениями. Едко, но не противно. Там, где растения гнили, вскоре вырастали другие, и запах смерти был одновременно и запахом жизни.

Люди осторожно следовали за Эшонай по мосту из дерева и веревок, стражники в панцирных нагрудниках и шапках из отполированного металла шли первыми. Они, казалось, ожидали, что мост рухнет в любой момент.

Перебравшись через ущелье, Эшонай поднялась на валун и глубоко вдохнула, подставив лицо ветру. В небе кружились несколько спренов. Как только стражники перешли по мосту, некоторые из оставшихся последовали их примеру. Все хотели увидеть Равнины, где обитали ущельные чудовища.

В группе была любопытная женщина, помощница лекаря. Она вскарабкалась на скалу рядом с Эшонай, хотя ее одежда, которая окутывала ее от шеи до лодыжек и почему-то прикрывала левую руку, не особенно подходила для исследования мира. Приятно было видеть, что слушатели познали истины, которые остались недоступны людям.

– Что ты видишь, – спросила она Эшонай на человеческом языке, – когда смотришь на спренов?

Эшонай запела в ритме задумчивости. Что эта женщина имела в виду?

– Я вижу спренов, – ответила Эшонай медленно и вдумчиво, поскольку иногда ее акцент сильно коверкал слова.

– Да – и как они выглядят?

– Как длинные белые линии. – Эшонай указала на спренов ветра. – И дыры. Дырочки? Есть слово для чего-то поменьше?

– Следы от булавоочных уколов?

– Да, как будто в небо потыкали булавкой. И у дырочек хвосты очень длинные.

– Интересно, – проговорила женщина. На правой руке у нее было много колец, хотя Эшонай не понимала зачем. Ими ведь можно за что-нибудь зацепиться. – Мы и впрямь разные.

– Разные? В каком смысле?

– Похоже, вы видите спренов такими, какие они на самом деле – или близко к этому. Расскажи мне вот что. У нас есть предания о спренах ветра, которые ведут себя как люди. Принимают разные формы, кого-нибудь обманывают. Ты когда-нибудь видела такое?

Эшонай мысленно перебирала слова. Кажется, поняла...

– Спрены как люди? Ведут себя как люди?

– Да.

– Видела.

– Отлично. А говорящие спрены ветра? Способные назвать тебя по имени? Ты таких встречала?

– Что? – Эшонай настроилась на удивление. – Говорящие спрены? Нет. Это... неправда? Обман, как в сказке?

– Наверное, ты хочешь сказать «выдумка».

– Вы-дум-ка, – повторила Эшонай, изучая каждый звук.

Да, исследовать мир можно разными способами.

Король и его брат наконец вышли на плато. Слово «король» не было для нее новым, оно упоминалось в песнях. Слушатели в свое время спорили, следует ли им иметь монарха. Эшонай считала, что до тех пор, пока они не перестанут ссориться и не сделаются единым народом, дискутировать на эту тему глупо.

Брат короля был крупным мужчиной, как будто принадлежал к иной породе, чем все остальные. Он был первым, кого она встретила вместе с группой разведчиков в лесу. Этот человек был не просто массивнее большинства соплеменников, он по-другому двигался. Его лицо было жестче. Если бы у людей все-таки была возможность менять облик, то он считался бы боеформой.

А вот сам король... он был доказательством того, что форм у людей нет. Он был таким непредсказуемым. То громким и сердитым, то тихим и пренебрежительным. Конечно, слушатели могли испытывать разные эмоции. Просто у этого человека они не поддавались никаким объяснениям. Возможно, тот факт, что люди говорили без ритма, заставлял Эшонай еще сильнее удивляться, когда в их поступках проявлялся подобный пыл. Еще король был единственным бородатым мужчиной в отряде. Но почему?

– Проводница, – сказал он, приближаясь. – Это здесь вы устраиваете охоту?

– Иногда, – ответила Эшонай. – Зависит от обстоятельств. Сейчас сезон, так что, может быть, они придут. А может, и нет.

Король рассеянно кивнул. Он почти не интересовался ни ею, ни кем-либо из слушателей. Однако его разведчики и ученые, казалось, были так же очарованы Эшонай, как и она ими. Поэтому она предпочитала проводить время с ними.

– Какие большепанцирники здесь обитают? – спросил брат короля. – Кажется, в этих трещинах в земле для них слишком мало места. Они что, похожи на белоспинников? Прыгают туда-сюда?

– Белоспинник? – переспросила она, не зная этого слова.

Женщина с кольцами достала блокнот и показала страницу с рисунком.

Эшонай покачала головой.

– Нет, не то. Они... – Как объяснить, на что похожи чудовища из ущелий? – Они великолепные. И большие. И сильные. Они... эти земли принадлежат им.

– А ваш народ им поклоняется? – спросил один из ученых.

– Поклоняется?

– Почитает? Уважает?

– Да.

А как не уважать таких могучих зверей?

– Это их боги, светлорд, – сказал ученый королю. – Как я и подозревал, они поклоняются большепанцирникам. Мы должны соблюдать осторожность, когда отправимся на охоту.

Эшонай запела в ритме тревоги, показывая, что она в замешательстве, но они ничего не поняли. Им приходилось все говорить словами.

– Здесь, – сказал король, взмахнув рукой. – На этом плато можно с удобством отдохнуть.

Слуги начали распаковывать вещи – палатки из чудесной жесткой ткани, разнообразную пищу. Человеки наслаждались трапезами. Их дорожная роскошь так впечатляла, что Эшонай могла лишь гадать, на что похожи их дома.

Как только они уйдут, она намеревалась проверить. Если они добрались сюда, не имея достаточно прочной формы, то им, должно быть, не пришлось идти далеко. Она настроилась на ритм забавы. Два племени столько лет не контактировали, но теперь, если у нее будет несколько месяцев, она наверняка сама разыщет путь туда, где обитают человеки.

Эшонай принялась помогать с возведением шатров. Она хотела разобраться в деталях. Она была почти уверена, что сможет вырезать шесты, подобные тем, что поддерживали крышу. Но ткань была более легкой и гладкой, чем та, которую могли соткать слушатели. У одного из рабочих возникли проблемы с узлом, поэтому Эшонай достала нож, чтобы разрезать его.

– Что это? – раздался голос у нее за спиной. – Ты не могла бы показать мне этот нож?

Снова женщина с кольцами. Эшонай подумала, что она, возможно, когда-то была брачной подругой короля, учитывая, как часто они беседовали. Но сейчас, по-видимому, никакой связи между ними не было.

Эшонай опустила глаза и поняла, что достала свой хороший охотничий нож. Одну из тех вещей, которые ее предки добыли среди развалин в центре Расколотых равнин: красивую штукювину из металла с полосками и рукоятью с поразительно детальной резьбой.

Она пожала плечами и показала нож странной женщине. Та, в свою очередь, настойчиво помахала королю. Он шагнул вперед из тени, взял нож и, прищурившись, изучил его.

– Где ты это взяла? – спросил он Эшонай.

– Он старый, – сказала она, не желая выдавать слишком многое. – Передавался по наследству. Из поколения в поколение.

– Возможно, с самого Фальшивого Опустошения? – предположила женщина. – Неужели у них действительно есть оружие двухтысячелетней давности?

Осколочные клинки слушателей были еще чудеснее, но Эшонай про них молчала. В любом случае ее семья не владела таким оружием.

– Я бы хотел узнать, – начал король, – откуда у вас...

Его прервал трубный звук, раздавшийся где-то неподалеку. Эшонай развернулась, настраиваясь на ритм напряжения.

– Чудовище из ущелий, – сказала она. – Зовите солдат! Я не думала, что одно из них приблизится.

– Мы справимся с... – начал было король, но замолчал, и глаза его распахнулись.

Появился спрен благоговения – существо, выглядящее как парящий голубой шар, который немедленно увеличился в размере.

Эшонай обернулась и увидела, как из пропасти в отдалении возник темный силуэт. Передвигаясь с помощью множества лап, оттуда выбралось существо, в котором сочетались мощь и изящество. Его лоснящийся панцирь выглядел внушительно. Чудище даже не взглянуло на людей, они были по сравнению с ним такой же мелочью, как оно само – по сравнению с солнцем, в лучах которого намеревалось погреться. Создание было грозным и могучим, словно воплощенный ритм благоговения.

– Кровь предков... – проговорил брат короля, делая шаг вперед. – Какой здоровенный...

– В Алеткаре такие не водятся, – подтвердил король. – Чтобы наткнуться на столь громадного большепанцирника, придется отправиться на гердазийское побережье, но там они живут в воде.

– Они обитают в ущельях, – прошептала Эшонай. – Похоже, он не злится – нам повезло.

– Он достаточно далеко, чтобы заметить нас, – сказал брат короля.

– Он заметил, – возразила Эшонай. – Ему просто все равно.

Другие собрались вокруг, и король призвал их к тишине. Наконец ущельный демон повернулся и посмотрел на них. Затем он соскользнул в пропасть, сопровождаемый несколькими мерцающими спредами ущелий, похожими на стрелы в полете.

– Шквал, – сказал брат короля. – Хочешь сказать, пока мы тут, на плато, одна из этих тварей может рыскать где-то внизу? Прямо под нами?

– Как они могут жить в этих ущельях? – спросила какая-то женщина. – Что они едят?

Трапеза прошла в куда более мрачном настроении, чем раньше, и закончилась быстро. Люди хотели поскорее расправиться с едой и уйти, но никто не сказал этого вслух и не запел в ритме волнения.

Только король выглядел невозмутимым. Пока остальные занялись своими делами, он продолжил изучать нож Эшонай, который так и не вернул.

– Вы действительно хранили его тысячи лет?

– Нет, – призналась она. – Мы их нашли. Только не мои родители. Родители их родителей. В развалинах.

– В развалинах, говоришь? – встрепенулся король. – В каких развалинах? В тех городах, о которых упоминал другой проводник?

Эшонай тихо прокляла Клейда за то, что тот упомянул десять городов. Решив не уточнять, что она имела в виду руины в центре Равнин, она запела в ритме тревоги. Король уставился на нее, словно на карту с ошибкой.

– Мой народ строил города, – сказала Эшонай. – Древние предки моего народа.

– Да что ты... – пробормотал он. – Очень любопытно. Твой народ помнит те времена? У вас есть записи?

– У нас есть песни. Много важных песен. О формах, которые мы носили. О войнах, в которых сражались. Как мы покинули... я не знаю слово... старых. Которые нами правили. Когда сражались Нешуа Кадал, а товарищами у них были спрены, и они могли делать... делать... разные вещи.

– Сияющие? – спросил король, и его голос смягчился. – У твоего народа есть истории о Сияющих рыцарях?

– Да, наверное. У меня пока еще нет слов. Нужных нет.

– До чего же любопытно...

Как и следовало ожидать, вскоре после трапезы люди решили вернуться в лес. Они были напуганы – все, кроме короля. Всю дорогу он расспрашивал о песнях. Эшонай явно ошиблась, когда предположила, что ему наплевать на слушателей.

С этого момента он казался очень, очень заинтересованным. Он велел своим ученым расспросить их о песнях, преданиях и о том, знают ли они о других руинах. Когда несколько дней спустя человеки наконец ушли в свои земли, король Гавилар подарил народу Эшонай несколько ящиков современного оружия из отличной стали. Они не были заменой древнему оружию, но не у всех ее людей было такое. Ни у одной семьи не было достаточно средств, чтобы снарядить всех своих воинов.

Взамен Гавилар взял с нее обещание, что в следующий раз они встретятся, когда ее племя поселится в одном из городов на краю Равнин – и там он лично послушает хранителей песен.

49. Суть открытий

Боюсь, что в нынешнем лихорадочном состоянии я не сумею сосредоточиться на том, что действительно важно.
Из «Ритма войны», с. 3

Под тщательным наблюдением большого числа охранников-певцов Навани приступила к организации работы своих ученых.

Ситуация была непростая. Навани не хотела выдавать больше, чем было абсолютно необходимо. Но если она не добьется хоть каких-то успехов, Рабониэль в конце концов заметит это и примет меры.

Пока что Навани поручила ученым заниматься бесполезными делами. Певцы держали ее людей взаперти в одной из двух библиотечных комнат, поэтому Навани приказала подопечным и младшим ревнителям прибраться. Они собрали старые проекты и коробки с записями, затем вынесли их в коридор. Им нужно было освободить место.

Более опытным ученым она велела произвести ревизию: вернуться к проектам и либо проверить расчеты, либо нарисовать новые эскизы. Ревнители принесли свежие журналы учета, чтобы просмотреть цифры, в то время как Рушу развернула большие схемы и поручила нескольким молодым женщинам измерять каждый отрезок. На это уйдет несколько дней, а может, и больше – и это тоже вполне естественное занятие. Навани часто затевала пересчеты после перерыва. Это возвращало ученым способность верно мыслить, и иногда они находили неизбежные ошибки.

Довольно скоро в комнате воцарился порядок. Повсюду раздавались успокаивающие звуки: шелест бумаги, поскрипывание перьев, тихие обсуждения. Не было ни спренов творчества, ни спренов логики, которых часто привлекал самозабвенный труд. Навани надеялась, что певцы не заметят эту странность.

Их стражники вечно путались под ногами, держась достаточно близко, чтобы подслушивать, что Навани говорит своим людям. Она привыкла давать ученым достаточно свободы для творчества, вместе с тем аккуратно направляя их в нужную сторону. Такое количество певцов этому мешало, и Навани часто замечала взгляды, которые ее подопечные бросали на какого-нибудь вооруженного головореза поблизости.

По крайней мере большинство из них были простыми солдатами. Только одна Сплавленная, кроме Рабониэли, оставалась рядом с учеными, и она не была из тех пугающих, которые могли сливаться с камнем. Нет, это была Сплавленная того же типа, что и Рабониэль, высокая, с хохолком на макушке и длинным лицом в бело-красных разводах. Фемалена сидела на полу, наблюдая за ними остекленевшими глазами.

Во время утренней работы Навани тайно следила за этой Сплавленной. Ей говорили, что многие Сплавленные не в себе, и эта, похоже, из их числа. Она часто смотрела в никуда, а потом хихикала. Мотала головой из стороны в сторону. Зачем Рабониэли понадобилось держать здесь эту фемалену – чтобы она наблюдала за Навани? Неужели осталось так мало здравомыслящих Сплавленных, что другого выбора нет?

Навани прислонилась к стене, прикоснулась ладонями к камню – там, где гранатовая жила почти незаметно бежала вдоль пласта, – и сделала вид, что наблюдает, как несколько молодых женщин выносят коробки с бумагами в коридор.

«Ты не разговаривала со мной прошлой ночью», – сказал Сородич.

– За мной следили, – прошептала Навани. – Мне не разрешили жить в собственных комнатах, а отвели в комнату поменьше. Нам придется говорить здесь. Ты слышишь меня, если я говорю так тихо?

«Да».

– Ты видишь, что делает Рабониэль?

«Она приказала нескольким рабочим установить стол рядом со щитом и занялась испытаниями, чтобы выяснить, сможет ли взломать его».

– А она сможет?

«Я не знаю. Щит включили впервые. Но она, кажется, не понимает, что это ты его активировала. Она объяснила другим, что, должно быть, случайно запустила какой-то неизвестный предохранитель, оставленный древними Сияющими. Она думает, что я умерло – ведь башня не работает».

– Любопытно, – прошептала Навани. – С чего бы ей так думать?

«Ей сказала Полуночная Матерь. Та Несотворенная, что обитала здесь столько лет, пока ее не спугнули твои Сияющие. Я все это время пряталось от нее, никогда не сопротивлялось, и потому она думает, что я мертво».

– Все это время? Как долго?

«Века».

– Разве это не было трудно?

«Нет. С какой стати? Века для меня ничего не значат. Я не старею».

– Другие спрены ведут себя так, будто время имеет смысл.

«Сияющие спрены, да. Они затеяли спектакль – притворяются мужчинами или женщинами, маленами или фемаленами, а на самом деле они не являются ни тем ни другим. Они думают как люди, потому что хотят быть похожими на людей. Я не притворяюсь. Я не человек. Мне не нужно заботиться о времени. Мне не нужно походить на тебя. Мне не нужно умолять тебя о внимании».

Навани приподняла бровь, вспомнив, что Сородичу все же пришлось просить ее о помощи, но прикусила язык. Как лучше всего использовать это преимущество? Каков же путь к свободе? Навани нравилось думать, что она может видеть закономерности, создавать порядок из хаоса. Из этой неразберихи точно есть выход. Она обязана в это верить.

«Отнесись к этому как к любой другой проблеме, – мысленно обратилась Навани к самой себе. – Используй систематический подход, разбей ее на части, с которыми можно справиться».

Прошлой ночью она определилась с несколькими общими планами действий. Во-первых, надо удержать уже отвоеванную территорию. То есть убедиться, что щит Сородича остался на месте.

Во-вторых, она должна сообщить о случившемся Далинару и тем, кто снаружи.

В-третьих, нужно выяснить, как враг лишил Сияющих сил. По словам Сородича, это было связано с повреждением древних башенных систем защиты. Нужно отключить их.

Наконец, ей нужно было обратить эту силу против захватчиков. А еще организовать контратаку с помощью пробужденных Сияющих.

Пока она сидела в этом подвале как в ловушке, постоянно под наблюдением, задачи казались невыполнимыми. Но ее ученые заставили корабль взлететь. С их помощью она справится.

Навани подсчитывала стражников-певцов, пока они прогуливались по комнате, заглядывая через плечо работающим ученым. Один остановил девушек, которые несли записи, и проверил коробки. Сплавленная наблюдала за Навани, не переставая вертеть головой и громко напевать. Навани скрыла, что это ее нервирует, и повернулась так, чтобы певица не видела ее губы.

– Давай предположим, – продолжила она еле слышно, – что Рабониэли хватит ума понять, что защиту для тебя создали древние Сияющие. Каков лучший способ, которым она могла бы обойти ее?

Сородич не ответил, и Навани забеспокоилась.

– Что-то случилось? Ты в порядке?

«В порядке. Но мы не друзья, человек. Ты – работоторговка. Я тебе не доверяю».

– До сих пор доверял.

«По необходимости. Теперь мне ничего не угрожает».

– И как долго это продлится? Хочешь сказать, Рабониэль не сможет взломать щит?

Сородич не ответил.

– Ладно, как хочешь, – сказала Навани. – Но я не смогу придумать, как тебе помочь, если не узнаю твоих слабостей. Ты останешься один и будешь полностью зависим от решений Рабониэли.

«Ненавижу человечье племя... – в конце концов сказал Сородич. – Люди искажают сказанное и всегда делают вид, что они правы. Как скоро ты потребуешь, чтобы я связалось с человеком, отказалось от свободы и рискнуло жизнью? У тебя точно найдутся замечательные объяснения, почему я должно так поступить».

На этот раз промолчала Навани. Сородич мог создать еще одного узокователя, и, учитывая, как полезны были силы Далинара в условиях войны, со стороны Навани было бы глупостью упускать такой шанс. Ей действительно придется отыскать способ, вынуждающий Сородича опять связать себя узами с человеком. Надо будет найти кого-то безобидного. Того, кто не работал с фабриями, не занимался политикой. Того, кто мог бы понравиться Сородичу.

Пока что она не собиралась настаивать. У Сородича, несомненно, имелись странные привычки, но общался он вполне по-человечески, что бы при этом ни утверждал. И Навани могла предсказать, как поступил бы человек на его месте...

«Возможно, Рабониэль слышала о созданном нами щите, – наконец сказал Сородич. – Следовательно, она может понять, как его обойти».

– Расскажи мне еще, – попросила Навани.

«Щит – это экстраполяция Потока Духозаклинания. Он заставляет воздух на определенном участке пространства затвердевать, убеждая его, что он стекло. Чтобы щит работал, систему надо подпитывать буресветом извне. Рабониэль может это понять – особенно если исследует остатки узла, который ты использовала для активации щита. Есть другие такие же узлы, чьи кристаллы подключены непосредственно к моему сердцу. Всего их было четыре. Один ты уничтожила. Если она обнаружит какой-нибудь из оставшихся, сможет им воспользоваться, чтобы исказить мою суть».

– Значит, мы должны найти их первыми, – решила Навани. – И уничтожить.

«Нет. Ни в коем случае! Это ослабит щит и разрушит его. Мы должны их защитить. Система и так ослаблена, ведь один ты сломала. Не думай, что, раз я разрешило тебе поступить подобным образом, можно продолжать в том же духе. Люди вечно все ломают».

Навани тяжело вздохнула. Ей следовало очень осторожно подбирать слова.

– Я не сломаю ни одного из них, если это не будет абсолютно необходимо. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Как тебе удалось связаться со мной раньше? Ты умеешь пользоваться даль-пером?

«Ненавижу эти штуки. Но пришлось воспользоваться».

– Да, но как? У тебя где-то есть руки?

«Просто помощники. Есть безумная женщина, запертая в монастыре, с которой я связался. Те, кто изолирован, те, чьи души истончились, иногда оказываются чувствительны к спренам. Но эта только записывала все, что я говорило, и никогда не отвечала. Я велело Даббиду принести ей даль-перо и писало через нее».

Проклятье. От такого мало пользы, в особенности теперь, когда даль-перья не работали.

– Как враг сумел лишить Сияющих сознания? – спросила Навани.

«Это аспект Ура, Башни, – сказал Сородич. – Защита, созданная для того чтобы воспрепятствовать проникновению Сплавленных – и Несотворенных, в зависимости от обстоятельств».

– Я столкнулась с фабриалем, предназначенным для того же самого, – он, я думаю, был смоделирован по образцу части самосветной колонны. Не хочу показаться грубой, но почему ты не включил эту защиту, когда они напали?

Сородич на какое-то время замолчал, и Навани задумалась, не зашла ли она слишком далеко. К счастью, существо снова заговорило, тихо.

«Я... было ранено. Тысячи лет назад произошло нечто, изменившее певцов. Я тоже пострадало».

– Ты говоришь о наложении пут на Несотворенных, которое лишило певцов их форм? – уточнила Навани, скрывая свое потрясение.

«Да. Этот ужасный поступок отразился на душах всех, кто обитает на Рошаре. Включая спренов».

– Почему ни один спрен не упомянул об этом?

«Я не знаю. Но в тот день я утратило ритм своего света. Башня перестала работать. Мой отец, Честь, должен был помочь мне, но он сходил с ума. И вскоре он умер...»

В голосе Сородича было столько печали, что Навани не стала настаивать на ответе. Такой поворот все изменил.

«Когда эта Сплавленная коснулась меня, – продолжил Сородич, – она исказила часть моей сути, заставила ее звучать в унисон с Враждой. Раньше такое было невозможно, однако теперь все изменилось. Она наполняет мой организм его светом, разрушает меня. Искажает меня».

– Значит... – медленно проговорила Навани, – если бы мы сумели придумать, как уничтожить пустосвет внутри тебя или каким-то образом восстановить утраченный ритм, ты сумел бы опять включить защиту?

«Полагаю, да. Но мне кажется, это невозможно. Я думаю... мы обречены».

Перемена настроения казалась знакомой, человеческой. Навани чувствовала то же самое. Она уперлась затылком в стену и закрыла глаза.

«Разбить задачу на мелкие кусочки, – напомнила она себе. – Защищать Сородича достаточно долго, чтобы разобраться с другими проблемами. Вот что ты должна сделать в первую очередь».

Карту нельзя нарисовать сразу. Она возникает штришок за штришком. Такова суть открытий.

«Но...» – вдруг начал Сородич.

Навани открыла глаза.

– Но что?

«Но возможно, нам не придется будить Сияющих. В башне есть двое, которые не заснули».

Она опять с трудом сохранила спокойный вид. Почему же Сородич не упомянул об этом сразу?

– Как?

«С одной все понятно. Она бодрствует, потому что ее создали странным способом: она использует свет не так, как все остальные. Моя мать сотворила ее для этой цели. Но я ее потерял и не знаю, где искать. Девушка. Гранетанцор».

– Крадунья, – сказала Навани. Она и впрямь всегда была странной. – Ты ее больше не видишь?

«Думаю, одна из причин, по которым я могу видеть части башни, заключается в том, что между мной и Сияющими есть Связь. Я время от времени видел эту девочку, но вчера она исчезла. Она была в клетке – подозреваю, ее окружили ралкалестом. Есть еще один. Мужчина. Он должен принадлежать к Четвертому Идеалу, однако у него нет доспехов. Значит... он где-то между третьим и четвертым. Возможно, близость к моему отцу и к Потoku Адгезии удерживает его в сознании. Его сила – сила уз. Он ветробегун, но больше не носит форму».

Каладин.

– Ты можешь с ним связаться?

Первой целью Каладина был бурсвет. К счастью, он точно знал, где найти заряженные сферы. Рабочие часто устанавливали фонари из самосветов в оживленных коридорах, разгоняя темноту и делая пространство более уютным и гостеприимным. В частности, такое освещение установили на шестом этаже, достаточно далеко от клиники его семьи, чтобы он не опасался приблизиться.

Сперва он ощупью пробирался по темным коридорам возле своего укрытия на одиннадцатом этаже. Вместе с Сил они составили мысленную карту местности, затем медленно двинулись к периметру. Когда вдали мелькнул первый проблеск солнечного света, Каладин словно вышел из клетки работоторговца, и ему с трудом удалось не броситься туда со всех ног.

Медленно, равномерно, осторожно. Он позволил Сил исследовать местность впереди. Она подкралась к балкону и выглянула наружу. Каладин притаился в темноте, ожидая, наблюдая и прислушиваясь. Наконец она метнулась назад и сделала круг в воздухе, сигнализируя, что не заметила ничего подозрительного.

Каладин вышел на свет. Он попытался запомнить рисунок на стенах в этом самом дальнем коридоре, затем бросил взгляд в недра одиннадцатого этажа. Коридор был, по сути, прямым путем к его укрытию. Дурацкое воображение тотчас подбросило вариант будущего: вот он забывает дорогу и оставляет Тефта умирать, чахнуть – и, возможно, проснуться в конце. Погибнуть в одиночестве, в ловушке, в ужасе...

Каладин покачал головой и медленно шагнул к перилам балкона, откуда можно было обозреть пространство снаружи башни. Они не видели ни одного охранника, пока шли сюда. Небесные рядом тоже не летали. Что происходит? Неужели они по какой-то причине отступили?

Нет, он все еще чувствовал отупляющий гнет, признак воздействия, которым подавляли Сияющих. Каладин высунулся за край. На плато он увидел фигуры в синих мундирах, охранявшие Врата на обычных постах. Он почувствовал облегчение и даже недоверие. Неужели все это было каким-то ужасным кошмаром?

– Каладин! – прошипела Сил. – Кто-то идет.

По коридору кто-то прошел, и они вдвоем прижались спинами к ближайшей стене. Раздались голоса – говорили по-азирски, ритмично. Певцы-стражники; Каладин успел заметить копья. Он чуть не кинулся на них, но сдержался. Должен существовать более простой и менее шумный способ заполнить оружие.

Враг явно все еще контролировал ситуацию. И пока он размышлял, ему открылась истина.

– Они намеренно придали башне такой вид, чтобы снаружи казалось, будто ничего не произошло, – прошептал он Сил после того, как патруль скрылся из вида. – Они знают, что Далинар пошлет ветробегунов на разведку, как только связь выйдет из строя, поэтому враг пытается сделать вид, что это место не было завоевано. Это либо иллюзии Сплавленных, либо люди-сообщники, возможно остатки армии Амарама в украденной форме.

– Ветробегуны не смогут подобраться достаточно близко, чтобы узнать правду, иначе их силы пропадут, – сказала Сил.

– Такое будет выглядеть подозрительно, – согласился Каладин. – Обман не продержится долго.

Они двинулись к ближайшей лестнице. Похоже, она не охранялась, но он все равно послал Сил проверить. Начав спускаться, они обнаружили, что десятый, девятый и восьмой этажи почти не стерегут. Башня была слишком огромной, чтобы контролировать ее целиком. Хотя они заметили еще один патруль по периметру, идти было легко – до седьмого уровня. Здесь, намереваясь проникнуть на более населенный шестой, они обнаружили охранников у подножия первых пяти лестниц, которыми попытались воспользоваться.

Пришлось забраться вглубь в поисках лесенки, которую помнила Сил. Это означало новое погружение во тьму. Для Каладина солнечный свет был так же жизненно важен, как пища или вода. Покидать его было мучительно, но он сделал это.

Лестница поменьше, как они и рассчитывали, не охранялась. В тишине и темноте они спустились на шестой этаж. Похоже, большая часть человеческого населения башни все еще сидела взаперти. Враг еще не полностью овладел управлением башни, что давало Каладину шанс. С этой мыслью он отправил Сил на задание.

Она пронеслась к комнатам с балконами, оставив его на корточках на лестничной площадке, вооруженного скальпелем. Каладин дрожал, жалея, что у него нет кителя или куртки. Он ни разу не чувствовал в башне такого холода. Что бы ни сделал враг, чтобы остановить Сияющих, это также мешало другим функциям Уритиру. Он переживал за людей.

В конце концов Сил вернулась.

– Твоя семья, как и все остальные, заперта в квартире, – тихо сказала она. – Но у их дверей стоят настоящие стражники. Я не осмелилась заговорить с твоим отцом или матерью, но видела их вместе через окно. Они выглядят здоровыми, хотя и напуганными.

Каладин кивнул. Видимо, это лучшее, на что он мог надеяться. Отец наверняка сумел заболтать певцов и избежать неприятностей.

Сил и Каладин пробрались внутрь – в коридор, где устанавливали фонари. Рабочие оставили здесь кучу фонарей и инструменты, с помощью которых сверлили отверстия в камне для их креплений.

Самосветов не нашлось, и фонари в этом коридоре были пусты. Но в следующем коридоре они оказались заполнены аметистами – самосветами среднего размера, чуть больше брома. Это означало много бурсвета, если он сможет вытащить добычу.

– Что скажешь? – спросил Каладин у Сил. – Берем ломик, быстро их вскрываем и удираем?

– Боюсь, будет слишком шумно, – сказала она, приземляясь на один из фонарей.

– Я мог бы просто украсть бурсвет и наполнить сферы, которые при мне. Жаль, что не получится забрать хоть часть камней. Мне нужен резерв побольше.

– Мы могли бы попытаться найти хранительницу фонарей и забрать ее ключи.

– За этот этаж отвечает светлоглазая, которая живет где-то на третьем. Лопен пытался уговорить ее с ним поужинать.

– Еще бы... Но наверное, искать ее будет трудно и опасно.

– Согласен.

Она постояла на вершине светящегося фонаря, потом перелетела к его боковой части, превратилась в светящуюся ленточку и проскользнула в маленькую замочную скважину. Сил не могла проходить сквозь твердые предметы, но у нее, как правило, неплохо получалось протискиваться через трещины или дырочки.

Лента завертелась внутри фонаря. Эти штуковины были железными, прочными, защищенными от вандалов. У них были стеклянные стенки, укрепленные металлической решеткой. Ключ отпирал одну из граней, позволяя открыть ее и получить доступ внутрь. Другие грани фонаря можно было отпереть изнутри и также открыть.

Сил подлетела к одной из этих защелок и снова превратилась в человека. Теоретически, если не нашлось ключа, можно было разбить стекло и проволокой вручную повернуть внутренние защелки, чтобы открыть одну из граней. Но толстое стекло и железная паутина превращали это в непростую задачу.

Сил толкнула задвижку, но та оказалась слишком тяжелой. Спрен уперла руки в бока, пристально глядя на непокорную штуковину.

– Попробуй сплетение, – крикнула Сил, и ее голос, эхом отразившись от стекла, прозвучал громче, чем полагалось бы такой крошечной фигурке.

– Сплетения не действуют, – тихо сказал Каладин, краем глаза наблюдая, не появится ли в коридоре патруль.

– Гравитационные – да, не действуют. Но есть и другие!

У ветробегунов было три разновидности сплетений. Чаще всего Каладин использовал гравитационное: вливал бурсвет в предмет или человека и менял направление силы тяжести. Но были еще два. Он испытал полное сплетение, когда нес Тефта в клинику во время вторжения. Оно позволяло наполнить предмет бурсветом и прилепить его к любой поверхности. Он этим пользовался в те давние дни, когда был мостовиком и приклеивал камни к стене ущелья.

Последнее сплетение было самым странным и загадочным из трех. Обратное сплетение заставляло один объект притягивать к себе другие. Это было похоже на гибрид двух первых сплетений. Зарядив поверхность, Каладин приказывал ей тянуть к себе определенные предметы – и они смещались в нужном направлении. Как будто... как будто заряженный объект становился источником силы тяжести. Будучи мостовиком, Каладин неосознанно применял это сплетение, заставляя стрелы отклоняться от траектории и попадать в мост, а не в его друзей.

– То, что ты называешь «сплетениями», – сказала ему Сил, – на самом деле два потока, действующих совместно. Гравитация и Адгезия в разном соотношении. Ты сказал, гравитационные сплетения не работают, в отличие от адгезионных. Как насчет обратного сплетения?

– Не пробовал, – признался Каладин.

Он шагнул в сторону и извлек бурсвет из другого фонаря. Почувствовал энергию, силу в своих венах – то, чего так жаждал. Он улыбнулся и отступил назад, сияя силой.

– Попробуй сделать так, чтобы стекло притягивало защелку, – сказала Сил, жестикулируя. – Если вынудишь эту штучку сдвинуться в нужном направлении, она выскочит – и фонарь откроется.

Каладин прикоснулся к боковой стороне корпуса фонаря. Весь последний год он практиковался в сплетениях. Сигзил вел наблюдение, заставляя его, как обычно, проводить эксперименты. Они обнаружили, что обратное сплетение требует команды – или, по крайней мере, визуализации нужного результата. Наполняя стекло бурсветом, он пытался вообразить, как оно притягивает предметы.

Нет, не все предметы. Конкретно защелку.

Буресвет сопротивлялся. Как и в случае с основным гравитационным сплетением, Каладин чувствовал силу, но что-то ее блокировало. Однако в этом случае препятствие было слабее. Он сосредоточился, надавил сильнее, и... свет хлынул из него, как вода через внезапно открывшийся шлюз. Обратное сплетение не вызвало яркой вспышки, которую стоило ждать, учитывая потраченный буресвет. Оно и в этом смысле действовало шиворот-навыворот. Но вслед за манипуляциями Каладина раздался слабый щелчок.

Невидимая сила потянула защелку, и та выскочила из корпуса. Каладин нетерпеливо открыл фонарь, вытащил самосвет и сунул в карман.

Сил выскочила наружу.

– Каладин, надо чаще практиковаться. У тебя не получается использовать его инстинктивно, как два других.

Он задумчиво кивнул и вернул буресвет, влитый в корпус фонаря. Затем они вдвоем украдкой двинулись по коридору, погружая его в темноту по мере того, как камни перемещались в карман Каладина.

– Обратное сплетение требует усилий, – тихо объяснил Каладин, обращаясь к Сил. – Однако это заставляет меня задуматься, смогу ли я каким-то образом заставить основные гравитационные сплетения функционировать.

Он привык полагаться на них в бою – на способность взлетать самому или отправлять в полет противника. Даже на простую возможность сделать себя легче, чтобы проще было сражаться.

Он разобрался с последним фонарем и остался доволен добычей: целый карман буресвета. По меркам родного города – настоящее богатство, хотя он уже привык распоряжаться такими деньгами. Спрятав самосветы в темный мешочек, чтобы карман не сиял, он решил, что пора приступить к следующему заданию – добыть припасы.

На этот раз они держались внутренней части этажа, откуда свет фонаря выдал бы им приближение патруля. Каладин повел Сил вниз по ступенькам, так как хорошо знал, где взять еду и воду.

Как он и надеялся, монастырь посреди четвертого этажа не представлял особого интереса для певцов. По пути ему попались всего два дозорных в униформе, но удалось прокрасться мимо них по боковому коридору и отыскать неохраняемую дверь.

Проникнув в монастырь, Каладин и Сил тихонечко прошли по коридору, вдоль которого тянулись камеры. Он все еще так о них думал, хотя здешние ревнителю настаивали, что их приют – не тюрьма. Конечно, комнаты, в которых жили сами ревнителю, были хорошо освещены, меблированы и по-домашнему уютны. Каладин нашел одну такую по свету из-под двери, проверил нарисованный на дереве глиф и проскользнул внутрь.

Внутри оказался ревнитель – тот самый, с которым он встретился, когда пришел сюда в первый раз. Каладин узнал, что его зовут Куно. Ревнитель читал, но попытался – и не смог – надвинуть очки на глаза, когда Каладин в спешке пересек комнату и знаком призвал его к молчанию.

– Другие охранники есть? – прошептал Каладин. – Кроме тех, что у парадного входа.

– Н-нет, светлорд, – ответил Куно, теребя бесполезные очки. – Я... Как? Как вы здесь оказались?

– Милостью божьей или удачей. Я еще не решил, что именно. Мне нужны припасы. Пайки, кувшины с водой. Медикаменты, если есть.

Мужчина икнул, затем наклонился ближе, не обращая внимания на очки в своей руке, и прищурился на Каладина:

– Клянусь Всемогушим. Это действительно вы, Благословенный Бурей...

– У тебя есть то, что мне нужно?

– Да, да.

Куно поднялся, проводя рукой по бритой голове, а затем вышел из комнаты.

– Ты был прав, – сказала Сил с плеча Каладина, когда он последовал за ревнителем. – Вероятно, они захватили все посты охраны, клиники и казармы. Но не отдаленный приют для душевнобольных...

Куно отвел их в маленькую кладовую. Внутри Каладин смог найти почти все, что ему требовалось. Больничный халат и судно для Тефта. Различные другие предметы одежды. Губку и тазик для умывания, даже большой шприц для кормления больных в бессознательном состоянии.

Каладин упаковал все в мешок вместе с бинтами, фатомной корой от боли и антисептиком. Затем последовали сухие пайки, в основном духозаклятые, но и онигодились. Он привязал четыре деревянных кувшина с водой к веревке, которую мог повесить себе на шею, затем заметил ведро с какими-то чистящими средствами. Он выбрал четыре щетки для мытья пола – с толстой щетиной и крепкими деревянными ручками.

– Собираетесь... драить полы, Сияющий? – удивился ревнитель.

– Нет, но я больше не могу летать, поэтому мне нужны эти штуки, – сказал Каладин, запихивая их в сумку. – У тебя ведь нет бульона?

– Готового нет.

– Жаль. А как насчет оружия?

– Оружия? Зачем? У вас же есть клинок.

– Сейчас он не работает.

– Ну, мы не держим здесь оружия, светлорд, – сказал Куно, вытирая струящийся по лицу пот. – Буря свидетельница. Вы что же... собираетесь с ними драться?

– По крайней мере, сопротивляться. – Каладин накинуд веревку с кувшинами себе на шею, затем с некоторым усилием встал и поправил груз так, чтобы веревка не слишком сильно впивалась. – Не говори никому обо мне. Я не хочу, чтобы тебя потащили на допрос. Мне понадобится больше припасов.

– Вы... вы вернетесь? Будете делать это... регулярно? – Ревнитель снял очки и снова вытер лицо.

Каладин положил руку ему на плечо.

– Если потеряем башню, то проиграем войну. Я не в том состоянии, чтобы сражаться. Но другого выхода нет. Мне не надо, чтобы ты брался за копье, но если сможешь готовить для меня бульон и заполнять мои кувшины водой раз в несколько дней...

– Ладно. – юноша кивнул. – Я смогу... Я справлюсь.

– Славный малый, – ответил Каладин. – Как я уже сказал, держи это в секрете. Не хочу, чтобы люди вбили себе в голову, что им надо хвататься за оружие и воевать против Сплавленных. Я должен либо передать весточку Далинару, либо разбудить других Сияющих, иначе мы не выберемся из этого бардака.

Он втянул немного бурсвета, чтобы проще было нести груз, и при виде свечения ревнитель явно приободрился.

– Жизнь прежде смерти, – сказал ему Каладин.

– Жизнь прежде смерти, Сияющий, – отозвался Куно.

Каладин подхватил свои мешки и направился в темноту. Он шел медленно, но в конце концов добрался до одиннадцатого этажа. Здесь он сориентировался, пока Сил рыскала вокруг, пытаясь вспомнить дорогу. Им не стоило беспокоиться – в гранатовой жиле на полу появилась маленькая искорка света.

Они последовали за светом в комнату, где оставили Тефта. Дверь открылась легко, не требуя для этого большого количества бурсвета. Внутри Каладин сложил свои припасы, про-

верил, как там его друг, а затем начал более тщательную инвентаризацию добычи. Гранатовый огонек сверкнул на полу рядом с ним, и он провел пальцами по хрустальной жиле.

Тут же в его голове раздался голос:

«Великий маршал? Это правда? Ты в сознании и способен действовать?»

Каладин вздрогнул. Это был голос королевы.

«Светлость Навани? – произнес голос Каладина в голове бывшей королевы. – Я в сознании. В основном способен действовать. Мои силы... ведут себя странно. Не знаю, почему я не в коме, как остальные».

Навани с облегчением перевела дух. Сородич видел, как он прокрался на четвертый этаж, а потом совершил набег на монастырь за припасами. Пока он возвращался, Навани сделала несколько кругов по библиотечной комнате – разговаривала с учеными, подбадривала их, – чтобы не вызвать подозрений. Теперь она вернулась на прежнее место: сидела, прислонившись к стене, и изображала скуку.

На самом деле она испытывала совсем другие чувства. У нее появился Сияющий рыцарь – может, два, если Сородич найдет Крадунью.

– Это хорошо, – прошептала она, и Сородич передал ее слова Каладину. – Пока что мне приходится сотрудничать с захватчиками. Они держат меня и моих ученых в восточной подвальной комнате, рядом с колонной из самосветов.

«Вы знаете, что случилось с Сияющими?» – спросил он.

– В какой-то степени, – прошептала Навани. – Если не вдаваться в детали, в башне есть древняя защита от врагов, которые используют пустосвет. Ученая из Сплавленных обратила ее против нас: теперь защита подавляет тех, кто использует буресвет. Но ей не удалось довести свое дело до конца. Я едва успела ее сдержать, возведя барьер вокруг колонны. К сожалению, тот же самый барьер не дает мне отменить то, что она успела сделать.

«Итак... как же нам быть?»

– Не знаю, – призналась Навани.

Далинар, вероятно, велел бы ей действовать решительно, притворяться, что у нее есть план, когда у нее его нет, – но она не была генералом. Притворство никогда не работало с ее учеными; они ценили честность.

– У меня едва хватило времени, чтобы все спланировать, и я все еще не пришла в себя после вчерашнего.

«Мне знакомо это чувство».

– Враг каким-то образом заставил Клятвенные врата работать, – сказала Навани, и в ее голове созрел план. – Моя первая цель – продолжать защищать Сородича, спрена башни. Моя вторая цель – передать весточку мужу и другим монархам. Если бы мы смогли выяснить, как враг заставляет Клятвенные врата действовать, я могла бы включить даль-перо и послать предупреждение.

«Неплохое начало, светлость, – сказал Каладин. – Я рад, что у меня есть подсказка, куда направить силы. Так вы хотите, чтобы я выяснил, как они управляют Клятвенными вратами?»

– Вот именно. Моя единственная догадка заключается в том, что они каким-то образом питают их пустосветом, но в прошлом я уже пыталась заставить фабриали работать на пустотном свете и потерпела неудачу. Однако я точно знаю, что у врага имеются рабочие даль-перья. Я не смогла хорошенько рассмотреть ни одно из них, но если бы ты смог узнать, как они используют Врата или другие фабриали, мне было бы с чем работать.

«Для этого придется подобраться поближе к Вратам. И чтобы никто не заметил».

– Да. Ты сможешь? Я помню, ты сказал, что твои силы частично сохранились.

«Я... я найду способ, светлость. Подозреваю, что до ночи враг не будет использовать Клятвенные врата. Думаю, они притворяются, что с башней все в порядке – на случай если

Далинар пошлет разведчиков. У них есть патруль снаружи, какие-то люди в алетийской униформе. Ночью даже далекие ветробегуны, пытающиеся наблюдать, будут видны в темноте. Я подозреваю, что они сочтут это время суток наиболее безопасным для использования Врат».

Действительно, любопытно. Как долго, по мнению Рабониэли, продлится спектакль? Наверняка Далинар уйдет с поля боя в Азире и всеми силами попытается выяснить, что случилось с Уритиру. Если только в этом не было аспектов, которые Навани не учла.

Последствия пугали ее. Запертая в подвале, она как будто ослепла.

– Великий маршал, – сказала она Каладину, – я попытаюсь связаться с тобой завтра примерно в это же время. А до тех пор будь осторожен. Враг будет искать способ разрушить щит, который я воздвигла. В башне спрятаны четыре узла, большие заряженные самосветы, поддерживающие барьер, но первый уничтожен. Сородич не говорит, где остальные три. Эти узлы – прямые каналы к сердцу башни, и потому они очень уязвимы. Если найдешь один такой, скажи мне. И имей в виду, если враг получит доступ к ним, он сможет окончательно завоевать башню.

«Да, сэр... э-э... светлость».

– Мне нужно идти. Крадунья тоже не спит, так что стоило бы ее поискать. Во всяком случае, будь осторожен, великий маршал. Если задание окажется слишком опасным, отступай. Нас сейчас слишком мало, чтобы идти на неразумный риск.

«Понял».

После минутной паузы опять заговорил Сородич.

«Он вернулся к распаковке своих припасов. Будь осторожнее, когда просишь о фабриках. Не забывай, я считаю твои прошлые действия чудовищными и преступными».

– Я не забыла, – сказала Навани. – Но ты же не противишься Клятвенным вратам.

«Нет, – неохотно ответил Сородич. – Эти спрены добровольно пошли на преображение».

– Ты знаешь, почему это работает? Как можно напитать Клятвенные врата пустотным светом?

«Нет. Врата – не часть меня. А теперь я тебя покину. Наши разговоры подозрительны».

Навани не стала настаивать, вместо этого опять обошла своих ученых. Она не была уверена, что всецело доверяет Сородичу. Умеют ли спрены лгать? Кажется, она ни разу не спрашивала об этом Сияющих спренов. Напрасно!

Во всяком случае, благодаря Каладину у нее была связь с остальной частью башни. Спасительная связь. Она все-таки сделала шаг вперед в поисках выхода из этого хаоса.

50. Королева

Способность забывать про окружающий мир – завидное качество. Я на собственном опыте узнала, что наиболее важные открытия можно совершить, только если отбросить все менее значимое.

Из «Ритма войны», примечание к с. 3

Через два дня после победы над предателями Таравангиана Далинар стоял в походном шатре, помогая готовиться к более крупному наступлению на певцов в Эмале. У него за спиной маячил замаскированный Сзет. Никто не обращал внимания на бывшего Убийцу в Белом; Далинара часто сопровождали члены Кобальтовой гвардии.

Далинар оглядел стол с картами и списками численности войск. Так много разрозненных фрагментов, представляющих состояние их армий на разных фронтах. Когда он был моложе, подобные абстракции его расстраивали. Он хотел быть на поле боя – с клинком в руке прорубаться через вражеский строй, заставляя такие карты устаревать.

Потом он начал видеть армии за маленькими квадратами на листах бумаги. Начал по-настоящему понимать, насколько перемещение войск – снабжение, логистика, крупномасштабная тактика – важнее, чем победа в сражении, одержанная лично. И это возбуждало его.

Каким-то образом он теперь вышел на новый уровень. Война и все ее аспекты больше не волновали его. Дело было серьезным, и он с ним справится. Но существовал и более важный долг.

«Как мы победим? По-настоящему победим, а не просто получим временное преимущество?»

Он размышлял над этим, пока его генералы и главные письмоводительницы излагали свои окончательные выводы относительно предательства веденцев.

– Наши войска в южном Алеткаре успешно воспользовались поддержкой тайленских кораблей, как вы и советовали, – сказала Тешав. – Наши генералы вдоль побережья смогли отступить через указанные вами крепости. Они перегруппировались в Каранаке, который мы контролируем. Поскольку ни один из наших батальонов не был полностью окружен веденцами, мы практически не понесли потерь.

– Наш флот запер веденские корабли в их портах, – прибавил Кмакл, пожилой тайленский принц-консорт. – Они не прорвут нашу блокаду в ближайшее время, если только Сплавленные и неболомы не окажут им мощную поддержку с воздуха.

– Мы уничтожили почти всех веденцев, которые предали нас вот здесь, – сказал Омал, невысокий азирский генерал, носивший яркий узорчатый пояс поверх мундира. – Ваше руководство на поле боя было превосходным, Черный Шип, не говоря уже о своевременности предупреждений перед битвой. Вместо того чтобы сжечь наши склады и спасти своего короля, они были почти разбиты.

Далинар посмотрел через стол на Норку, который оскалил в довольной улыбке щербатый рот.

– Это было очень хорошо сделано, дядя, – сказала Ясна, рассматривая военную карту на столе. – Ты предотвратил катастрофу.

Нура посоветовалась с азирским императором, который сидел на троне у стены боевого шатра, затем подошла к столу.

– Мы сожалеем о потере такого важного союзника, как Таравангиан, – провозгласила она. – Это предательство азиры будут помнить – и карать – в течение многих поколений. Так или иначе, мы тоже одобряем твое отношение к ситуации. Ты поступил правильно, продолжая подозревать его все эти месяцы, а мы были неразумны, думая, что его предательство осталось в прошлом.

Далинар склонился над столом, освещенным сферами. Хотя он скучал по большой иллюзорной карте, которую мог создавать вместе с Шаллан, в осязаемости этой бумаги, отображающей мысли его лучших генералов, было что-то притягательное. Пока он рассматривал карту, все прочее как будто исчезло из его поля зрения.

Что-то все еще было не так. Долгие месяцы Таравангиан был таким изворотливым, а теперь все же позволил себя схватить?

«Его армии в Йа-Кеведе, похоже, не очень-то заботятся о нем, – подумал Далинар, рассматривая боевые отчеты и цифры. Казалось, кто-то шепчет ему на ухо объяснения. – Веденские великие князья будут рады выдвинуть новых правителей. И они быстро примкнули к певцам, как и ириали».

Харбрант, возглавляемый дочерью Таравангиана Саврахалидем, отрекся от своего бывшего правителя и объявил нейтралитет: их лекари были готовы продолжать служить той стороне, которая попросит помощи. Далинар приказал бы своим кораблям блокировать их на всякий случай, но он не собирался высаживать там войска и вести дорогостоящую битву за такую незначительную цель. Они, вероятно, знали это.

Настоящим призом был сам Таравангиан. Тот, кого Далинар и так уже держал в плену. После долгих лет осторожного маневрирования старый король позволил своей империи рухнуть практически в одночасье.

Почему? Зачем рисковать сейчас?

– Какие новости об Уритиру? – спросил Далинар.

– Скоро вернутся ветробегуны с последними донесениями, – послышался с неосвещенного периметра голос Тешав. – Но последнее письмо светлости Навани показывает, что наши люди справляются.

Навани продолжала посылать солдат в поход по внешней стороне горных склонов, чтобы доставлять сообщения. Каждое новое известие лучше разъясняло ситуацию. Некие ученые Таравангиана активировали устройство, подобное тому, что нашел великий маршал Каладин. Обвал нижних туннелей – вероятно, саботаж – перекрыл еще одну возможность попасть в Уритиру или покинуть его.

Устройство было хорошо спрятано, и Навани пока не смогла найти и деактивировать его. Она опасалась, что поиски займут недели. К сожалению, разведчики Далинара на своем опыте

убедились в эффективности загадочного устройства. Если они подходили слишком близко, то не только теряли свои силы, но и падали без сознания.

Как бы там ни было, сейчас они в безопасности, хоть и испытывают некоторые неудобства. Если бы Далинар не предвидел предательства, все могло пойти совсем по-другому. Он мог представить себе версию событий, в которой вероломство Таравангиана повергло коалицию в хаос, позволив войскам певцов вырваться вперед и оттеснить армию Далинара до самого Азимира. Там, без надлежащего снабжения и поддержки, их бы просто раздавили.

«Возможно, в этом все дело, – подумал он. – Возможно, Таравангиан именно этого и желал, поэтому пошел на риск».

Король до сих пор хранил молчание во время допросов. Далинар мог бы поговорить с ним напрямую и получить больше информации. Но он беспокоился, что каким-то образом все шло по плану Таравангиана, и не хотел совершить опрометчивый поступок.

– Монархи, – обратился Далинар к группе, – я предлагаю продолжить нашу битву за Эмул, пока мы не получим больше информации об Уритиру.

– Согласен, – немедленно ответил азирский император.

– Мне надо получить одобрение тайленских гильдий и королевы, – сказал принц-консорт Кмакл, просматривая морские отчеты. – Но пока что у меня нет никаких проблем с тем, чтобы продолжать позволять генералам-алети руководить. Однако, светлорд Далинар, вы понимаете, что это предательство сделает отвоевание вашей родины еще более трудным.

– Да, – ответил Далинар. – Я все еще верю, что лучшее, что мы можем сделать для возвращения Алеткара, – это сначала обезопасить Запад.

Каждое из этих слов ножом вонзалось ему в сердце. Придется отказаться от Алеткара на долгие годы. А может, еще дольше. С Йа-Кеведом в качестве плацдарма он мог лелеять мечты о том, чтобы нанести удар прямо по Холинару. Теперь мечтам конец.

«Шквал тебя побери, проклятый Таравангиан».

Кмакл и азиры высказались, так что единственным промолчавшим монархом оставалась Ясна. Она изучала карты, и Шут, как обычно, стоял у нее за спиной.

– Полагаю, дядя, – сказала она, – что руководить кампанией ты поручишь Норке?

– Один человек не разберется с этим конфликтом без посторонней помощи. Но думаю, проявив себя в руководстве битвой два дня назад, генерал доказал свою ценность. Я потому и старался изо всех сил привлечь его на нашу сторону, чтобы мы смогли положиться на его стратегический гений.

– По воле монархов, – сказал Норка, – я сделаю это, но помни о своих обещаниях, Черный Шип. Я не позволю тебе сбежать от них. Как только мы освободим Алеткар, следующим будет мое королевство.

Ясна кивнула:

– Хотелось бы увидеть ваши планы сражений, генерал Диено. Я предварительно одобряю продолжение наступления на Эмул, но мне нужны подробности. Потеря доступа к Клятвенным вратам может оказаться разрушительной.

На этом Далинар объявил о завершении собрания. Люди начали вытаскивать припрятанные сферы по периметру павильона, показывая, насколько он в действительности огромен. Шатер должен был быть достаточно большим, чтобы вместить все свиты, и поэтому стол с картами показался маленьким, как только все начали отступать в свои углы.

Кмакл направился к тайленским письмоводительницам, которые с помощью даль-перьев отправили протоколы собрания Фэн и главам тайленских гильдий. Далинар покачал головой. Он согласился с решением Фэн остаться дома и пожалел, что Ясна не поступила так же. Слишком много монархов в одном месте – это заставляло его нервничать.

Однако беспокоило, что многие из решений королевы Фэн зависели от прихотей кучки торговцев и глав гильдий. Если они выиграют эту войну, он постарается найти способ помочь ей вырвать контроль над своим королевством у этих угрей.

Азирцы и эмули начали покидать шатер, и повеяло свежим воздухом. Далинар вытер платком пот на затылке – в этом районе Рошара было не так душно, как на Решийских островах, но летняя погода здесь все еще была слишком жаркой на его вкус. Почти хотелось, чтобы кто-нибудь из ветробегунов поднял его на большую высоту, где он мог бы дышать нормальным холодным воздухом и ясно мыслить.

Он решил выйти из палатки и осмотреть лагерь. Они захватили небольшой городок Лакки, расположенный на границе с Эмулом, недалеко от Азимира. Он находился примерно в трех днях пути от линии фронта, где их ряды, которые вскоре предстояло усилить, держались против вражеских сил на юге.

Лакки, похожий больше на деревню, чем на город, был наводнен военными, которые устанавливали пункты снабжения и шатры для командования. Рабочие укрепили восточную сторону, чтобы блокировать бури, и в воздухе парили ветробегуны. Отличный командный центр, достаточно близкий к фронту, чтобы добраться до него коротким полетом, но достаточно далекий, чтобы быть защищенным от наземного нападения.

Далинар, убедившись, что маленький Гэв весело играет со своей гувернанткой, немного подумал об Эви. Буря свидетельница, он так гордился рождением Адолина. Как он позволил себе пропустить столь многое из детства старшего сына?

Он прокрутил эти воспоминания в голове. Поначалу он находил, что помнить Эви – это что-то новенькое, но чем больше воспоминания оседали в нем, тем более уютными они казались, как продавленное кресло у камина. Ему было стыдно за многое из того, что он помнил о себе, но он не поступил бы этими воспоминаниями опять. Он нуждался в них. Нуждался в ней.

Некоторое время он наслаждался свежим воздухом, глубоко дыша, потом вернулся в шатер, чтобы выпить чего-нибудь. Сзет последовал за ним, держа руку на огромном мече – серебряные ножны и черную рукоять маскировало светоплетение. Сзет был молчалив, но Далинар знал, что он считает свое поражение в схватке с Нейлом позорным. По мнению Далинара, это больше говорило о мастерстве Вестника, чем о чем-либо другом. Почему Нейл так часто оставался в стороне от сражений, наблюдая за своими неболомами издалека?

Когда Далинар налил себе вина, к нему подошла Ясна. Она знала, кто такой Сзет на самом деле, но была слишком проницательна, чтобы удостоить его хоть взглядом.

– Ты уходишь от борьбы, дядя, – тихо заметила она. – Я ожидала, что ты лично возглавишь военные действия.

– Я нашел кого-то более пригодного для этой задачи.

– Прости, дядя, но врать надо лучше. Ты никогда не поручаешь другому то, что тебе интересно делать самому. Это одна из твоих наиболее стойких привычек.

Он успокоился, затем оглядел шатер. Ей не следовало затевать этот разговор здесь, где могли услышать представители других монархов. Но именно поэтому Ясна так и поступила – он достаточно ее знал, чтобы это понять. Каждый разговор с ней был маленькой битвой, и она всегда учитывала особенности рельефа.

– Я начинаю кое-что понимать, – тихо сказал Далинар, отодвигая племянницу в сторону, подальше от бара. Сзет держался рядом, как и Шут, остальные расступались перед ними. – Мои способности как узокователя более ценны, чем мы осознаем. Я рассказывал тебе о том, как в битве прикоснулся к Налану и увидел его прошлое.

– С Шалаш и Таленелатом этого повторить не удалось.

– Да, потому что я не знаю, что делаю! Я оружие, которое мы еще не до конца изучили. Мне нужно научиться использовать эти силы – использовать их не только для обновления сфер и открытия перпендикулярности.

– Я ценю твоё желание учиться. Но ты и так уже мощное оружие. Ты – один из наших величайших военных умов.

– Мне нужно стать чем-то большим. Я боюсь, что эта война будет тянуться до бесконечности. Мы захватим Эмул, но потеряем Йа-Кевед. Взад-вперед, туда-сюда. Как мы победим, Ясна? Какова наша конечная цель?

Она медленно кивнула:

– Мы должны подтолкнуть Вражду к соглашению. Думаешь, изучение твоих способностей в этом как-то поможет?

Больше года прошло с тех пор, как Вражда согласился на состязание защитников, но с тех пор Далинар не видел этого существа. Никаких визитов. Никаких видений. Ни единого гонца...

– Рейз – Вражда – не из тех, кого можно куда-то подтолкнуть, – сказал Шут из-за плеча Ясны. – Теоретически он мог согласиться на состязание, но точные условия не определил. И не определит, пока думает, что выигрывает войну. Нужно напугать его, убедить, что он может проиграть. Только тогда он решится на состязание, убедившись, что условия ограничивают возможные потери.

– Я предпочту полную победу варианту, который позволит Вражде подстраховаться, – сказал Далинар.

– Ах, восхитительно. – Шут поднял ладонь и сделал вид, что что-то записывает. – Я просто отмечу, что ты желаешь победить. Ну да, Черный Шип, – я просто дурак, раз не понял сразу. Тебе нужна полная победа. Над божеством, которое в настоящее время завладело твоей родиной и недавно обзавелось поддержкой одной из самых сильных воинственных наций на планете. Может, попросить его что-нибудь сладенькое испечь для тебя, в качестве извинения за весь этот бардак с концом света?

– Хватит, Шут, – со вздохом сказал Далинар.

– Выпечка – настоящая традиция, – прибавил Шут. – Я однажды побывал в одном месте, где мать проигравшего в битве готовит победителю что-нибудь вкусное. Мне весьма понравился тот народ.

– Жаль, что ты не задержался у них, – сказал Далинар.

– Ха! Ну, я не считал разумным там оставаться. Они же, как ни крути, были людоедами. Далинар покачал головой и снова сосредоточился на предстоящей задаче.

– Шут говорит, мы должны каким-то образом убедить Вражду, что представляем для него угрозу. Но мне кажется, что противник нами манипулирует. Весь этот фокус с Таравангианом не дает мне покоя. Мы имеем дело с богом, но не используем все имеющиеся в нашем распоряжении инструменты.

Он поднял ладонь:

– С помощью этого я могу прикоснуться к его миру, к Духовной реальности. Тронув Налана, я что-то почувствовал и увидел. А что, если я смогу перековать Клятвенный договор? Если Сплавленные перестанут возрождаться, разве это не даст нам искомое преимущество перед Враждой? И тогда мы заставим его вести переговоры на наших условиях.

Ясна задумчиво сложила руки на груди. Шут, однако, подался вперед.

– Знаешь, – прошептал он. – Я думаю, Черный Шип прав. Мне стыдно признаться, но он оказался дальновиднее нас. Он полезнее как узокователь, а не как генерал или даже монарх.

– Твои доводы хороши, дядя, – признала Ясна. – Я просто волнуюсь. Если твои способности настолько невероятны, экспериментировать с ними опасно. Мои первые опыты с духо-

заклинанием временами были губительными. Что произойдет, если ты, со своими более впечатляющими способностями, допустишь ошибку в схожей ситуации?

Это справедливое замечание вынудило их помрачнеть и взяться за вино. Они пили в тишине, размышляя. В это время мимо прошел принц-консорт Кмакл, направляясь к выходу из шатра и слушая письмоводительницу, которая зачитывала ему черновик послания к главам торговых гильдий города Тайлен.

– Еще кое-что, дядя, – заметила Ясна. – В последнее время я вижу, что ты смотришь на Кмакла с подозрительным прищуром. Я думала, Фэн и ее супруг тебе нравятся.

– Нравятся, – подтвердил Далинар. – Мне просто не по нраву то, с какой бюрократией Фэн вынуждена справляться, чтобы хоть что-то сделать. Азирцы еще хуже. Зачем называть своего правителя императором, если любое его решение должна подтвердить свора чиновников?

– Одно государство – конституционная монархия, другое – академическая республика, – весело сказала Ясна. – А чего ты ожидал?

– Король должен быть королем, – пробормотал он, одним глотком допивая вино.

– Обе формы правления уходят в глубь веков. Процедуры совершенствовались на протяжении поколений. Нам бы стоило у них поучиться. – Она задумчиво посмотрела на Далинара. – Вероятно, эпоха, когда вся власть могла быть сосредоточена в руках одного человека, приближается к концу. Не удивлюсь, если окажется, что я последний монарх в истинно алейском смысле.

– Что бы сказал твой отец, услышав такие речи?

– Думаю, я бы сумела его убедить, – проговорила она. – Он был озабочен своим наследием. Хотел воздвигнуть нечто, способное продержаться не одно поколение. Его цели были похвальны, а вот методы... Управлять нашим королевством было трудно. Когда король полагается на латы и меч, он запросто может увидеть, как и то и другое от него ускользнет, потому что он ослабел. Сравни это с азирской системой: плохой Верховный не может в одиночку погубить государство.

– А хороший не в состоянии добиться чего-нибудь значимого, – парировал Далинар и поднял руку, предотвращая дальнейшие споры. – Я тебя понял. И все же традиционный способ правления кажется мне благородным.

– Я читала исторические хроники и полагаю, что воображаемое тобой благородство связано с преданиями о жителях древних времен, но редко существовало на самом деле. Жизнь любого короля той эпохи, как правило, была недолгой и полной жестокости. Впрочем, ладно. Я надеюсь, после победы в этой войне у меня будут десятилетия, чтобы доказать тебе все это.

Убереги его Келек от такого. Далинар налил себе еще оранжевого вина.

– Я подумаю над тем, что ты сказал о своих способностях, – продолжила Ясна, – и посмотрю, смогу ли я дать какой-нибудь совет, как действовать дальше. А пока, дядя, знай, что я доверяю твоим суждениям и помогу поддержать Норку, если ты уступишь ему главную роль в планировании военных действий. Ты прав, а я ошиблась, задавая вопросы.

– Задавать вопросы – это всегда правильный путь, – сказал Далинар. – Ты меня этому научила.

Она нежно похлопала его по руке, затем отошла к столу, чтобы уделить все внимание военным картам, которые Норка размечал.

Шут задержался, улыбаясь Далинару.

– Я с ней согласен, – прошептал он. – А что касается монархии как таковой, то знай: тебя я нахожу милейшим деспотом. Ты настолько симпатичный, что я почти не ужасаюсь тому факту, что живу среди народа, готового доверить одному человеку почти абсолютную власть над жизнями сотен тысяч людей, полностью игнорируя надлежащие сдержки и противовесы его потенциальной жадности, зависти или амбиций.

– Шут, неужели тебе было обязательно отправиться в этот поход вместе с нами? – спросил Далинар. – Я... – Он осекся и тряхнул головой.

– Что такое?

– Забудь. Если я скажу хоть слово, ты продолжишь швырять в меня камни.

– А ведь предполагается, что ты тупица... – ухмыльнулся Шут. – Разве я над тобой когда-нибудь насмехался?

– Постоянно, Шут. Ты над всеми насмехаешься.

– Неужели? Серьезно? Хм... – Он постучал себя пальцем по подбородку. – Я получаю жалованье как Шут Королевы, и она ожидает от меня только лучших насмешек в ее интересах. Надо поменьше раздавать их остальным задарма. Я вам не дойная корова.

Далинар нахмурился:

– Что такое «корова»?

– Нечто большое, сочное и вкусное. Я бы с удовольствием такую съел. Похоже, у вас они не водятся, что я нахожу удивительным, потому что где-то в роду Садеас одна точно была. Возможно, по отцовской линии. Следи за великими князьями. Они почти наверняка устроят спектакль.

Он неторопливо отошел, чтобы занять свое обычное место рядом с Ясной.

Следить за великими князьями? В каком смысле? По большей части они становились полезными. Аладар продолжал доказывать, что достоин доверия, и Далинар послал его наблюдать за отступлением в Алеткаре. Хатам перестал артачиться, и Далинар заставил его наблюдать за цепочкой поставок из Азимира. Бетаб оказался весьма полезным послом в Тайлене – ну, на самом деле полезной была его жена, но толк был от обоих. Ройон умер достойно, его преемника-сына выбрали тщательно, чтобы он не усложнял ситуацию. Даже Себариаль пригодился!

Один из великих князей, Рутар, сейчас находился с Далинаром в Эмуде. Этот мускулистый бородач был худшим из оставшихся; воображал себя солдатом, но никогда в жизни не носил настоящей униформы. Сегодня он завис в дальнем конце бара, возле крепких вин. По крайней мере, научился не спорить с Далинаром в присутствии других монархов.

Далинар прищурился, глядя на Ясну, которая демонстративно обсуждала с Норкой планы сражения. «Вот уж кто устроил спектакль», – подумал он, заметив, как она специально выявляет детали на картах, предлагая идеи насчет расположения войск. Она неплохо справлялась, хотя и не была генералом.

Норка внимательно слушал ее советы, хотя вряд ли принял бы какой-то из них во внимание. Он, похоже, находил ее очаровательной. Что ж, Ясна определенно была редким самоцветом. Был ли ее спектакль предназначен Норке? Нет... Выходит, дело в Рутаре?

Дальнейшие размышления прервало появление в палатке девушки в синем. Ветробегунья Лин заплела волосы в косу, хотя во время полета несколько прядей выбилось. Она возглавляла самую последнюю разведку Уритиру.

Далинар помахал ей рукой и заметил, что Ясна за столом с картами умолкла и повернулась, чтобы выслушать донесение Лин.

– Мы встретились с солдатом, посланным королевой, – доложила ветробегунья, отдавая честь. – Я сама пыталась преодолеть невидимый барьер и приблизиться. Я упала на снег, словно получила удар прямо в челюсть. Солдату пришлось тащить меня к остальным.

– Ты видела мою жену?

– Нет, сэр. Но этот пеший маршрут... просто жуть. Сияющие не могут подобраться к башне ближе чем на сотню ярдов, поэтому солдатам приходится часами маршировать туда-сюда по горам, чтобы добраться до места, откуда можно послать сообщение.

Далинар задумчиво потер подбородок. Сообщения Навани казались заслуживающими доверия, и она просила потерпеть. Но коды доступа не были надежными, и в происходящем ощущалась какая-то неправильность.

– Что ты видела издали?

– Нам пришлось воспользоваться подзорными трубами. На крыше было меньше народу, чем обычно, и все-таки я, кажется, разглядела там Тефта и Изома-светоплета. Они держали большой плакат с глифами... ну, мы решили, что это «терпение» и «прогресс».

Далинар кивнул:

– Спасибо, Сияющая. Иди, отчитайся перед светлостью Тешав, сообщи все подробности, а потом поешь.

– Благодарю вас, сэ, – сказала она и направилась к выходу.

Однако что-то не давало Далинару покоя. Ему не удалось избавиться от всего бремени.

– Лин?

– Сэр?

– У врага есть светоплеты? Или, по крайней мере, что-то похожее?

– Да, сэ. Хотя единственное доказательство их существования – вторжение в Тайленское хранилище год назад.

Он с трудом удержался, чтобы не бросить взгляд на Сзета – такого спокойного, такого неприязнительного, – стоящего рядом с ним с лицом аleti.

– Попроси командира роты Сигзила сегодня вечером послать еще одну группу разведчиков, – сказал Далинар. – Я наполню самосветы для этого путешествия. Пусть эта новая команда наблюдает за башней издалека, скрытно, а затем сообщит обо всем подозрительном, что увидит.

– Мудрое предложение, сэ, – сказала Лин и с поклоном удалилась.

Ясна кивнула ему и вернулась к демонстративному обсуждению планов. Да, она играла роль.

Далинар взглянул на Рутара, чье лицо постепенно наливалось багрянцем. Возможно, он выпил слишком много, ожидая, пока монархи закончат обсуждение, но ему явно не нравилось, как Ясна нагло вмешивается в военные вопросы. Это было мужское искусство, а ведь самому Рутару сегодня запретили выступать.

Глядя на него, трудно было не согласиться с тем, что Ясна говорила об Алеткаре. Великое объединенное Гавиларом королевство не просуществовало и десяти лет после его смерти, прежде чем, по сути, разразилась гражданская война. Склоки аleti закончились в пользу таких людей, как Рутар. Скользких, воинственных, агрессивных. Это были отголоски старого Алеткара.

Ясна превращала себя в приманку. И Рутар наконец-то клюнул.

– Я что, один это вижу? – демонстративно громко спросил он у своей свиты. – Я промолчал, когда она стала королевой. У других народов есть королевы. Но разве кто-нибудь из них в этом шатре допрашивает генерала?

Одна из спутниц попыталась успокоить великого князя, но он отмахнулся, крича:

– Это позор! Далинар научился писать? С таким же успехом он мог бы надеть хаву и начать рисовать. Мы заслуживаем суда Всемогущего после того, как отдали трон безбожной шл...

Он вовремя остановился, возможно осознав, что в шатре все оцепенели.

Далинар шагнул вперед, чтобы отчитать Рутара. Теперь ему ничего не оставалось, кроме как...

– Шут, – ледяным голосом позвала Ясна.

Шут шагнул вперед, раскинув руки, словно вышел из-за кулис навстречу восхищенной толпе.

– Вижу, Рутар, ты завидуешь тем, кто лучше владеет мужскими искусствами, – сказал Шут. – Я согласен, тебе не помешали бы наставления о том, как быть мужчиной, но те, кто находится в этом шатре, преподают уроки слишком для тебя мудреные. Позволь мне позвать

евнуха, чтобы он тебя проинструктировал, и, как только достигнешь его уровня, мы продолжим разговор.

– Жестче, – сказала Ясна.

– Ты говоришь о чести, Рутар, хотя понятия не имеешь, что она собой представляет, – продолжил Шут, повышая голос. – Но тебе ее не найти. Видишь ли, я спрятал твою честь там, куда тебе не добраться: в объятиях кого-то, кто по-настоящему любит тебя.

– Шут, – сказала Ясна. – Жестче!

– Я разговаривал с твоими детьми, Рутар, – продолжал Шут. – Нет, это не шутка. Релис, Иванар. Да, я их знаю. Я много чего знаю. Не хочешь ли объяснить королеве, как Иванар на самом деле сломал руку в прошлом месяце? Скажи, ты бьешь своих детей потому, что ты садист, или потому, что ты трус, и они единственные, кто не смеет сопротивляться? Или... О, глупый Шут. И то и другое, не так ли?

– Как ты смеешь! – взревел Рутар, отталкивая придворного, который пытался его удерживать. Спрены гнева забулькали у его ног, как лужи пузырящейся крови. – Я требую испытания на меч! Я буду биться с тобой, дурак. Или с твоим защитником, если ты слишком труслив, чтобы встретиться со мной лицом к лицу!

– Согласен, – беспечно сказал Шут, расстегивая пояс и вытаскивая меч из ножен. – Ну что, приступим?

– Прекрасно! – рявкнул Рутар, обнажая оружие, что заставило многих женщин и слуг разбежаться в стороны.

– Это идиотизм, – заявил Далинар, вставая между ними. – Рутар, тебя спровоцировали. Убийство Шута королевы карается изгнанием и лишением титула. И ты это знаешь.

Рутар хмыкнул; до него дошло.

– Кроме того, – продолжил Далинар, оглядываясь, – этот человек не простой Шут. Я не уверен, что ты сможешь его убить.

– Ты говоришь, что я лишусь своего титула, – прорычал Рутар. – Какой титул? Какие у меня земли? Я изгнанник! Мы все изгнанники, Черный Шип. Может, мне стоит бросить вызов тебе? Ты потерял наше королевство и теперь ждешь, что я буду тратить свое время на чужие земли? Защищая тех, кого мы должны были завоевать? Мы бы так и сделали, если бы твой племянник был хотя бы наполовину похож на своего отца.

– Рутар, – сказал Шут, – тебе не нужно с ним драться. Или со мной. Я принимаю вызов, но я использую свое право выбрать защитника. Ты не рискнешь потерять свои земли, убив Шута.

– Отлично, – рявкнул Рутар. – Согласен. Не вмешивайся, Черный Шип.

Далинар неохотно отступил в сторону. Он чувствовал нарастающий страх, но в происходящем не было ничего противозаконного. И он сомневался, что так или иначе сможет помешать ловушке захлопнуться.

– Итак, – сказал Рутар, размахивая мечом. – Шут. Ты называешь меня трусом, а потом уклоняешься от вызова? Да будет так! Так кого же ты хочешь, чтобы я убил?

– Ваше величество? – сказал Шут. – Если не возражаете?

Он протянул меч в ножнах рукоятью вперед, и Ясна, проходя мимо, вытащила оружие – тонкий серебристый клинок, который Далинар никогда не видел обнаженным.

Ужас Далинара усилился, когда Ясна шагнула на расстояние удара, отбивая меч Рутара. Тот оправился от шока и парировал ее следующий удар. Она сражалась лучше, чем Далинар мог ожидать, но ее стойка была неуверенной, и она плохо рассчитывала движения. В лучшем случае это был уровень многообещающей ученицы.

Однако у нее было два явных преимущества. Она была Сияющей. А Рутар – идиотом.

– Я отказываюсь, – заявил он, отбрасывая меч. – Я не хочу биться с женщиной. Это унижительно.

И тогда Ясна всадила клинок ему прямо в горло.

Этот выпад был лучше предыдущего, но победила она не благодаря мастерству – Рутар просто недооценил, как далеко Ясна способна зайти. Глаза у него полезли из орбит, спрены потрясения начали разбиваться вокруг, как желтое стекло. Он отшатнулся, и кровь хлынула на его красивый камзол.

– Ренарин! – позвала Ясна.

Младший сын Далинара вбежал в шатер снаружи, и сразу стало очевидным, как хорошо королева все просчитала. Напряжение начало отпускать Далинара. Он-то думал запереть всех, послать за родней Рутара и устроить военно-полевой суд.

Ренарин поспешил вперед и с помощью сил правдогляда постарался исцелить Рутара, запечатав рану на шее великого князя, прежде чем тот истечет кровью. Тем не менее Далинар поймал взгляд Фиска, нынешнего капитана Кобальтовой гвардии. Он был крепким парнем, владел клинком, который называли Приносящий Мудрость. Фиск понимающе кивнул и незаметно дал знак своим солдатам создать периметр вокруг шатра – никого не впускать и не выпускать, пока Далинар не будет готов к распространению новостей об этом инциденте.

Ясна протянула Шуту меч, и он взял его, прищелкнув языком.

– Не хотите сначала вытереть кровь, светлость? Полагаю, это первое убийство, которое совершил меч. Адональсиум свидетель, сам я так и не сподобился. Ну... – Он вытер оружие белым носовым платком, взглянув на Рутара. – Я выставлю счет за новый носовой платок.

И Шут, и Ясна демонстративно проигнорировали испуг на лицах присутствующих. Выдающимся исключением был Норка, который ухмылялся, созерцая представление. Далинар почти ожидал, что гердазиец начнет аплодировать.

А вот ему было совсем не весело. Хотя Ясна не дошла до крайностей, ему не понравилось ее заявление. Разрешением спора путем дуэли было если не обычным явлением, то общепринятой частью культуры аleti. Он сам убил не одного человека на пиру или каком-нибудь другом собрании. Но это напоминало об их прошлом – о варварской эпохе разделенных княжеств. Аleti притворялись, что ее никогда не было. Нынче споры решались иначе, более цивилизованно, с формальными вызовами и поединками на аренах через несколько дней.

– Рутар, – сказала Ясна, стоя над ним. – Сегодня ты трижды оскорбил меня. Во-первых, подразумевая, что королева не должна заботиться о благополучии своих собственных армий. Во-вторых, угрожая напасть на моего Шута, выразителя королевской воли. В-третьих, и это было хуже всего, ты решил, что я не способна защищаться, несмотря на мое призвание в качестве Сияющего рыцаря. Поскольку этим вечером ты погиб, а я победила тебя в бою на законных основаниях, я объявляю тебя лишенным титула. Он перейдет к твоему старшему сыну, который в последнее время говорил с Шутом очень откровенно. Похоже, из него выйдет куда более подходящий великий князь.

– Ублюдок! – прохрипел Рутар. – Этот вероломный ублюдок!

– Значит, он не твой? – встрял Шут. – Вот почему мальчик мне понравился.

– Что ты будешь делать дальше – выбор за тобой, – сказала Ясна. – Увы, покинув шатер, ты обнаружишь, что в твоем княжестве теперь все по-другому. Если попытаешься вернуться, тебе будет закрыт вход в твой собственный лагерь. Я предлагаю тебе вступить в армию в качестве новобранца. Также можешь воззвать к милосердию королевы на каком-нибудь Пире нищих или в богадельне.

Она оставила его с разинутым ртом лежать на полу и трогать зажившую шею, все еще влажную от крови, а сама направилась к столу с картами. Ренарин неуклюже поспешил за ней.

Шут уронил окровавленный платок перед Рутаром.

– Как замечательно, – сказал он. – Если будешь всю жизнь раздавать людям тумачи, однажды может получиться так, что они не захотят встать на твою защиту. Что посеешь, то и пожнешь – не правда ли, мой дражайший свиц на заднице, шквал бы тебя побрал?

Далинар подошел к столу и встал рядом с Ясной. Сзет держался поблизости, внимательно наблюдая за Рутаром и контролируя тыл Далинара. Ренарин стоял, засунув руки в карманы, и старался не встречаться взглядом с отцом. Мальчик, вероятно, чувствовал себя виноватым за то, что держал этот маленький план в секрете, хотя Далинар не злился на него. В подобных ситуациях отказать Ясне было почти невозможно.

– Не сверли меня взглядом, дядя, – мягко сказала она. – Я должна была преподать урок. Рутар был рупором для многих других недовольных ворчунов.

– Я-то думал, ты преподаешь без меча.

– Мне бы этого хотелось. Но дикую рубигончую добрым словом не приручить. Нужно мясо с кровью.

Она посмотрела на все еще ошеломленных людей в шатре. Все они намеренно держались подальше от Рутара. Далинар встретился взглядом с Фиском и снова кивнул. Охрану можно было ослабить. Ближайшие союзники Рутара славились переменчивым нравом и должны были воспринять его падение как заразу, от которой стоило держаться подальше. Ясна уже заручилась преданностью тех, кто мог быть опасен, – его семьи и военных советников.

– Ты должна знать, – сказал Далинар, – что я нашел весь этот опыт неприятным. И не только потому, что ты не предупредила меня о том, что должно случиться.

– Поэтому я тебя и не предупредила. Вот. Думаю, тебе понравится.

Она постучала по бумаге, которую положила на стол с картой, и Норка начал читать с большим интересом и таким видом, словно уже много лет так не развлекался.

– Проект нового закона, – сказал коротышка-генерал. – Запрещающий судебные поединки. Как неинтересно.

Ясна вырвала листок из его пальцев.

– Я использую свой собственный печальный сегодняшний опыт как пример того, почему эта традиция ужасна. Кровь Рутара будет последней, которую пролили подобным образом. И когда мы покончим с эпохой варварства, каждый придворный будет знать, что первая королева Алеткара – женщина, не боящаяся делать то, что должно быть сделано. Сама.

Она была тверда, поэтому Далинар спрятал свой гнев и повернулся, чтобы уйти. Он понимал суть ее маневра, который, вероятно, будет эффективным. Но в то же время это показывало, что Ясна Холин – блестящая, решительная – не была совершенна. В ней таилось нечто, пугающее даже бессердечного солдата, который жил глубоко внутри его.

Когда он ушел, Ренарин поспешил следом.

– Прости, – прошептал юноша. – Я не знал, что она тебе не сказала.

– Все в порядке, сынок. Я подозреваю, что без тебя она все равно выполнила бы свой план, а потом оставила его истекать кровью на полу.

Ренарин опустил голову:

– Отец. У меня... был приступ.

Далинар остановился:

– Что-нибудь срочное?

– Нет.

– Можем встретиться попозже – допустим, завтра? – спросил Далинар. – Я хочу помочь сдержать последствия этой выходки.

Ренарин быстро кивнул и выскользнул из шатра. Рутар с трудом поднялся на ноги, держась за шею; его безвкусный желтый наряд теперь был испорчен. Он оглядел комнату, словно ища помощи, но его бывшие друзья и слуги тихо убегали, оставались только солдаты и королева, которая повернулась к нему спиной. Как будто Рутар больше не стоил внимания.

Шут стоял в своем угольно-черном костюме, положив одну руку на стол с картами и наклонившись под почти невозможным углом. Далинар обнаружил, что сегодня он не улыба-

ется, вопреки обыкновению. Сегодня Шут выглядел холодным, бесстрастным. Его глаза казались глубокими ямами, их цвет был неразличим в тусклом освещении.

«Эти двое умело манипулировали Рутаром, – подумал Далинар. – Заставили его сделать все неправильные шаги. А не смогу ли я... поступить с Враждой так же?»

Может быть, разозлить бога и заставить его принять безрассудное соглашение?

Но разве можно запугать такое могущественное существо? Чего, ради всего Рошара, Вражда может так бояться или ненавидеть? Придется обсудить этот вопрос с Ясной и Шутом. Хотя... не сегодня.

Сегодня он сыт по горло их махинациями.

51. Петь безнадежные песни

Эта песня – этот тон, этот ритм – звучит так знакомо, но я не могу объяснить или выразить почему.

Из «Ритма войны», с. 5

– Среди твоих подчиненных только фемалены умеют читать? – спросила Рабониэль в ритме страстного желания, пока они стояли в коридоре перед комнатой с самосветной колонной. – Венли, я была лучшего мнения о твоих наставнических способностях – учитывая, какая ты способная в других областях. Твои слуги не должны следовать дурацким человеческим обычаям.

Певцы-подчиненные Венли – те, кого она тщательно вербовала в Холинаре на протяжении года, – утром прибыли в Уритиру через Клятвенные врата. Рабониэль велела им немедленно приступить к работе. Неподалеку фемалены разбирали коробки с записями и оборудованием, которые человеческая королева вынесла в коридор. Девушки-письмоводительницы переставляли какие-то ящики, и в целом коридор погрузился в хаос.

Подчиненные Венли изо всех сил старались выполнить приказ Рабониэли и отыскать среди бесчисленных страниц те, которые могли ее заинтересовать, но для этого их приходилось читать. Вскоре эти певцы должны были принять мыслеформу, которая помогла бы справиться с поручением, и все-таки оно оставалось трудным. Венли велела им стараться как следует.

Сегодня Рабониэль стояла спиной к синему щиту, наблюдая за беспорядком в коридоре и напевая себе под нос.

Венли ответила в ритме безразличия:

– Древняя, мои подчиненные хороши, но в культурном смысле они алетичны. Мой собственный народ слушателей с радостью обучил бы их лучшим способам – однако мудрый Вражда поглотил его.

– Подвергаешь сомнениям действия Вражды? – спросила Венли в ритме страстного желания.

– Меня учили, что Стремление – почетное свойство, Древняя. А удивляться и задавать вопросы – это значит проявлять Стремление.

– Действительно. И все же среди Сплавленных есть много тех, кто считает, что такие Стремления должны быть запрещены для всех, кроме них самих. Ты сильно удивишься, но в этом смысле Вражда поразительно похожа на нас. Или, может, это мы на него похожи. – Она кивком указала на хаос, учиненный письмоводительницами и слугами, которые сновали туда-сюда, почти не останавливаясь, словно кремлецы после дождя. – Что ты об этом думаешь?

– Если позволите гадать, человеческая королева, похоже, осознанно творит беспорядок.

– Она придумывает способы тянуть время, которые не будут выглядеть как целенаправленное вредительство, – сказала Рабониэль в ритме насмешки, хотя она выглядела скорее удивленной, чем сердитой. – Она жалуется, что ей не хватает места, и постоянно переставляет эти коробки. Кроме того, я подозреваю, что она пытается проникнуть за пределы комнаты – пусть даже лишь в этот коридор, – чтобы у нее было больше шансов разместить своих людей там, где они могут подслушать наши разговоры. Похоже, она получает больше информации, чем я ожидала; видимо, некоторые из ее людей могут говорить на моем языке.

– Мне трудно в это поверить, Повелительница желаний. Из того, что мне удалось понять, только год назад они наконец уяснили, как читать Напев Зари.

– Да, любопытно, – сказала Рабониэль, улыбаясь и переходя на ритм страстного желания. – Скажи мне, Венли. Почему ты служишь с таким рвением, зная, что Вражда сделал с твоим народом?

Тимбре встревоженно затрепетала, но Венли уже приготовила ответ.

– Я знала, что только самые лучшие из нас заслужат его благосклонность и награду. Большинство просто оказались недостойны.

Рабониэль что-то тихо пропела, потом кивнула и вернулась к своей работе – изучению щита вокруг колонны.

– Я жду сообщений о зачистке Преследователем верхних этажей первого яруса. А также новостей о его поисках Сияющих.

– Я немедленно пойду и спрошу, Древняя, – сказала Венли, отступая.

– Венли, – внезапно продолжила Рабониэль. – Многие смертные в прошлом искали возвышения, чтобы войти в число Сплавленных. Ты должна знать, что после нашего первоначального возвышения он никогда больше не одаривал смертных так щедро.

– Я... благодарю тебя, Древняя.

Венли запела в ритме долга и удалилась, пробираясь через захламленный коридор. Тимбре внутри ее весело затрепетала. Она знала, что Венли не стремится стать Сплавленной.

– Не спеши меня хвалить, – прошептала спрену Последняя Слушательница. – Та, кем я была недавно, пришла бы в восторг от перспективы сделаться бессмертной.

Ритм Тимбре сделался скептическим. Но в те времена она не знала Венли – и это было хорошо.

Когда Венли дошла до конца коридора, к ней присоединился Дул, высокий буревой управляющий, входивший в группу посвященных певцов Венли. Тех, которым она на протяжении минувшего года обещала, что поможет им сбежать от Сплавленных.

Сегодня Дул носил форму посредника, с открытым лицом и гладким, красивым панцирем. У него была в основном красная кожа с крошечными черными разводами, похожими на подводные рифы в глубоком красном море. Они с Венли вышли в помещение с лестницей. Насколько она знала, эта большая открытая комната в форме цилиндра была единственным выходом из подвала. Они зашагали вверх по лестнице, которая вилась по стене, миновали часть наспех восстановленных ступеней, пока не оказались достаточно далеко от остальных, чтобы никто не мог их подслушать.

Она быстро проверила Шейдсмар. Благодаря способности заглядывать в это странное, пронизанное тусклым свечением место Венли могла убедиться, что спрены пустоты не наблюдают за ними. Здесь, на ступеньках, она чувствовала себя в относительной безопасности.

– Докладывай, – прошептала она.

– Как ты и надеялась, – ответил он, пока они шли, – нам удалось все наладить в холинарских складах. Алавах и Рон тайком собирают припасы, которые будет нетрудно забрать, если понадобятся.

– Отлично.

– Не знаю, как нам удастся уйти незамеченными, – продолжил Дул. – Все на взводе, и охранники снаружи начеку – ждут разведчиков-алети.

– Что-то должно случиться, Дул, – сказала Венли в ритме решимости. – Люди попытаются восстать, или начнется штурм, или, возможно, эта плененная королева найдет способ настроить фабриали против Сплавленных. Когда это произойдет, мы будем готовы бежать. Меня привели сюда через горы, и я запомнила маршрут. Мы можем прокрасться через долины, прячась от Небесных в лесу. Здесь, в глуши, должно быть какое-то уединенное место, где несколько десятков слушателей смогут спрятаться от всего мира.

Дул остановился на ступеньках и запел в ритме надежды. Казалось, в его глазах стояли слезы.

– С тобой все в порядке? – спросила Венли, останавливаясь рядом.

Он запел чуть громче:

– После стольких лет я чувствую вкус свободы, Венли. Побег. Выход.

– Будь осторожен, – попросила она. – Нам понадобится какая-нибудь уловка, чтобы убедить всех, будто мы умерли, чтобы нас не искали. И мы должны быть очень осмотрительны, чтобы не навлечь на себя подозрения до того, как все случится.

– Понял, – сказал он, потом запел в ритме напряжения. – У нас возникли проблемы с Шумин, новенькой.

Венли запела в ритме упрека.

– Она пыталась вербовать других, – объяснил Дул. – Намекала, что знает кого-то, кто планирует поднять восстание против Сплавленных.

Венли загудела в ритме злой насмешки. Обычно она не использовала ритмы Вражды со своими друзьями, но этот слишком хорошо подходил к ситуации.

Дул вздохнул совсем как человек:

– Все та же старая проблема, Венли. Те, кто готов к нам прислушаться, немного ненадежны – окажись они по-настоящему способными или умными, не посмели бы хранить секреты от Сплавленных.

– Что же это говорит о нас с тобой?

– Вот это самое и говорит, – ответил Дул с ухмылкой, в ритме забавы.

– Изолируй Шумин, – решила Венли. – Вернуть ее в Холинар мы не осмелимся, но вдруг найдется какая-нибудь черная работа, где нет возможности общаться с другими. И напхни ей еще раз: она не должна никого вербовать.

– Понял, – тихо сказал он в ритме утешения, а потом посмотрел вверх, вдоль широкой спиральной лестницы. – Я слышал, что человеки почти победили здесь, на этих ступенях. Никаких Сияющих – и они держались против Сплавленных и Царственных.

– Недолго. Но... да, зрелище было впечатляющее. Я почти хотела, чтобы они победили.

– Венли, а вдруг наша тропа ведет к ним? – спросил он в ритме мольбы. – Может, стоит пойти к ним, помочь – и они окажут нам помощь взамен?

– Ты знаешь о человеках гораздо больше, чем я. Что тебе подсказывает чутье?

Он отвел взгляд:

– Они не видят в нас людей. Раньше они не разрешали нам с Мазиш пожениться. В тот единственный раз, когда я обратился к хозяину, чтобы его об этом попросить... Я сумел произнести лишь слово, вложив в него весь свой пыл. А он рассердился, что я посмел с ним заговорить. Одно шквальное слово...

Он привлек спрена гнева – тот промчался по ступенькам ниже, словно маленькая молния. Тимбре угрюмо затрепетала. С ее сородичами обращались так же. И все-таки Венли не могла забыть сражение, развернувшееся на этой лестнице. Они были отважными, эти люди. Хотя, конечно, не стоило допускать, чтобы они обрели над ее народом слишком большую власть.

– Когда вернешься к остальным, – сказала Венли, продолжая подниматься, – сделай так, чтобы наши люди попали в отряды, которые собирают Сияющих рыцарей без сознания и ухаживают за ними. Будем следить – мало ли что случится.

Сначала она надеялась, что они смогут передать ей свои способности, но теперь это казалось невозможным. Она по-прежнему не знала, сможет ли использовать свои таланты здесь, не будучи обнаруженной, и пыталась придумать способ найти ответ на этот вопрос.

– Понял, светлость. – Он кивнул ей, когда они поднялись по ступенькам, а затем разошлись.

Венли настроилась на ритм тоски. Она надеялась, что не заставляет Дула петь безнадежные песни; хотя она говорила в такт уверенности, на самом деле ей не было известно, появится ли у них шанс сбежать в ближайшие недели. И чем больше времени она проводила с Рабонией, тем больше волновалась. Эта Сплавленная видела то, чего не должна была видеть, – ее пронзительный взгляд срывал покровы с любого заговора.

Каждый день, который соратники Венли проживали втайне, грозил разоблачением: их могли тихонько арестовать с наступлением темноты и казнить либо заставить принять в себя душу Сплавленного. Они нуждались в том, что она пообещала: жить отдельно, как самостоятельный народ. Но сможет ли Венли и впрямь это обеспечить? Она, которая превратила в бурю все, к чему случалось притронуться. Один народ она уже погубила.

Тимбре утешительно затрепетала, пока Венли шла по коридорам.

– Хотела бы я тебе поверить... – тихо проговорила Последняя Слушательница. – Мне бы очень этого хотелось. Но ты не все про меня знаешь. Ты не понимаешь.

Тимбре затрепетала, любопытствуя. Она хотела узнать. Венли долго молчала о самых трудных моментах своего прошлого.

Что ж, давно пора этим поделиться.

– Самое худшее, – прошептала Венли, – началось после того, как люди появились у нас во второй раз...

52. Тропа к спасению

Восемь с половиной лет назад

– Нежны прикосновенья... – проговорила Джакслим. – Боги... боги...

Венли замерла. Она подняла глаза со своего места у стены, где использовала бумагу – подарок человека, – чтобы забавляться с буквами и ритмами. Представлениями звуков на возможном письменном языке, как у человека.

Мать стояла у окна и читала свои ежедневные стихи. Те же успокаивающие песни, исполняемые тем же прекрасным голосом, который с рождения служил Венли проводником. Фундаментом, на котором она строила свою жизнь.

– Нежны прикосновенья... – снова начала Джакслим – и опять запнулась.

– Шустроформы нежны прикосновенья, – подсказала Венли. – Боги многим однажды ее даровали...

Но мать больше не пела. Она молча смотрела в окно, даже не гудела себе под нос. Уже второй раз за эту неделю она забыла целую строфу.

Венли встала, отложила бумагу и взяла мать за руку. Она настроилась на похвалу, но не знала, что сказать.

– Я просто устала, – проговорила Джакслим. – От гнета этих странных дней и странных гостей.

Человеки пообещали вернуться, и вот уже несколько месяцев семье не было покоя от множества идей, что же делать с этими чудными существами.

– Ступай, – продолжила Джакслим. – Найди свою сестру. Она сказала, что придет послушать декламацию и, по крайней мере, выучит Песню перебора. Я немного посплю. Вот что мне нужно.

Венли помогла матери добраться до кровати. Джакслим всегда казалась такой сильной, и действительно, ее тело было крепким. И все же она пошатнулась, ложась. С ней что-то происходило – не снаружи, а глубоко внутри.

До недавнего времени Джакслим никогда не забывала песен. Даже предположить подобное было немыслимо!

Позабывшись о матери, Венли настроилась на ритм решимости и вышла из их дома – не на лесную поляну, а в город. Один из десяти древних городов, окруженный разрушенной стеной и заполненный руинами зданий.

Встреча с людьми придала смелости семье Венли. С новым дарованным оружием они отправились на Равнины и заняли место среди десяти, победив семью, которая обитала здесь до них. Когда-то Венли шла бы с гордо поднятой головой, ликующая от этой победы.

Сегодня она была слишком расстроена. Она пошла искать сестру, не обращая внимания на приветственные оклики в ритме радости. Где же Эшонай? Не могла же она снова уйти, не сказав ни слова...

К счастью, Венли нашла ее в дозорной башне, возведенной у разрушенной стены возле главных ворот. Эшонай стояла на самой вершине, глядя на северо-запад – в том направлении, откуда пришли люди.

– Венли! – воскликнула она, хватая сестру за руку и таща к передней части хлипкой деревянной конструкции. – Смотри! Это похоже на дым вдалеке. Может быть, от их костров?

Венли окинула взглядом шаткую платформу. А это безопасно?..

– Я думала о том, что мы можем от них узнать, – сообщила Эшонай в ритме волнения. – О, будет так здорово показать их остальным семьям! Тогда все перестанут сомневаться в наших словах, да? И сами увидят людей!

– Это будет здорово, – согласилась Венли.

Она присела, держась за деревянный пол, а Эшонай привстала на цыпочки. Вот буря! Она как будто собралась вскарабкаться на перила.

– Какими должны быть их города? – продолжала Эшонай. – Наверное, в этот раз я уеду с ними. Хочу путешествовать. Увидеть мир!

– Эшонай, нет! – взмолилась Венли, и неподдельная паника в ее ритме заставила Эшонай наконец опомниться.

– Сестра? – спросила она.

Венли подыскивала нужные слова. Надо поговорить с Эшонай об их матери. О том, что, похоже, происходит. Но она не нашла в себе сил. Казалось, высказав свои страхи, Венли сделает их реальными. Ей хотелось притворяться, что все это пустяки. Как долго, как только получится.

– Сегодня ты должна была прийти, – сказала Венли, – и послушать одну из песен. Может, выучить какую-нибудь.

– Для этого у нас есть ты и мама, – отмахнулась Эшонай, глядя на горизонт. – Я не подхожу.

«Но ты мне нужна, – подумала Венли. – Я хочу, чтобы мы были вместе. Втроем».

Она нуждалась в сестре.

– Я собираюсь возглавить разведывательную группу, чтобы исследовать этот дым, – сказала Эшонай, направляясь к лестнице. – Передашь маме, хорошо?

Она ушла, не дав Венли времени ответить.

Через день Эшонай вернулась с триумфом: люди действительно появились вновь.

Венли не потребовалось много времени, чтобы найти гостей скучными.

В первый раз они ее едва заметили, а теперь не давали прохода, хотели слушать песни снова и снова. Это было так неприятно! Они не могли воспроизвести песни, даже если бы запомнили их, – они не слышали ритмы.

Хуже того, когда она выступала, люди постоянно перебивали ее и требовали больше информации, больше объяснений, более точных переводов.

«Бесит», – подумала она, настроившись на ритм раздражения.

Она начала изучать их язык, потому что Джакслим настаивала, но это казалось недостойной тратой ее времени и талантов. Пусть люди сами учат язык слушателей!

Когда они наконец отпустили ее на целый день, Венли вышла из здания и насладилась солнечным светом. Снаружи сидели трое тупоголовых «паршунов», у которых не было песен. Увидев их, Венли почувствовала себя неуютно.

Неужели люди думали, что она такая же? Всего лишь дурочка? Кое-кто из ее семьи пытался говорить с паршунами, но Венли держалась в стороне. Ей не нравилось то, что они заставляли ее чувствовать. Они не были ее народом, как и человеки.

Оглядев шумный город, она заметила толпы слушателей поблизости. Человеки привлекали так много зевак. Слушатели из многих семей – даже самых скромных, у которых не было города, – приходили, чтобы посмотреть. Ряды ее соплеменников со всевозможными узорами на коже заполняли улицы, и Венли пришлось с трудом через них проталкиваться.

– Они, наверное, еще какое-то время не выйдут, – сказала она в ритме упрека группе незнакомых слушателей.

– Ты ученица хранительницы песен, – сказал один из них. – Из семьи, которая открыла человеков!

Он произнес это в ритме благоговения, что заставило Венли приостановиться. Так он про нее слышал?

– Я не ученица. Я просто жду, когда мать разрешит мне занять свое место.

Она оглянулась на здание, которое только что покинула. Как и многие в городе, оно представляло собой древние стены, покрытые кремной глиной, с крышей из панцирей. Людям разрешили разбить лагерь здесь, внутри городских стен, со своими палатками и странными деревянными повозками, способными выдержать бурю. Казалось несправедливым, что их движущиеся конструкции были крепче жилищ, возведенных слушателями.

– Я провела с ними уже много часов, – сказала Венли в ритме задумчивости. – Что вы хотите про них узнать? Я могу поведать.

– У них действительно нет души? – спросила фемалена в бракоформе.

Вот дурочка. Венли намеревалась никогда не принимать эту форму.

– Такова одна из версий. Они не слышат ритмов, их речь и разум не отличаются отточенностью. Странно, почему нашим предкам было так трудно с ними сражаться.

– Они обрабатывают металл, как воск, – сказал другой. – Посмотрите на эти доспехи.

– Гораздо менее практично, чем панцирь, – возразила Венли.

– У нас больше нет панцирных доспехов, – заметил еще кто-то.

Это, конечно, было правдой; их теперешние формы не имели мощного панциря. Большую часть своих знаний о великих формах – таких, как боеформа, – они получили из песен. А Венли, вот же досада, так и не продвинулась в раскрытии этой тайны.

И все же, разве выращивание собственной брони не было бы намного лучше, чем то, что делали люди? Что ж, она ответила еще на несколько вопросов, а ведь ей хотелось, чтобы слушатели заметили, как она устала оттого, что целый день читала песни. Неужели они не могли принести ей что-нибудь выпить?

В конце концов она двинулась дальше и попыталась справиться с плохим настроением. Вероятно, ей следовало бы наслаждаться декламацией для человеков – ведь музыка ей действительно нравилась. Но Венли не упустила из вида, что Джакслим все время направляла гостей к дочери. Мать не хотела, чтобы они увидели, как она ошибается.

Вероятно, это и был истинный источник раздражения Венли. Сгусток беспокойства, гноящийся в животе, заставляющий чувствовать себя беспомощной. И одинокой.

Неподалеку, на улице, слушатели изменили ритмы. Венли догадалась, в чем дело, даже до того как обернулась и увидела Эшоной, шагающую сквозь толпу. Конечно, все ее знали. Она была той, кто открыл человеков.

Венли хотела подойти к ней. Но... зачем? Сестра ее не утешит. Только снова начнет болтать о мире людей, их городах и тайнах. И ни слова о реальных проблемах дома, которые Эшоней продолжала игнорировать.

Вместо этого Венли проскользнула между двумя маленькими домиками и оказалась на другой стороне улицы. Может быть, стоит выбраться в поля и повидаться с Демидом. Она двинулась в ту сторону... потом передумала. Нет, они решили не показывать людям, как используют бурсвет для выращивания растений. Песни предупреждали, что этой тайной нельзя делиться. Значит, сейчас никто не работал на полях, и Демида там не будет.

Вместо этого Венли спустилась на плато, где могла побыть одна. Только она и спрены жизни. Она настроилась на ритм мира, чтобы проверить время, затем села и уставилась на разбитые плато, пытаясь умирить свое беспокойство о матери. Неужели ей придется стать хранительницей песен? Она похвалялась этим перед теми слушателями, но теперь была недовольна своим бахвальством.

Венли не хотела заменять Джакслим. Она хотела вернуться к тому, что было до появления людей.

Едва подумав об этом, она увидела человеческую женщину, которая покинула город и шла в ее сторону. Венли вздохнула. Неужели ее не могут оставить в покое хоть на миг? Ну, они считают, что она не говорит на их языке – значит, можно притвориться дурочкой. И... для этого не понадобится много усилий. Их безжизненный мертвый язык было трудно понять.

Женщина жестом попросила разрешения, затем села рядом с Венли. Это у нее были кольца на обнаженной руке. Венли говорили, что это какая-то лекарка. Она не казалась важной персоной. Почти все игнорировали ее – она была по большому счету служанкой.

– Впечатляет, не правда ли? – произнесла женщина на языке слушателей, оглядывая Равнины. – Должно быть, здесь произошло что-то ужасное. Не похоже, что эти плато могли образоваться естественным путем.

Венли настроилась на ритм тревоги. Женщина произносила слова без ритма, да, но они были совершенно понятны.

– Как... – начала Венли, а потом загудела в ритме предательства.

– О, мне всегда хорошо давались языки, – ответила чужачка. – Меня зовут Аксиндвет. Хотя немногие здесь знают меня под этим именем, но тебе я его доверю.

– Почему?

– Потому что я думаю, что мы станем друзьями. Венли, меня послали разыскать кого-то вроде тебя. Того, кто помнит, каким был ваш народ. И хочет восстановить утраченную славу.

– Мы славны! – сказала Венли, настраивая ритм раздражения и вставая.

– Славны? – повторила Аксиндвет. – Живя в кремных хижинах? Делая орудия из камня, потому что забыли, как ковать металл? Проживая отпущенный срок в двух формах, в то время как раньше их были десятки?

– Да что ты об этом знаешь? – сказала Венли, собираясь уйти.

Ее матери было бы очень интересно услышать, что один из людей скрывал способность говорить на их языке.

– Я знаю много о слишком многих вещах, – сказала женщина. – Венли, хочешь узнать, как получить одну из форм власти?

Венли оглянулась:

– Мы от них отказались. Они опасны. Они позволили старым богам управлять нашими предками.

– Разве не странно, – заметила Аксиндвет, – как сильно ты полагаешься на то, что говорили твои предки? Какая-то кучка старых мошей, с которыми ты не была знакома? Если бы ты собрала наугад группу слушателей из других семей, позволила бы им определить свое будущее? А ведь они такими и были, твои древние предки. Случайными.

– Вовсе нет, – ответила Венли в ритме восхваления. – У них была сила. Они бросили своих богов, чтобы обрести свободу.

– Да, – сказала Аксиндвет. – Я полагаю, они так и поступили.

Венли продолжила свой путь. Что за глупая баба.

– Знаешь, существовали формы власти, которые могли исцелять, – рассеянно заметила женщина.

Венли застыла на месте. Затем она развернулась, снова настроившись на ритм предательства. Откуда чужачка знает про ее мать?

– Да, – сказала Аксиндвет, поигрывая одним из своих колец и глядя в сторону от Венли. – Твой народ когда-то вершил грандиозные дела. Твои предки – те, кого ты почитаешь, – могли быть храбрыми. Но задавалась ли ты когда-нибудь вопросом о том, что они не оставили вам в песнях? Замечала дыры в их рассказах? Вы расплачиваетесь за их поступки, поколениями живя без форм. Изгнанные... Разве вы не достойны сделать выбор, как они когда-то, соизмерив формы власти с нынешней жизнью?

– Откуда ты все это знаешь? – спросила Венли, возвращаясь. – Откуда ты знаешь о формах власти? Кто ты такая?

Женщина вытащила что-то из удлиненного рукава. Светящийся самосвет. Кроваво-красный.

– Возьми это в бую, – сказала она. – И разбей. Внутри найдешь тропу к спасению тех, кого любишь.

С этими словами Аксиндвет встала и ушла, оставив подарок лежать на камне.

53. Сострадание

Подобный опыт заставляет задуматься, не ошиблись ли мы. Мы называем человека чужими для Рошара, но они живут здесь уже тысячи лет. Возможно, пришло время признать, что на планете нет ни пришельцев, ни чужаков. Только дальние родственники.
Из «Ритма войны», примечание к с. 5

Когда Венли закончила свой рассказ, Тимбре сделалась непривычно молчалива. Венли проделала долгий путь на шестой этаж, чтобы собрать отчеты для Рабониэли, и потратила время на повествование о том дне – дне, когда она сделала свой первый выбор на этом пути. Взяла самосвет и спрятала его от матери и сестры.

Венли могла сколько угодно твердить себе, что ее мотивы были благородными. Она знала правду. Она держала случившееся в секрете, потому что боялась, как бы сестра не отняла у нее славу в связи с открытием новой формы.

Вместо этого произошло обратное: Венли теперь проживала судьбу своей сестры. Венли встретила с Тимбре. Венли стала Сияющей. Венли выжила. Это было доказательством того, что космер совершал ошибки.

Венли вошла в прохладную комнату на балконе шестого этажа, где занимались сбором разведданных. Рабониэль думала, что люди намеренно уничтожили карты башни, и эта группа создавала свои собственные. Управление городом обещало стать той еще мороккой, и Венли была рада, что не ей придется все организовывать.

Когда Венли вошла, певцы загудели в ритме восхваления, демонстрируя, как уважают ее. Даже два Царственных в вестоформе оказали почтение ей, Голосу. По первой же просьбе ей выдали подробные отчеты о том, что здесь происходило.

Начиная с седьмого этажа башня пустовала. Они выставили дозоры на всех лестницах, опасаясь, что после послабления ограничений запаниковавшие люди попытаются спрятаться наверху. А ограничения на передвижение и впрямь вскоре придется снять. У людей заканчивались еда и вода. Венли подозревала, что уже к концу дня Рабониэль отдаст приказ о возвращении к нормальной жизни.

Они обнаружили много Сияющих без сознания, которых зачастую другие люди пытались спрятать в своих домах и защитить. Венли загудела в ритме жестокой насмешки, просматривая список. Глупым людям повезло: Рабонизель была снисходительнее многих Сплавленных. Она велела наказать любого за укрывательство Сияющих, а их самих казнить – но тех, кто добровольно выдавал рыцарей, щадили.

Это был мудрый шаг: после оглашения ее приказа многих Сияющих выдали. Тех, кого обнаружили позднее, казнили, а с ними и по одному члену семьи укрывателей. Суровое, но справедливое применение закона. Тимбре нашла это ужасающим, а Венли удивилась, что Рабонизель не казнила всех.

«Ей для чего-то нужны эти Сияющие, – подумала она. – Для каких-то планов или экспериментов».

Венли не забыла, чем Повелительница желаний заслужила свою ужасную репутацию: давным-давно она создала болезнь, предназначенную истребить все человечество и покончить с войной.

Что ж, у Венли насчет Сияющих были свои идеи. Она вполуха слушала отчеты, пока вестформа не сказала кое-что интересное.

– Погоди-ка, – встрепелась Венли. – Повтори, что ты сказал.

– Лекарь-человек убил одного из наших во время расследования прошлой ночью, – послушно повторил мален.

– Я об этом не слышала.

– Мы сообщили вовремя, и один из Сплавленных немедленно взял на себя ответственность, поэтому мы предположили, что Рабонизель все знает. Этот человек взял с собой потерявшего сознание ветробегуна, когда бежал.

– Какому Сплавленному вы сообщили?

– Преследователю.

Тимбре тревожно затрепетала.

– А описание этого лекаря есть? – спросила Венли.

– Высокий мужчина, – сказал Царственный. – Волнистые волосы до плеч. Рабские клейма. Солдат, который был свидетелем этого события, утверждал, что человек излучал буресвет, но мы подозреваем, что солдат был просто напуган. Он оказался трусом, и его назначили в отряд мусорщиков.

Венли запела в ритме задумчивости, хоть и чувствовала нарастающий страх. Каладин Благословенный Бурей в башне, он не отправился с основной армией воевать в Эмуле. И... он в сознании? Лешви заинтересуется. Она просила Венли наблюдать за Рабонизелью, но, несомненно, этот вопрос заслуживает внимания ее истинной хозяйки.

– Понятно, – сказала Венли, по-прежнему в ритме задумчивости. – Человека нашли?

– Он сбежал на верхние этажи, – объяснил Царственный в ритме злобы. – Мы искали, но ничего не обнаружили – даже Преследователь, который был уверен, что человек рядом, не смог его выследить.

– Повелительница желаний сочтет это интересным. Доложите мне, если обнаружите что-то еще.

Царственный загудел в ритме повеления, выражая согласие, а потом вручил Венли список с описаниями всех прочих Сияющих, которых выдали этой группе. Рабонизель хотела, чтобы их всех держали в одной комнате, под наблюдением. Венли придется отправить своих людей на поиски подходящего места.

Один ветробегун в сознании, а остальные – в коме. Да, надо как-то сообщить Лешви о том, что случилось.

– Певец, который видел, как человек убил нашего солдата, – проговорила Венли, собираясь уйти. – Назови мне его имя и подразделение. Возможно, Повелительница желаний захочет, чтобы я его допросила.

Царственный загудел в ритме жестокой насмешки:

– Этот трус мало что сможет рассказать. Если Повелительницу действительно интересует убийца, ей лучше дождаться вечернего доклада.

– Почему?

– К тому времени Преследователь допросит семью человека, – объяснил Царственный. – И отомстит за смерть нашего соплеменника.

Ритмы стихли. Тимбре, скрытая глубоко в светсердце Венли, казалось, задержала дыхание.

– Значит, мы их захватили?

– Они заперты в клинике неподалеку отсюда, – сказал Царственный в ритме страстного желания. – Лекарь, его жена и детеныш. Мы только сейчас обнаружили, что это семья убийцы. Жаль, что Повелительница так стреножила нас во время захвата башни, но хоть сегодня получим немного крови.

Уходя, Венли пыталась петь в ритме самомнения, но у нее ничего не вышло. Никаких ритмов вообще – это сбивало с толку. Она сунула список в карман и, как только оказалась недалеко от разведывательного поста, прошипела:

– Что ты творишь?

Тимбре трепыхнулась, и ритмы начали медленно возвращаться. Венли расслабилась. На миг она испугалась, что с ней что-то не так.

Тимбре угрюмо пульсировала, подтверждая: и впрямь что-то не так.

– Я согласна, что для семьи ветробегуна все складывается печально, – огрызнулась Венли. – Но ведь их сын действительно убил нашего солдата.

Тимбре продолжала пульсировать.

– Ну да, он не совсем наш солдат... – согласилась Венли. – Но ты-то почему разволновалась? Ты вроде бы ненавидишь людей?

Это вызвало резкий упрек. Только потому, что Тимбре и другие спрены-странники решили больше не связывать себя узами с человеческим племенем, это не означало, что она их ненавидит. И... убить чью-то семью в наказание за сопротивление? Ужасно. Многие Сплавленные не совершили бы такого шага, но иное дело Преследователь и его подручные – она слышала жажду крови в ритмах вестоформы.

Венли шла молча, встревоженная. У нее были свои дела, свои проблемы. Тем не менее Тимбре продолжала мягко пульсировать, подгоняя ее. Венли однажды узрела Черного Шипа в своем видении. Узокователь. Он проявил к ней доброту. И многие в этой башне были просто людьми, пытающимися жить своей жизнью.

Эшонай сделала бы что-нибудь.

– Я мошенница, Тимбре, – прошептала Венли. – Фальшивая Сияющая. Я не знаю, что творю.

Тимбре всколыхнулась. Смысл был ясен.

«Я знаю».

Этого было достаточно. Венли повернулась и начала спускаться по ступенькам, набирая скорость. Венли мало что могла сделать непосредственно, чтобы помочь семье. Ее власть как Голоса не простиралась так далеко, чтобы перечить воле Преследователя.

Вместо этого она направилась в величественный атриум. Это огромное отверстие в глубине башни напомнило ей шахту, ведущую в подвал – круглый колодец в камне. Только куда крупнее, более ста футов шириной. «Колодец» тянулся во тьму, как будто до самого верха Уритиру.

Лифты ходили вверх и вниз по внутренней части атриума: теперь они работали на пустом свете. Дальняя стена, обращенная прямо на восток, была не каменной, а представляла собой плоское стеклянное окно. Удивительно большое, оно позволяло видеть заснеженные вершины и обеспечивало естественный свет всему атриуму.

Лифты почти не использовались: певцы стремились установить контроль над нижними этажами. Чтобы не тревожить разведчиков-ветробегунов, шанай-им было запрещено парить снаружи. Вместо этого они поселились здесь, в этом большом зале, рея на открытом воздухе. Венли воспользовалась своей властью, чтобы подняться на пятнадцатый этаж на лифте. Здесь она нашла Лешви, медитирующую в своих колышущихся длинных одеждах. Только двое слуг, следили за ее нуждами – остальных она пожертвовала Рабониэли.

Лешви сразу заметила Венли и приоткрыла один глаз. Венли отослала слуг и, напевая в ритме страстного желания, терпеливо стояла и ждала, когда хозяйка официально признает ее появление. Лешви подплыла к балкону и положила руку на перила.

Венли быстро подошла, напевая в ритме долга.

– Почему ты не обратилась ко мне тайно? – спросила Лешви.

Лешви придумала для Венли способ по секрету доставлять записки о действиях Рабониэли. Вся эта политическая кутерьма Сплавленных сбивала с толку: Рабониэль знала, что Венли шпионит, и Лешви знала, что Рабониэль знает, но они обе делали вид, что уловка остается тайной.

– Ветробегун, которого вы хотите победить, находится в башне, – сказала Венли. – И у меня есть основания предполагать, что он не потерял сознания. На самом деле он все еще может пользоваться своими силами.

Лешви запела в ритме восторга. Красноречивый выбор.

– Где он?

– Он убил солдата, пытавшегося забрать бесчувственных Сияющих, – объяснила Венли, – а затем скрылся в недрах Уритиру. Он спас еще одного ветробегуна.

– Честь движет им, – сказала Лешви, – даже сейчас. Даже после смерти бога. Это отличная новость, Венли. Ты хорошо сделала, что нарушила протокол. Знает ли Преследователь?

– Да, к сожалению.

– Рабониэль позволит ему проигнорировать мое предыдущее требование, – сказала Лешви. – Он даже не получит за это выговора, потому что все сведется к охоте на беглеца. Бедный Благословенный Бурей. Он дал им копье, чтобы они его им пронзили. Если я хочу сразиться с ним сама, мне нужно сначала найти его.

– Древняя, вы действительно хотите с ним сразиться? Действительно хотите найти его и убить?

– Почему ты спрашиваешь? – Лешви перешла на ритм страстного желания.

Венли чувствовала себя глупо и могла бы позволить вопросу остаться без ответа. Но Тимбре пульсировала, подталкивая ее.

– Похоже, вы его уважаете, – сказала Венли.

Лешви тихонько запела, но Венли не уловила ритма. Странно. Ее способности обычно позволяли ей понимать все, что говорила или подразумевала госпожа. Но все же в этом ритме было что-то знакомое.

– Редко можно найти человека, который может сражаться в небе достаточно хорошо, чтобы представлять для меня хоть какую-то угрозу, – сказала Лешви. – И его спрен... Я слышала, она древняя... Не важно. Больше не говори со мной об этом.

Тимбре пульсировала, подсказывая, что Венли должна признаться госпоже. Рассказать... про них. Про то, что она Сияющая.

Вот еще, глупость какая. Венли тут же отшатнулась от этой мысли. Лешви ее прикончит.

– Есть что-то еще? – спросила госпожа в ритме повеления.

– Подручные Преследователя удерживают семью Благословенного Бурей в заложниках. Они на шестом, в клинике у периметра, возле главного коридора. Преследователь собирается их допросить, и я опасаюсь, все обернется бедой. Многие из его солдат разгневаны тем, что во время вторжения им запретили убивать. Они... легковозбудимы.

– Ты хотела сказать, жаждут насилия и крови.

– Да, Древняя. Семья ветробегуна была бы для нас полезным приобретением, госпожа. Если вы хотите найти его раньше Преследователя, то, возможно, обладание ими даст нам преимущество.

Лешви запела в ритме задумчивости:

– Ты милосердна, Венли. Не раскрывай это Стремление другим. Подожди здесь.

Лешви оттолкнулась и полетела вниз. Сделав петлю, она грациозно свернула в освещенный центральный коридор шестого этажа. Венли ждала, Тимбре встревоженно трепетала.

Прошел целый час, прежде чем Лешви наконец вернулась, взмыв вверх со стороны большого рынка на первом этаже.

– Что вы сделали? – спросила Венли.

– Я взяла семью ветробегуна под свою опеку. Мое положение дает мне власть над Преследователем.

– Вы ведь не причинили им вреда? – умоляюще спросила Венли.

Лешви устала на нее, и только через мгновение Венли поняла, что она ошиблась и использовала один из старых ритмов. Мольба была одним из ритмов Рошара, а не Вражды.

– Не причинила, – подтвердила Лешви. – Теперь, когда я сделала ход – и обнаружила свои намерения, – Преследователь их пальцем не тронет. По крайней мере, пока в башне не изменится расстановка сил. Я поместила семью в безопасное место и велела им не высовываться. Как ты и сказала, они могут быть нам полезны.

Венли запела в ритме подобострастия.

– Найди место, где мы сможем наблюдать за ними, а потом пошли мне записку. Я подумаю, есть ли способ использовать их, чтобы найти Благословенного Бурей, а пока распространю слух, что избавилась от заложников. Даже если Преследователь узнает правду, они должны быть в безопасности до поры до времени. Тем не менее я снова предупреждаю: не показывай другим свое сострадание к человекам. Это будет неправильно истолковано, особенно если учесть, что ты – дитя предателей.

– Да, Древняя.

– Иди, – сказала Лешви. – То, что я сделала сегодня, считаю одолжением тебе. Не забывай об этом.

Венли запела в ритме подобострастия и быстро ушла. Тимбре ободряюще трепыхнулась.

– Я фальшивая Сияющая, – сказала Венли. – Ты же знаешь.

Тимбре снова запульсировала. Возможно. Но сегодняшний день был шагом в правильном направлении.

54. Грядущее обернется пылью

Как все было бы просто, если бы пустосвет и буресвет уничтожали друг друга. Такой простой ответ.

Из «Ритма войны», с. 6

– Дедушка, – спросил маленький Гавинор. – Мой папа пал смертью храбрых?

Далинар устроился на полу комнатухи, отложив в сторону деревянный меч, с помощью которого изображал охоту на большепанцирника. Был ли Адолин когда-нибудь таким маленьким?

Он твердо решил не упускать из жизни Гэва так много, как из жизни сыновей. Он хотел любить и лелеять этого угрюмого ребенка с темными волосами и ясными желтыми глазами.

– Он был очень храбрым, – сказал Далинар, жестом приглашая мальчика сесть к нему на колени. – Таким храбрым. Он пошел практически в одиночку в наш родной город, чтобы попытаться спасти его.

– Спасти меня, – тихо сказал Гэв. – Он умер из-за меня.

– Нет! – возразил Далинар. – Он умер из-за злых людей.

– Злых... как мама?

Вот буря. Бедное дитя.

– Твоя мать тоже была храброй. Она не делала этих ужасных вещей; это все враг, который завладел ее разумом. Ты понимаешь? Твоя мать любила тебя.

Гэв кивнул, серьезный не по годам. Ему нравилось играть в охоту на большепанцирника, хотя он и не смеялся во время нее, как другие дети. Даже в игре он находил повод хмуриться.

Далинар попытался возобновить притворную охоту, но разум мальчика, казалось, был затуманен мрачными мыслями. Еще через несколько минут Гэв пожаловался, что устал. Поэтому Далинар позволил няньке отвести его спать. Затем Далинар задержался в дверях, наблюдая, как она укладывает его в постель.

Какой пятилетний ребенок по доброй воле пойдет спать? Хотя Далинар не был самым усердным родителем, он помнил бесконечные жалобы Адолина и Ренарина в такие вечера, как этот, – они вечно настаивали, что уже достаточно взрослые, чтобы не ложиться так рано, и

вовсе не устали. Вместо этого Гэв сжал свой маленький деревянный меч, с которым не расставался, и задремал.

Далинар вышел из домика, кивнув стражникам снаружи. Азирцы считали странным, что офицеры-алети привозят на войну семьи, но как еще дети могут научиться военному этикету?

Это был вечер после трюка Ясны с Рутаром, и Далинар провел большую часть дня – до посещения Гэва, – разговаривая через даль-перо с великими лордами и леди, сглаживая их опасения по поводу предстоящей казни. Он позаботился о том, чтобы законность действий Ясны не подвергалась сомнению. И он лично разговаривал с Релисом, сыном Рутара.

Молодой человек проиграл бой Адолину еще в военных лагерях, и теперь Далинара беспокоили его мотивы. Как оказалось, Релису не терпелось доказать, что он может быть преданным сторонником. Далинар позаботился о том, чтобы его отца отвезли в Азимир и дали там небольшой домик, где за ним можно было присматривать. Что бы там ни говорила Ясна, Далинар не допустит, чтобы бывший великий князь выпрашивал объедки.

Наконец – после сглаживания отношений с азирами, которые совсем не оценили алетийский судебный поединок, – он почувствовал, что держит ситуацию под контролем. Задумавшись, он остановился посреди лагеря. Он почти забыл, что Ренарин рассказывал о вчерашнем приступе.

Далинар повернулся и зашагал через военный лагерь – клокочущее средоточие организованного хаоса. Бегали туда-сюда гонцы, в основном в узорчатых ливреях различных азирских письмоводительских орденов. Капитаны-алети приказывали своим солдатам таскать припасы или отмечать каменную поверхность линиями, указывающими направление.

С северо-запада змеилась вереница повозок – спасительная нить, ведущая к населенным землям и плодородным холмам, не тронутым войной. Опасаясь, что этот лагерь уже стал большой мишенью, Далинар разместил большинство духозаклинателей в Азимире.

Пейзаж отличался от привычного. Больше деревьев, меньше травы, и странные поля кустарников со спутанными ветвями, похожими на огромные колтуны. И все же он видел в этой деревне кое-что очень знакомое. Кусок ткани, застрявший в затвердевшем креме у дороги. Сгоревшие здания – сожженные то ли из садистской забавы, то ли для того, чтобы лишить коек и буревых ставней армию, которая надвигалась следом. Пожары поглотили дома, в которых оставалось слишком много вещей.

Инженеры продолжали укреплять восточную буревую стену, где естественный бурелом создавал расселину. Обычно этот процесс занимал недели. Теперь осколочники вырезали каменные блоки, которые ветробегуны делали достаточно легкими, чтобы без труда задвигать на место. За работой надзирали вездесущие азирские чиновники.

Обеспокоенный Далинар повернулся к лагерю ветробегунов. Выходка Ясны заслонила их разговор о монархах и монархиях, но теперь, поразмыслив, он тревожился на этот счет не меньше, чем из-за дуэли. Речи Ясны... Она как будто гордилась тем, что может стать последней королевой Алеткара. Она хотела, чтобы Алеткар остался с какой-нибудь разновидностью кастрированной монархии, как в Тайлене или Азире.

Как будет функционировать страна без настоящего монарха? Алети не были похожи на привередливых азирицев. Алети любили настоящих вождей, солдат, привыкших принимать решения. Страна – все равно что армия. Кто-то сильный должен быть во главе. Точнее, кто-то решительный.

Эти мысли не покидали его, пока он приближался к лагерю ветробегунов, откуда доносился восхитительный запах. Ветробегуны продолжили традицию, начатую в бригадах мостиков: большое общее рагу, доступное каждому. Далинар изначально пытался регулировать эту трапезу. Но хотя ветробегуны в целом охотно соблюдали военный этикет, они категорически отказались следовать надлежащей процедуре, то есть заказывать провизию через интенданта и ужинать в столовой, а не поедать рагу у костра.

В конце концов Далинар сделал то, что делал любой хороший командир, столкнувшись с таким упорным массовым неповиновением: он отступил. Когда славные ребята не повинуются приказам, стоит перепроверить эти самые приказы.

Сегодня он обнаружил, что к ветробегунам присоединилось необычно много тайленцев. Рагу, как правило, привлекало тех солдат, которые чувствовали себя не в своей тарелке, и Далинар подозревал, что с тайленцами произошло именно это, поскольку они находились слишком далеко от океанов. Командир роты Сигзил рассказывал какую-то историю. Ренарин тоже был там, в униформе Четвертого моста, наблюдая за Сигзилом с напряженным вниманием. Независимо от войны или бури, мальчик каждый вечер отправлялся к этому костру.

Далинар приблизился и только тогда понял, какой вызвал переполох. Солдаты подталкивали друг друга локтями, и кто-то побежал за табуреткой. Сигзил прервал свой рассказ и ловко отдал честь.

«Они думают, что я пришел одобрить традицию», – понял Далинар. Судя по тому, как быстро оруженосец принес ему миску, они явно ждали его визита. Далинар попробовал, одобрительно кивнул. Это вызвало аплодисменты. После этого ничего не оставалось, как продолжать есть, показывая, что остальные могут не отвлекаться от ритуала.

Когда он взглянул на сына, Ренарин улыбался своей сдержанной усмешкой; его зубы мало кто видел. Однако мальчик не вынул из кармана шкатулку, которую часто держал в руках. Здесь, среди этих людей, он чувствовал себя спокойно.

– Это было очень мило с твоей стороны, отец, – прошептал Ренарин, придвигаясь ближе. – Они ждали, что ты заглянешь в гости.

– Хорошее рагу, – отметил Далинар.

– Секретный рогадский рецепт. По-видимому, всего из двух строчек: «Хватай что есть, бросай в котел. Не подпускай к приправам того, кому воздух ударил в голову».

В голосе Ренарина была нежность, но свою порцию он не доел. Он казался рассеянным. Хотя... он всегда был таким.

– Полагаю, ты пришел поговорить... о моем приступе?

Далинар кивнул.

Ренарин постучал ложкой по краю миски. Он уставился на спренгов в пламени костра, на котором готовилось рагу.

– Тебе не кажется, что судьба жестока, отец? Я исцелился от малокровия и наконец могу стать солдатом, как всегда хотел. Но то же самое исцеление наделило меня другим недугом. Гораздо опаснее.

– Что ты видел на этот раз?

– Не уверен, что должен говорить. Я знаю, что попросил прийти и поговорить со мной, но... Я колеблюсь. То, что я вижу, насылает он? Показывает мне, чего хочет. Вот почему я видел, как ты становишься его защитником.

Он посмотрел на свою миску.

– Глис не уверен, что видения плохие. Он говорит, мы нечто новое, и он не думает, что видения от Вражды, – хотя, возможно, желания этого бога искажают то, что мы видим.

– Любая информация, даже если ты подозреваешь, что враг скармливает ее тебе, полезна, сынок. Больше войн проигрывают из-за недостатка сведений, чем из-за недостатка мужества.

Ренарин положил миску на землю рядом с собой. Его было так просто недооценивать. Он всегда двигался очень неторопливо и осторожно и потому казался хрупким.

«Не забудь, – сказал Далинару внутренний голос. – Когда ты лежал на полу, разбитый и поглощенный своим прошлым, этот мальчик держал тебя в объятиях. Помни, кто был силен, когда ты – Черный Шип – оказался слабым».

Юноша встал и жестом пригласил Далинара следовать за ним. Они покинули круг света от костра, помахав на прощание остальным. Лопен крикнул Ренарину вслед, попросил загля-

нуть в будущее и узнать, обыграет ли он завтра Уйю в карты. Далинару показалось грубоватым это упоминание о странном недуге сына, но сам Ренарин лишь усмехнулся.

Небо потускнело, хотя солнце еще не скрылось за горизонтом полностью. Эти западные земли были теплее, чем Далинару нравилось, – особенно ночью. Они не остывали, как положено.

Лагерь ветробегунов находился на краю деревни, так что они вышли в дикую местность – к зарослям кустарника, в центре которых возвышались несколько деревьев, возможно каким-то образом питавшихся благодаря подлеску. Здесь было относительно тихо, и вскоре они остались вдвоем.

– Ренарин? – спросил Далинар. – Собираешься рассказать мне, что видел?

Его сын замедлил шаг. Его глаза поймали свет теперь уже далекого костра.

– Да. Но я хочу сделать все правильно, отец. Поэтому мне нужно вызвать его снова.

– Ты можешь вызывать приступы? – изумился Далинар. – Я думал, они случаются внешне.

– Так оно и было. И так будет снова. Но сейчас всё просто есть.

Ренарин повернулся и шагнул в темноту.

Когда Ренарин шагнул вперед, земля под его ногами превратилась в темное стекло. Под каблуком сапога оно треснуло, и целеустремленная паутина линий, черная на черном, разбежалась во все стороны.

Глис, предпочитавший прятаться в Ренарине, восторженно. Он запечатлел это видение, когда оно пришло, чтобы они смогли изучить его. Ренарин не испытывал такого энтузиазма. Было бы намного легче, если бы он был похож на других Сияющих.

Витражи раскинулись вокруг него, поглощая пейзаж, из темноты позади них струился мерцающий призрачный свет. При каждом шаге земля под ногами Ренарина пульсировала красным, свет пробивался сквозь трещины. Отец не увидит, что он сделал. Но Ренарин надеялся, что сможет все как следует описать.

– Я вижу тебя в этом видении, – сказал Ренарин отцу. – Ты во многих из них участвуешь. В этом ты стоишь во весь рост, словно сотворенный из цветного стекла, и на тебе осколочный доспех. Белейший осколочный доспех, и при этом ты пронзен черной стрелой.

– Ты знаешь, что это значит? – спросил Далинар – тень, едва видимая позади стеклянного окна, которое его изображало.

– Думаю, это символизирует тебя – каким ты был, каким стал. Более важная часть – враг. Он составляет основу видения. Окно, залитое желтовато-белым светом, разбивающееся на все более мелкие кусочки, простирающееся в бесконечность. Он подобен солнцу, отец. Он контролирует и доминирует над всем – и хотя в видении ты высоко поднимаешь меч, он направлен не в ту сторону. Ты все время сражаешься, но не с ним. Кажется, я понимаю смысл: ты хочешь заключить сделку и добиться состязания защитников, но тебе приходится неустанно бороться с отвлекающими факторами. Зачем врагу соглашаться на состязание, которое он теоретически может проиграть?

– Он уже согласился, – сказал Далинар.

– А вы обговорили условия? Выбрали дату? Не знаю, хотел ли Вражда, чтобы мы узрели это видение. Но в любом случае... Я не думаю, что он достаточно обеспокоен, чтобы согласиться на какие-то определенные правила. Он будет тянуть, заставит тебя сражаться, заставит нас всех сражаться. Вечно. Он может сделать так, что эта война никогда не кончится.

Далинар, сам того не зная, шагнул сквозь витражное стекло и своего двойника.

Ренарину казалось, что его отец не стареет. Даже в самых ранних воспоминаниях Ренарина он был таким – могущественным, непоколебимым, сильным. Отчасти этот образ безупречного офицера-алети создала в его голове мать.

Какая трагедия, что она не дожила до момента, когда Далинар стал именно таким человеком, каким она его себе представляла. Жаль, что Вражда спровоцировал ее гибель. Именно так Ренарин должен был думать о случившемся. Лучше обратить свою боль против врага, чем потерять отца вместе с матерью.

– Я смотрел Вражде в глаза, – сказал Далинар. – Я встречался с ним лицом к лицу. Он ожидал, что я сломаюсь. Отказавшись, я разрушил его планы. Это означает, что он может быть побежден – и, что не менее важно, это означает, что он не всезнающий и не всеведущий.

– Да, – сказал Ренарин, проходя по битому стеклу, чтобы взглянуть на огромное изображение Вражды. – Я не думаю, что он вездесущ, отец. Да, часть его находится повсюду, но он не может получить доступ к этой информации – как Буреотец не в силах познать все, к чему прикасается ветер. Я думаю... Вражда может видеть то же, что и я. Не события или сам мир, а возможности. Эта война опасна для нас, отец. В прошлом Вестники организовывали наши силы, сражались с нами какое-то время, но потом уходили, чтобы запереть души Сплавленных в Преисподней, не давая им переродиться. Таким образом, каждый Сплавленный, которого мы убивали, был настоящей жертвой. Но Клятвенный договор нарушен, и Сплавленных нельзя запереть.

– Да... – сказал Далинар, подходя к Ренарину. – Я и сам об этом думал. Пытался определить, есть ли способ восстановить Клятвенный договор или каким-то иным способом вселить страх в наших врагов. Как мы, так и Вражда очутились в неизведанных землях. Должно быть, в этой новой реальности есть нечто сбивающее его с толку. Ты видишь что-нибудь еще?

«Видишь грядущую тьму, Ренарин?» – спросил Глис.

– Трения между тобой и Враждой. – Ренарин указал на витраж. – И черноту, которая портит красоту окна. Она словно болезнь, заражающая вас обоих, проступает по краям.

– Любопытно, – сказал Далинар, глядя туда, куда указывал Ренарин, хотя видел только пустой воздух. – Интересно, узнаем ли мы когда-нибудь, что это такое?

– О, это легко, отец, – сказал Ренарин. – Это я.

– Ренарин, я не думаю, что ты должен видеть себя таким...

– Не пытайся защитить мое самолюбие, отец. Когда мы с Глисом сблизились, мы стали... чем-то новым. Мы видим будущее. Сначала я не понимал, в чем моя роль, но потом начал это осознавать. То, что я вижу, ослабляет способности Вражды. Поскольку я вижу варианты будущего, мое знание меняет то, что я буду делать. Поэтому его способность видеть мое будущее понижается. Любого близкого мне человека ему трудно прочесть.

– Меня это утешает. – Далинар обнял Ренарина за плечи. – Кем бы ты ни был, сынок, это благословение. Может, ты не похож на других Сияющих, но все равно сияешь. Ты не должен скрывать ни это, ни своего спрена.

Ренарин смущенно опустил голову. Отец знал, что нельзя прикасаться к нему слишком быстро, слишком неожиданно, так что дело было не в руке, обнимающей его за плечи. Просто... Ну, Далинар так привык делать все, что ему заблагорассудится. Даже книгу написал!

Ренарин не питал иллюзий, что все его примут. Он и его отец могли быть одного ранга, из одной семьи, но Ренарин никогда не умел маневрировать в обществе так, как Далинар. Правда, его отец временами «маневрировал», как чулл, марширующий сквозь толпу, но люди все равно убирались с дороги.

С Ренарином было не так. Жителей Алеткара и Азира тысячи лет учили бояться и осуждать любого провидца. Они от этой идеи так легко не откажутся, особенно ради Ренарина.

«Мы будем осторожны, – подумал Глис. – С нами все будет хорошо».

«Мы постараемся», – подумал Ренарин.

Вслух он просто сказал:

– Для меня очень важно, что ты веришь в это, отец.

«Ты его спросишь? – проговорил Глис. – Про моих братьев и сестер?»

– Глис хочет кое-что добавить. Существуют другие спрены, как он, – те, кого Сья-анат коснулась, изменила, превратила... в то, чем являемся мы.

– Она искажает спренов – это неправильно.

– Отец, но если я – благословение, как мы можем отвергать остальных? Или осуждать ту, которая их создала? Сья-анат не человек и мыслит не как человек, но я верю, что она пытается найти путь к миру между певцами и человечеством. По-своему.

– И все же... Я почувствовал прикосновение одного из Несотворенных, Ренарин.

«И ты по одному судишь о других?»

Впрочем, вслух Ренарин ничего не сказал. Люди слишком часто говорили первое, что пришло на ум. Он вместо этого подождал.

– О скольких искаженных спренах мы говорим? – наконец спросил Далинар.

– Всего лишь о горстке. Она не изменяет разумных спренов без их согласия.

– Что ж, это полезно знать. Я подумаю над этим. Ты... поддерживаешь с ней связь?

– Уже несколько месяцев. Глис беспокоится, что она стала такой молчаливой, хотя ему кажется, что сейчас она где-то рядом.

«Она создает из нас фракцию, которую не любят ни люди, ни Вражда, – объяснил Глис. – Без дома. Без союзников. Ее могут уничтожить и те и другие. Нужно больше. Таких, как ты и я. Вместе».

Витражи вокруг Ренарина начали осыпаться. Потребовались усилия Глиса и буресвет, чтобы их воссоздать, и спрен явно устал. Мир Ренарина постепенно стал нормальным.

– Дай мне знать, если она свяжется с тобой, – сказал Далинар. – И если опять случится приступ, приходи ко мне. Я немного знаю, что это такое, сынок. Ты не так одинок, как, вероятно, думаешь.

«Он знает тебя, – сказал Глис, взволнованный этой мыслью. – Он знает и будет знать».

Ренарин предположил, что, возможно, так оно и есть. Как необычно и как утешительно... Сражаясь с напряжением, юноша прислонился к отцу и принял его силу. Грядущее вокруг него превращалось в пыль.

«Нужно больше, – опять сказал Глис с привычным акцентом. – Нам нужно больше таких, как мы, – чтобы быть. Кто?»

«У меня есть кое-кто на уме, – сказал Ренарин. – Мне кажется, это идеальный вариант...»

55. Родство с открытым небом

Стремление заполучить конкретный результат не должно затуманивать наше восприятие.

Из «Ритма войны», примечание к с. 6

Благодаря бурсвету Каладин смог исследовать свое маленькое убежище, и оказалось, что оно немного больше, чем он себе представлял. Тефта удалось уложить на каменную полку вдоль стены. Каладин его вымыл, одел в свободную рубаху и подложил судно. Набил одеждой один из мешков, которые забрал из монастыря, и вышла подушка. Одежда придется поискать, но пока что его друг был устроен настолько удобно, насколько это было в силах Каладина.

Тефт по-прежнему охотно пил воду, высасывая ее из большого металлического шприца, который принес Каладин. В том, как он пил, даже ощущалось нетерпение. Он, казалось, был так близок к пробуждению, что Каладин ожидал в любой момент услышать ругательства и вопрос, куда подевалась униформа.

Сил наблюдала за ним с несвойственной ей мрачностью.

– Что мы будем делать, если он умрет? – тихо спросила она.

– Не думай об этом, – сказал Каладин.

– А что, если я не могу не думать об этом?

– Придумай, как отвлечься.

Она сидела на каменной полке, сложив руки на коленях.

– Так вот как ты это терпишь? Зная, что все умрут? Ты просто... не думаешь об этом?

– В основном, – сказал Каладин, снова наполняя шприц из деревянного кувшина с водой, затем вставляя кончик в рот Тефта и медленно опустошая его. – Все рано или поздно умирают.

– Я не умру. Спрены бессмертны, даже если их убивают. Когда-нибудь мне придется смотреть, как ты умираешь.

– С чего вдруг такие разговоры? – спросил Каладин. – Это на тебя не похоже.

– Ага. Ну да. Конечно. Совсем не похоже. – Она изобразила улыбку. – Прости.

– Я не это имел в виду, Сил. Тебе не нужно притворяться.

– Я не притворяюсь.

– Меня фальшивой улыбкой не обманешь, я слишком часто ими пользовался. Ты и раньше так себя вела, до начала проблем в башне. Что случилось?

Она потупилась.

– Я... я вспомнила, каково было, когда умер Реладор, мой старый рыцарь. Как это заставило меня заснуть, и я проспала все Отступничество. Я все думаю, не случится ли это со мной снова?

– Ты чувствуешь темноту? – спросил Каладин. – Тебе как будто кто-то шепчет, что все всегда будет оборачиваться к худшему? И в то же время парализующий, сбивающий с толку импульс побуждает тебя сдаться и ничего не делать, чтобы изменить это?

Она покачала головой:

– Нет, ничего подобного. Просто беспокойная мысль в глубине моего разума, от которой я не могу избавиться. Как будто... у меня есть подарок, который я хочу открыть и от этого немного волнуюсь, – а потом вдруг вспоминаю, что уже его открыла и внутри была пустота.

– Похоже на то, что я чувствовал, когда вспоминал, что Тьен мертв, – сказал Каладин. – Я привыкал жить нормальной жизнью, чувствовал себя хорошо – только чтобы все вспомнить, увидев камень под дождем или какую-нибудь резную деревяшку вроде тех, которые он делал. Тогда все и рушилось в один миг.

– Да! Но это не портит мне настроение. Просто вынуждает замереть и пожалеть, что я не могу увидеть его снова. Все еще больно. Со мной что-то не так?

– Как по мне, все нормально. Здоровые эмоции. Ты столкнулась с потерей, которую раньше не осознавала по-настоящему. Теперь, становясь собой в полной мере, ты наконец-то осмысливаешь вещи, которые раньше игнорировала.

– Но ты только что сказал мне об этом не думать. Поможет?

Каладин поморщился. Нет, не поможет. Он пытался.

– Иной раз полезно отвлечься. Заняться делом, напомнить себе, что в жизни есть много замечательного. Но... рано или поздно придется подумать о таких вещах. – Он снова наполнил шприц. – Не спрашивай меня о таких проблемах. Я... сам не слишком хорошо с ними справляюсь.

– Такое чувство, что я не должна с ними сталкиваться, – сказала Сил. – Я же спрен, а не человек. Если я думаю о подобных вещах, не значит ли это, что я сломлена?

– Это значит, что ты жива, – сказал Каладин. – Я бы больше волновался, если бы ты не чувствовала потери.

– Может быть, это потому, что вы, люди, создали нас.

– Или потому, что ты частичка божества, как сама всегда говоришь. – Каладин пожал плечами. – Если бог есть, то я думаю, мы могли бы найти его в заботе о ближнем. Люди, думающие о ветре и чести, могли сотворить тебя из бесформенной силы, но теперь ты сама по себе. Как и я сам по себе, хотя родители меня и сотворили.

Она улыбнулась и прошла по полке в облике женщины в хаве.

– Сама по себе, – сказала она. – Мне нравится так думать. Быть такой. Многие другие спрены чести говорят о том, кем мы были созданы, что мы должны делать. Когда-то и я так говорила. Я ошибалась.

– Многие люди такие же. – он наклонился так, чтобы его глаза были на одном уровне с ее. – Думаю, нам обоим нужно помнить: что бы ни происходило в наших головах, что бы ни создало нас, решения мы принимаем сами. Вот что делает нас людьми, Сил.

Она улыбнулась, а затем ее хава из светлой бело-голубой стала более глубокого синего цвета, яркого и отчетливого, как будто была сшита из настоящей ткани.

– У тебя получается все лучше, – сказал он. – На этот раз цвета более яркие.

Она подняла руки:

– Я думаю, чем ближе я к твоему миру, тем больше вариантов того, чем я могу стать, как измениться.

Ей, похоже, понравилась эта идея; она села и начала менять оттенки платья, затем и вовсе сделала его не синим, а зеленым. Каладин закончил поить Тефта с помощью шприца и рассмотрел штуковину получше. На боковых металлических сторонах обнаружились глубокие отпечатки пальцев. Красноречивая деталь. Шприц сперва вылепили из воска, а потом превратили в металл.

– Ты сказала, больше вариантов... – проговорил Каладин. – А в шприц сможешь превратиться? Мы уже говорили о том, что ты могла бы становиться другими инструментами.

– Думаю, я справлюсь. Если бы я могла прямо сейчас проявиться как клинок, то изменила бы форму, чтобы стать такой. Я думаю... если ты этообразишь, а я поверю, мы сумеем сделать еще больше. И...

Она замолчала, услышав снаружи слабый скрежет из-за двери. Каладин тут же потянулся за скальпелем. Сил насторожилась, взмыла над ним светящейся лентой. Каладин подкрался к двери. Он прикрыл драгоценный камень в стене с этой стороны куском ткани. Он не знал, можно ли увидеть самосвет из коридора, но не хотел рисковать.

Снаружи раздались чьи-то шаги. Кто-то осматривал дверь?

Каладин принял внезапное решение: просунул руку под ткань и прижал ее к камню, приказывая открыться. Стена раздвинулась. Каладин приготовился выпрыгнуть и напасть на певца в коридоре.

Но это был не певец.

Это был Даббид.

Скромный мостовик в заурядном наряде отступил от двери, когда она распахнулась. Увидев Каладина, он кивнул, ничуть не удивленный.

– Даббид?... – проговорил Каладин.

Кроме Рлайна, Даббид был единственным настоящим мостовиком, который не проявил силы ветробегуна. Так что вполне логично, что он не заснул. Но как ему удалось найти дорогу сюда?

Даббид протянул ему горшок с чем-то жидким внутри. Каладин понюхал.

– Бульон? Как ты узнал?

Молчун указал на кристаллическую линию на стене, где начал мерцать огонек спрена башни. Удивительно; он не просто не говорил, но вообще не часто выдавал какие-нибудь сведения добровольно.

Неловко удерживая горшок, Даббид скрестил запястья, изображая салют Четвертого моста.

– Я так рад тебя видеть. – Каладин провел друга в комнату. – Откуда у тебя бульон? Ладно, забудь.

Даббид был одним из первых, кого Каладин спас, когда начал оказывать медицинскую помощь мостовикам. В то время как раны Даббида зажили, его боевой шок был самым сильным, который Каладин когда-либо видел.

Как бы то ни было, это был изумительный сюрприз. Каладин беспокоился о том, как он оставит Тефта. Если Каладин погибнет на задании, это будет смертным приговором и для ворчливого сержанта. Если только кто-то еще не узнает о нем.

Он усадил Даббида, показал ему, как пользоваться шприцем, и велел покормить Тефта. Каладину было неприятно заставлять немногого мостовика работать, едва тот прибыл, но – по внутренним часам Сил – надвигалась ночь. Пришла пора действовать.

– Я объясню больше, когда вернусь, – пообещал Каладин. – Даббид, ты можешь открыть эту дверь? На случай, если понадобится принести еще еды и воды.

Даббид подошел и положил руку на самосвет двери; она открылась для него так же легко, как и для Каладина. Это было несколько тревожно. Каладин коснулся граната на стене.

– Спрен башни? – позвал он.

«Да».

– Есть ли способ запереть эти двери, чтобы их не мог открыть кто попало?

«Когда-то их можно было настроить на отдельных личностей. Теперь я вынужден просто оставить дверь доступной кому угодно или запертой от всех».

Что ж, приятно знать, что в крайнем случае он сможет попросить Сородича запереть эту комнату. Пока что хватит и того, что Даббид сумеет войти и выйти.

Каладин кивнул Сил, оставил один самосвет, чтобы Даббид не сидел в темноте, и выскользнул в коридор.

Навани попросила Каладина понаблюдать за Клятвенными воротами вблизи, когда они будут активированы. Узнать, почему они функционируют, в то время как другие фабриали – нет.

К сожалению, Каладин сомневался, что сможет спуститься на плато Клятвенных врат, пробравшись через коридоры башни. Да, он добрался до уединенного монастыря на четвертом этаже, но это было далеко от густонаселенных первых двух уровней. Даже если бы люди не оказались под замком в своих комнатах, Каладин не мог прогуливаться незамеченным. Каладин Благословенный Бурей привлекал внимание.

Вместо этого он хотел попробовать пробраться по внешней стороне башни. Прежде чем научиться летать, он прилеплял камни к стене пропасти и карабкался по ним. Он полагал, что мог бы сделать нечто подобное и сейчас. Враг явно приказал Небесным оставаться внутри, и мало кто выходил на балконы.

Поэтому, когда наступили сумерки, он вышел на балкон на десятом этаже. Он привязал к поясу мешок и засунул в него четыре щетки, взятые из монастыря. Перед этим он скальпелем срезал щетину, сделав щетки плоскими спереди и рассчитывая держаться за изогнутые ручки.

Каладин не мог применить полное сплетение к собственным ладоням, чтобы приклеивать их к чему-либо. Лопен постоянно цеплял одежду или волосы к полу, но кожа Сияющего была невосприимчива к силе. Возможно, Каладин мог соорудить какие-нибудь рукавицы, но ручки щеток показались ему крепче.

Он высунулся с балкона и проверил, не смотрит ли кто. Уже темнело. Он сомневался, что кто-нибудь сможет разглядеть его во мраке, если он не впитает слишком много бурсвета. Если вливать силу в основном в щетки, прикрепленные к стене, он не будет светиться так сильно, чтобы его заметили. По крайней мере, пробираться через заселенные этажи было бы куда рискованнее.

Лучше сперва попробовать и убедиться, что это не опасно. Каладин взял одну щетку, наполнил бурсветом и прижал плоской стороной к колонне на балконе. Закрепив щетку, он смог на ней повиснуть, болтаясь, и она не оторвалась – ручка выдержала.

– Годится, – сказал он, забирая бурсвет, потраченный на сплетение.

Он снял носки, но надел ботинки. В последний раз оглядел окрестности, высматривая Небесных, затем перебрался через ограждение балкона и замер на маленьком выступе снаружи. Посмотрел вниз, пытаясь разглядеть камни, которые терялись в вечерних сумерках. Он как будто стоял на краю вечности.

Ему всегда нравилась высота. Еще до того, как стать Сияющим, он чувствовал некое родство с открытым небом. Пока он стоял вот так, что-то внутри его возжелало прыгнуть и ощутить силу ветра. Это не был самоубийственный порыв, не теперь. Это был зов чего-то прекрасного.

– Боишься? – спросила Сил.

– Нет. Как раз наоборот. Я так привык прыгать с высоты, что меня она уже не так беспокоит, как следовало бы.

Он зарядил бурсветом две щетки и переместился в левую часть балкона. Там простирался прямой «путь» по каменной стене, до самой земли. Каладин глубоко вздохнул, размахнулся и шлепнул по камню сначала одной щеткой, потом другой.

Он нашел опоры для ног, но они оказались скользкими. Когда-то здесь было много украшений, однако годы Великих бурь все стесали и сгладили. Возможно, Крадунья смогла бы взобраться без посторонней помощи, а вот Каладин был рад, что у него есть бурсвет. Он заполнил носки своих ботинок бурсветом через ступни, затем приклеил их к стене.

Он двинулся к земле: отцеплял конечности от стены по очереди, перемещал и опять приклеивал. Сил шла рядом с ним по воздуху, словно спускаясь по невидимым ступеням. Каладин обнаружил, что спуск труднее, чем ожидалось. Ему приходилось во многом полагаться на силу верхней части тела, так как было трудно заставить ботинки держаться прямо, пользуясь только пальцами ног.

Он отсоединял щетку от стены, приклеивал в другом месте, болтаясь на одной руке, а затем перемещал ноги, прежде чем отсоединить другую щетку. Хотя и Сияющий, к пятому этажу он взмок от усилий. Решил передохнуть и – после того, как Сил убедилась, что там никого нет, – выбрался на балкон. Уселся, глубоко дыша. Несколько колючих спренов холода побежали к нему по перилам, словно дружелюбные кремлецы.

Сил метнулась в коридор, чтобы еще раз проверить, нет ли поблизости кого-нибудь. К счастью, растущий холод и необходимость маскироваться, похоже, побудили большинство захватчиков-певцов укрыться далеко внутри башни. Пока он держится подальше от патрулей, ему ничего не грозит.

Каладин сидел спиной к перилам балкона, чувствуя, как горят мышцы. Будучи солдатом, а затем мостовиком, он привык к ощущению перенапряжения мышц. Он почти чувствовал себя обманутым в последнее время, потому что исцеление бурсветом сделало это чувство редким. И в самом деле, стоило передохнуть всего минуту, как жжение полностью исчезло.

Как только Сил вернулась, он продолжил путь. Подлетели спрены ветра: тонкие светящиеся линии, которые петляли вокруг него. Пока Каладин спускался на четвертый этаж, они время от времени показывали ему свои лица или очертания фигур, а потом захихикали и улетели.

Сил наблюдала за ними с нежностью. Он хотел спросить, о чем она думает, но не осмелился заговорить, боясь, что кто-нибудь внутри услышит голоса, доносящиеся через окно. Он не забывал о необходимости не шуметь и передвигал щетки тихо.

Добравшись до четвертого этажа, Каладин наткнулся на препятствие. Заметив это первой, Сил превратилась в светящуюся ленту и сотворила глиф «стоп» в воздухе рядом с ним. Он замер, потом услышал.

Голоса.

Он кивнул Сил, и та отправилась на разведку. Он чувствовал ее беспокойство через узы; когда Сил была клинком, у них была прямая ментальная связь, но в других формах контакт ослабевал. Они практиковались в передаче мыслей, однако получались только смутные впечатления.

На этот раз он уловил какие-то отчетливые слова: *«Певцы... с подзорными трубами... балкон третьего этажа... смотрят вверх...»*

Каладин повис на месте, стараясь не издавать ни звука. Он слышал их снизу и слева, на балконе. Подзорные трубы? Для чего?

«Смотрят на небо, – подумал он, пытаясь передать эту мысль Сил. – Ищут разведчиков-ветробегунов. Не хотят пользоваться Вратами, пока не убедятся, что за ними никто не наблюдает».

Сил вернулась, и Каладин снова почувствовал, как горят мышцы. Он вытер вспотевший лоб рукавом, затем осторожно, стиснув зубы, втянул бурсвет, чтобы освободить одну щетку. Его кожа начала выделять люминесцентный дым, но, прежде чем свет стал слишком заметным, он снова сплел щетку и вытянулся, прикрепив ее к камню так далеко справа, как только мог.

Он отодвинулся в сторону, подальше от занятого балкона. Можно было перелезть через соседний балкон. Каладин слышал, как певцы болтают на языке аleti – фемалены, как ему показалось, хотя у некоторых форм голоса мужчин и женщин почти не отличались. Судя по разговору, они действительно следили за ветробегунами. Они намеренно запускали Клятвенные врата ночью, когда летающие рыцари были отчетливо видны, светясь в ночном небе.

Каладин пересек два балкона справа от себя, затем продолжил путь по другому открытому и плоскому каменному коридору. Он находился в северной части башни и продвигался на запад, чтобы уйти от дозорных. Сил продолжала проверять близлежащие балконы, пока Каладин методично спускался. К несчастью, вскоре после того, как он миновал третий этаж, Клятвенные врата полыхнули темным светом. Он был фиолетового оттенка, как пустотный, но казался ярче, чем пустотная сфера.

Каладин на мгновение замер, держась за щетки.

– Сил, – прошептал он. – Иди проверь, как там дозорные на балконе. Скажи мне, они все еще смотрят на небо?

Она быстро ушла, но через мгновение вернулась.

– Собирают вещи, – прошептала она. – Похоже, уходят.

Именно этого он и боялся. Враг будет использовать Врата как можно реже, так как перемещение войск в башню и из нее разоблачит захватчиков перед разведчиками Далинара. Если дозорные на балконе собирали вещи, это было довольно веским признаком того, что сегодня ночью больше не будет переносов. Каладин был слишком медлителен.

Однако врата вспыхнули пустотным светом. Значит, певцы действительно что-то сделали с фабриалем. Завтра ему придется попробовать еще раз; сегодня он двигался медленнее, чем намеревался, и все же был удовлетворен прогрессом. Еще немного практики, и он, вероятно, сможет спуститься достаточно быстро. Но если подобраться ближе к Клятвенным вратам, сумеет ли он разобраться, что с ними сделали? О фабриалах Каладин знал не так уж много.

Пока он начал карабкаться обратно, чтобы посмотреть, насколько это будет сложнее. Вверх он полз еще медленнее, зато теперь оказалось удобнее упираться носками ботинок в стену. Поднимаясь, он испытывал яростную гордость за свои усилия. Перемены в башне были направлены на то, чтобы удержать его прикованным к земле, но небо принадлежало ему! Он нашел способ снова подняться, хотя и менее впечатляющий. Если он...

Каладин замер, повиснув на щетках: его настигло осознание. Он почувствовал себя очень глупым из-за того, что не понял этого сразу.

– Дозорные на балконе, – прошептал он Сил, когда она примчалась посмотреть, почему он остановился. – Что бы они сделали, если бы заметили в небе ветробегунов?

– Они бы сказали остальным прекратить перенос, иначе тот факт, что Врата светятся не тем цветом, выдал бы правду.

– Как? – спросил Каладин. – Как они связались бы с тем, кто управляет Вратами? Ты видела флаги или что-нибудь еще?

– Нет, – сказала Сил. – Они просто сидели и писали в темноте. Должно быть, они использовали... даль-перо!

И оно работало в башне. Навани пыталась понять, как враг управляет своими фабриалами. Что, если он смог бы вручить ей один такой? Несомненно, это приведет к получению более ценной информации, чем та, которую он мог бы собрать, наблюдая за Вратами.

Сил метнулась к балкону, которым пользовались дозорные.

– Я их вижу! Они собрались и уходят, но пока совсем недалеко.

«Следуй за ними», – мысленно приказал Каладин, а затем как можно быстрее двинулся в том направлении. Возможно, он и пропустил ночной перенос, но все же был способ помочь Навани.

Для этого придется украсть даль-перо.

56. Узлы

Но как мы можем не желать определенного результата? Какой ученый начинает исследование без надежды на открытие?

Из «Ритма войны», примечание к с. 6

В лучах фиолетового лунного света, льющегося через окно, Венли изучила большую модель башни – замысловатую конструкцию, скульптурный шедевр. Для чего эта штукавина потребовалась древним Сияющим? Было ли это забытое произведение искусства или нечто большее? Она слышала, как несколько спренов пустоты говорили, что, возможно, это была масштабная модель, в которой обитали спрены, но – при всей сложности – в ней не было ни мебели, ни дверей.

Венли обогнула модель по кругу и прошла между двумя ее частями, чтобы осмотреть башню в поперечном сечении. Каким-то образом миниатюрное подобие сооружения подчеркивало его немыслимую громадность в жизни. Даже в виде модели башня была в два раза выше Венли.

Покачав головой, Последняя Слушательница покинула модель и прошла среди павших Сияющих, которые рядами безмолвно лежали на полу этого зала. По просьбе Рабониэли Венли нашла место, где можно было держать их всех вместе. Она подыскивала что-то на первом этаже, достаточно близко к подвальным комнатам, но эта часть башни была довольно плотно заселена. Поэтому вместо того, чтобы выгонять людей из помещений, Венли присвоила недавно открытую – и пустую – комнату. У нее был только один вход, так что охранять было легко, а окно давало естественный свет.

Сияющих оказалось примерно пятьдесят. Возможно, с таким малым числом защитников Рабониэль сумела бы занять башню, даже если бы они смогли сражаться. А может, и нет. В этих современных рыцарях было что-то особенное. Они постоянно удивляли Сплавленных. Все ждали от них беспомощности, неопытности. Рошар прожил столетия без уз между людьми и спренами. У новичков не было учителей, им все пришлось осваивать самостоятельно. Как же они сумели так преуспеть?

Тимбре пульсировала, выражая свои мысли по этому поводу. Иногда невежество было преимуществом, поскольку устраняло ожидания, обусловленные прошлым. Может, дело в

этом. Или в чем-то другом. Усталым и древним душам Сплавленных теперь противостояли молодые спрены, полные энтузиазма.

Венли задержалась возле молодой женщины. Сияющие лежали на одеялах, накрытые простынями, как трупы, – обнаженными оставались только лица. Эта Сияющая, однако, шевелилась. Ее глаза были закрыты, но лицо подергивалось, как будто она была во власти ужасного кошмара. Может, и так. В прошлом Вражда вторгался в сознание Венли; кто знает, как далеко может зайти его развращающее прикосновение?

«Ветробегунья», – подумала Венли, читая надписи на полу рядом с женщиной. Здесь значилось все, что команда Венли выяснила об отдельных Сияющих, допросив обитателей башни. Она посмотрела в конец ряда на другого Сияющего, чье лицо выражало то же самое. Еще один ветробегун.

Закончив осмотр, она подошла поговорить с Дулом. Для Венли оказалось несложным передать своим доверенным помощникам заботу о павших Сияющих, поскольку Рабониэль считала, что это хорошее применение для них.

– Другие ветробегуны, – тихо проговорила Венли. – Они тоже выглядят так, словно...

– Вот-вот проснутся? – договорил Дул в ритме благоговения. – Ага. Верно. Если кто-то из них хоть шелохнется, это обязательно окажется ветробегун. Некоторые даже бормочут во сне.

– Рабониэль специально попросила меня это проверить, – призналась Венли в ритме тревоги. – Кажется, она предвидела, что так будет.

– Догадаться нетрудно. Тот Сияющий, что не заснул и предположительно бродит по башне – он тоже ветробегун, верно?

Венли кивнула, глядя вдоль рядов тел. Ее тайные сторонники ходили среди них, подавая бульон и меняя грязные простыни.

– Это был хороший маневр, пристроить нас сюда, – прошептал Дул. – Забота о человеках дает нам повод собрать одеяла и одежду для побега. Я начал откладывать бульонную пасту, нам должно хватить.

– Хорошо, – с тревогой сказала Венли. – Когда вокруг будут только наши, проверь этих ветробегунов и посмотри, не сможешь ли кого-нибудь разбудить.

– А если получится? – спросил Дул в ритме скепсиса. – По-моему, ужасная идея.

Первым порывом – даже сейчас – было дать ему пощечину. Как он смеет сомневаться в ее приказах? Она подавила это желание, хотя оно свидетельствовало, что Венли все та же эгоистка, несмотря ни на что. Несколько Слов не сделали ее лучше.

– Их силы будут подавлены, – объяснила Венли. – Значит, никакой угрозы. А если начнут буйствовать, убирайтесь – и пусть все думают, что кто-то проснулся спонтанно. Это убережет нас от подозрений в причастности.

– Хорошо, но зачем рисковать?

– Бежать и прятаться будет гораздо легче с помощью таких, как эти. По крайней мере, нам понадобится отвлекающий маневр, чтобы выбраться. Если ветробегуны внезапно проснутся и начнут драться, он нам гарантирован.

Она взглянула на Дула, который все еще напевал в ритме скепсиса.

– Послушай, – сказала Венли, когда они закончили обход комнаты, – я люблю человека не больше, чем ты. Но если мы действительно хотим сбежать, нам нужно использовать все преимущества, которые сможем найти. – Она обвела рукой комнату с бессознательными Сияющими. – Это преимущество может оказаться очень важным.

Наконец Дул загудел в ритме примирения.

– Полагаю, ты права. Стоит попробовать, хотя я не знаю, как их разбудить. Нам нужен лекарь. Он бы в любом случае пригодился; у некоторых из них, похоже, появляются язвы, а они могут привлечь спренов гниения. Другие не принимают бульон, хотя вокруг них так и кишат спрены голода.

Венли настроилась на ритм мира, и тут ее осенило.

– Я найду тебе лекарей. На самом деле, знаю одного, который может согласиться помочь. Он человек. Он вынужден прятаться из-за кое-каких дел, о которых нам не следует распространяться. Но я думаю, что его можно поместить сюда, и пусть работает.

Дул кивнул, напевая в ритме признательности. Венли вышла в атриум с его длинной вертикальной шахтой, ведущей к вершине башни. Миновала нескольких Царственных, стоявших на страже у двери в комнату с моделью. Лешви велела ей поместить лекаря и его семью в безопасное место; что ж, все складывалось удачно.

Приближался комендантский час, поэтому здесь, на первом этаже атриума, все спешили завершить свои дела. Человеки – уже не сидящие под домашним арестом – выползли из раковин, как лозы после бури. Многие из них жили вокруг атриума, и они вытаскивали тележки, устраивая временные магазины возле большого окна. Человеки тянулись к солнечному свету, как спрены к Стремлениям.

Сегодня они вели себя робко и держались на расстоянии от Венли, как будто не могли поверить, что жизнь продолжается, словно ничего не случилось. Венли нашла лестницу и поспешила наверх; несколько человеческих женщин отпрянули с ее пути и тихо ахнули, притягивая червеобразного спрена страха. Иногда Венли забывала, как устрашающе выглядит ее Царственный облик. Она привыкла, все больше воспринимая эту форму как естественную, пусть даже в ее светсердце сидел пойманный в ловушку спрен пустоты.

На втором этаже Венли направилась к месту встречи возле балкона атриума. Сегодня вечером она должна была обслужить команду Сплавленных, на случай если им понадобится переводчик. Многим Сплавленным было трудно разговаривать с современными певцами. Логично, учитывая, как мало времени прошло с их возвращения. Венли показалось еще более странным, что некоторые, как Рабониэль, уже научились говорить на современном алетийском.

Прибыв на место встречи, Венли с удивлением обнаружила нескольких Глубинных – странных сплавленных с гибкими телами и молочно-белыми глазами, на дне которых светились красные огоньки. Им нравилось проводить время погруженными в камень, как Небесным – парить. Иногда Венли заходила в какую-нибудь комнату и обнаруживала там одного-двух Глубинных утонувшими в полу, так что снаружи виднелись только лица с закрытыми глазами.

Этим вечером четверо из них собрались в кучку, а рядом стояли несколько обычных певцов, которые принесли оборудование. Сплавленные спорили между собой на своем языке.

– Я не думал, что песок сработает, – сказал один из Глубинных. Его ритмы звучали странно. Они были приглушены. – В этом я оказался прав. Признай.

– В башне слишком много разных фабриалей, – ответил другой. – И слишком много спренов. Устройство, которое мы ищем, спрятано и потому не оставляет достаточно сильного впечатления.

– Вы ищете фабриаль, который создает щит вокруг самосветной колонны, – догадалась Венли.

Рабониэль упоминала, что поле создает фабриаль, который, по ее теории, должен иметь несколько самосветов, так называемых узлов, поддерживающих его и спрятанных где-то в башне.

Глубинные не упрекнули Венли за то, что она заговорила без разрешения. Как Голос Рабониэли, Венли обладала определенными правами даже по отношению к ним. Командовать не могла, но вступать в беседу – вполне.

– Почему бы не использовать спренов тайны? – спросила она. – Они же могут находить фабриали так же легко, как и Сияющих?

– Вся башня – один сплошной фабриаль, – сказал Глубинный. – Спрены тайны здесь бесполезны, они кружатся на месте, сбитые с толку. Просить их найти тут свет, примененный особым образом, – все равно что просить найти определенный участок воды в океане.

– Бесплезны, – подытожил другой. – А спренов хаоса видела?

Венли видела. Эта разновидность спренов пустоты, обычно видимая лишь избранным, теперь оставляла в воздухе искры, словно каким-то образом реагируя на гасящее поле. Даже тот, кто не мог заглянуть в Шейдсмар, понимал, что за ним следят.

Размышляя над этим, Венли настроилась на ритм волнения. Невидимых спренов нет... а спрены тайны бесполезны. Значит, какой-нибудь Сияющий мог применить в Уритиру свои силы, оставаясь незамеченным.

То есть она сама могла это сделать без риска!

Осознав, какие это влекло за собой последствия, Тимбре тоже загудела от возбуждения, в унисон с Венли. Они наконец-то смогут попрактиковаться.

Но осмелится ли она?

– Голос! – ей махнула рукой одна из Глубинных, фемалена с серовато-белой кожей, испещренной едва заметными красными линиями. – Нам нужно найти эти узлы. Но без спренов тайны, по-видимому, придется обыскать всю башню. Ты начнешь допрашивать человекoв: видел ли кто-нибудь из них большой самосвет, который кажется не связанным с каким-либо видимым фабриалем.

– Как пожелаете, Древняя, – сказала Венли в ритме замешательства. – Но если позволите заметить, это решение кажется неэлегантным. Узлы наверняка спрятаны?

– Да, – сказал другой, – но они также должны быть доступны. Их цель в том, чтобы позволить Сияющим зарядить щит буресветом.

– Как бы то ни было, Древняя, я настроена скептически, – ответила Венли. – Даже если человеки будут отвечать мне правдиво, едва ли они располагают нужными сведениями. Они еще не закончили картографировать все этажи башни, не говоря уже о ее тайных местах. Неужели вы действительно хотите, чтобы мы месяцами разговаривали с человекaми, задавая расплывчатые вопросы про какой-то самосвет?

Глубинные загудели в ритме разрушения, но в остальном не стали ей перечить. Как и многие из Сплавленных, они принимали хорошо обоснованные возражения. Венли могла бы поучиться у них в этом смысле.

– Как я и говорил, – обратился один из них к остальным. – Можем обыскивать это место годами – и все равно ничего не найдем.

– Разве узлы не должны быть соединены с самосветной колонной? – спросила Венли.

– Да, – сказал Глубинный. – Кристаллическими жилами, для передачи буресвета.

– Тогда мы могли бы их отследить. Вы могли бы погрузиться в скалу и найти их, а затем последовать вдоль них наружу.

– Нет, – ответил другой в ритме насмешки. – Мы не можем видеть внутри камня. Мы можем слышать и петь, звуки Рошара направляют нас. Но этот фабриаль создан тихим. Чтобы отследить кристаллические линии, нам пришлось бы разбить камень и разорвать все связи с колонной. Это может полностью разрушить защиту башни, позволив Сияющим пробудиться и погубив наше дело.

– Значит, если вы найдете в башне самосвет, – сказала Венли, – вы не узнаете, привязан ли он к защитному полю. Вы можете разбить камень и обнаружить, что он был привязан к чему-то совершенно другому.

Сплавленные загудели в ритме насмешки. Венли дошла до пределов вмешательства, которое они могли принять.

– Нет, дурочка, – сказала фемалена. – Этот защитный фабриаль – новый. Добавлен к башне после ее создания. Таких самосветов немного. Остальная часть башни работает как единое целое, поэтому Рабониэль смогла включить ее защиту, наполнив камни пустотным светом.

Это на самом деле объясняло не так много, как они думали, но Венли запела в ритме раболепства, чтобы показать, как она ценит разъяснение и поправку. Однако ее разум все еще

был ошеломлен последствиями того, что она узнала ранее. Все эти месяцы она боялась своих сил, убеждая себя, что не осмелится их использовать. Но почему она так волнуется сейчас?

Тимбре затрепетала: бояться пробовать что-то новое – это нормально. Естественно.

Но дело было не только в этом. Похоже, большую часть своей жизни Венли боялась чего-то не того. Ее любопытство привело к гибели слушателей. И теперь она играла с силами, которых не понимала, обнадежив целую группу тех, кто зависел от нее.

Если она сделает неверный шаг, Дул и остальные обречены.

Глубинные совещались. Однако фемалена продолжала наблюдать за Венли. Остальные трое, казалось, считали ее главной, потому что они замолкали, когда она говорила.

– Смертная, – сказала она Венли. – Последняя Слушательница. Немногие Царственные заслужили настоящий титул, и я нахожу странным, что такое случилось с дочерью предателей. Скажи мне, где бы ты разместила эти узлы, если бы выпала такая возможность?

– Я... – Венли настроилась на ритм мучений. – Я ничего не знаю о башне. Понятия не имею.

– А ты попробуй угадать, – не унималась Сплавленная. – Ну же.

– Полагаю, – сказала Венли, – я бы поместила узел в какое-нибудь место, где удобно заряжать его бурсветом, но искать там никто не станет. Или...

Тут у нее появилась идея, но она ее подавила. Она не хотела им помогать. Чем больше времени потребуется, чтобы окончательно завоевать башню, тем лучше для ее народа.

– Нет, ерунда. О, Древние – я всего лишь невежественная дура.

– Возможно, однако ты еще и смертная и мыслишь как смертная, – задумчиво произнесла Сплавленная. – Смертные суетливы. Их жизни коротки, а дел слишком много. Но еще они ленивы. Они не хотят делать то, что должны. Скажешь, это неправда?

– Я... это правда, разумеется.

Сплавленная явно не желала услышать возражения.

– Да, – сказал другой Глубинный. – Имеет смысл поместить самосветные узлы – по крайней мере один из них – там, где зарядка бурсветом будет происходить естественным образом, не так ли?

– Бури достигают такой высоты лишь изредка, – заметил другой, – но все-таки они сюда поднимаются. Так что было бы разумно поместить один узел там, где время от времени он будет наполняться силой сам по себе.

Внутри Венли Тимбре затрепетала в ритме печали. Это была именно та идея, которой она предпочла не делиться. Где было лучшее место для узла? Где-то снаружи – но не на балконах, где его могли заметить. Она посмотрела через атриум на большое окно. Глубинные явно пришли к такому же выводу, потому что они потекли к дальней стене, чтобы найти следы самосвета, встроенного снаружи.

Тимбре перешла на ритм разочарования.

– Да не хотела я им помогать, – прошептала Венли. – Кроме того, они почти все выяснили сами...

Тимбре снова затрепетала. Оставалось надеяться, что ничего не выйдет. В конце концов, это была всего лишь догадка.

Сплавленные не оставили ей никаких указаний, поэтому она ждала вместе со слугами, пока не увидела, как по коридору спешит знакомая певица. Мазиш, жена Дула, одна из приближенных Венли.

Она быстро шагнула вперед, перехватывая приземистую трудоформу, которая пела в ритме тревоги.

– Что такое?

– Венли, – сказала Мазиш. – Венли, они... нашли еще одного.

– Еще одного Сияющего? – спросила Венли в ритме замешательства.

– Нет. Нет, я не об этом. Я хочу сказать... – Мазиш схватила Венли за руку. – Еще одного – как ты. Еще одного слушателя!

57. Дитя вражды

Восемь с половиной лет назад

Эшонай находила человек бесконечно очаровательными.

Между первым и вторым визитом Эшонай организовала несколько попыток отыскать их родину. Внезапно все захотели присоединиться к ней, и она возглавила большие экспедиции. Но это были песни без крещендо – единственное, что ей удалось обнаружить, был одинокий человеческий аванпост на западе.

Они предупредили ее, чтобы она ждала второго визита в ближайшее время, но теперь этот визит, казалось, подходил к концу. Поэтому Эшонай использовала каждую оставшуюся возможность, чтобы понаблюдать за людьми. Ей нравилось, как они ходят, как разговаривают, даже как смотрят на нее. А иногда и нет.

Как сегодня, когда она прогуливалась по лагерю Гавилара Холина. Его слуги едва взглянули на нее, собирая вещи. Она подошла к одному из рабочих, который снимал тетиву с большого металлического лука. Мужчина, должно быть, видел, что она стоит рядом, но когда через несколько минут он выпрямился и обнаружил ее, то вздрогнул от неожиданности.

Такое странное поведение. Иногда ей казалось, что она может читать ритмы в движениях людей – тот человек с луком был настроен на тревогу. И все же они, казалось, не понимали, что слушатели могут слышать то, чего не могут они. Каково это, постоянно ходить без ритма в голове? Должно быть, больно. Или одиноко. Так пусто.

Люди продолжали собирать вещи, складывая все в фургоны перед бурей. У них хорошо получалось предсказывать прибытие Великих бурь – они нередко ошибались с часом, но обычно угадывали день. Сейчас, однако, шла не обычная работа по подготовке к разгулу стихий. Они скоро уедут; она понимала это по тому, как они разговаривали между собой, как перепроверяли ремни и складывали палатки с большим тщанием, чем обычно. В ближайшее время они не собирались ничего распаковывать.

Ей хотелось, чтобы они задержались подольше – их первый визит был таким коротким, а теперь и этот второй заканчивался, толком не успев начаться. Возможно, она могла бы пойти

с ними, как и сказала Венли. Она спросила, далеко ли за холмами их дом, но они не ответили и отказались поделиться картами.

Эшонай собралась уйти из их лагеря, но остановилась, заметив одного человека, стоящего в стороне от остальных. Далинар Холин смотрел на восток – туда, где находился Источник Бурь.

Любопытствуя, Эшонай подошла к нему и заметила: он вытащил свой осколочный клинок и придерживал перед собой, острием вонзив в камень. Казалось, он что-то ищет, но перед ним простирались только Равнины – пустое пространство.

В отличие от остальных Далинар сразу же заметил ее приближение, обернувшись, когда у нее под ногами скрежетнул камешек. Она застыла под его пристальным взглядом, который всегда казался взглядом большепанцирника.

– Ты одна из переводчиков, – сказал он.

– Да.

– Как тебя звать?

– Эшонай, – сказала она, хотя почти не сомневалась, что он снова забудет.

Люди, похоже, не очень хорошо различали слушателей.

– Ты там бывала? – Он кивнул на Равнины. – В центре?

– Нет. Я бы хотела побывать, но старые мосты... их уже нету. Чтобы снова их построить, надо много трудиться. Большинству моих соплеменников не нравится... я забыла слово. Кто ходит во всякие трудные места?

– Исследователи, наверное.

– Да. Исследователи. Раньше много исследовали. Теперь очень мало.

«До недавнего времени».

Он хмыкнул:

– Ты хорошо владеешь нашим языком.

– Мне нравится. Говорить по-новому. Думать по-новому. Это одно и то же, да?

– Да, возможно, так оно и есть. – Он обернулся и посмотрел через плечо на запад. В сторону своей родины. – Возможно, твой народ боится возвращаться туда, где когда-то жил.

– Разве можно этого бояться? – спросила Эшонай, настраиваясь на ритм замешательства.

– Места имеют над нами власть, паршунья. У мест есть воспоминания. Иногда чудесно отправиться туда, где еще ни разу не был... потому что там ты можешь стать кем-то другим. Никто от тебя ничего не ждет. И память, шквал бы ее побрал, тебя не тревожит.

– Мне нравятся новые места, – сказала Эшонай. – Потому что... они новые.

Она настроилась на ритм раздражения. Вышло совсем не то, что она хотела сказать; говоря на языке человека, она чувствовала себя глупо. Трудно было выразить какую-нибудь глубокую мысль, потому что ритмы не соответствовали звукам.

– Мудрые слова, – сказал Далинар.

Мудрые? Он что, издевается? Человеки, похоже, не ожидали многого от ее народа и удивлялись всякому сложному разговору. Казалось, их забавляло, что слушатели не такие тупые, как паршунья.

– Я хотела бы увидеть места, где вы живете, – сказала Эшонай. – Я бы навещала вас, и вы бы навещали нас снова.

Далинар отпустил клинок; тот превратился в клуб белого тумана и исчез. Она настроилась на замешательство.

– Мой брат заинтересовался вами, – тихо сказал Далинар. – Это... Ну, будь осторожнее со своими приглашениями, паршунья. Наше внимание может быть опасным.

– Я не понимаю.

Это прозвучало так, словно он предостерегал ее от своих собственных соплеменников.

– Я устал давить на людей, – сказал Далинар. – На своем пути я оставил слишком много дымящихся дыр там, где раньше были города. Вы – что-то особенное, что-то, чего мы никогда раньше не видели. И я знаю своего брата – я знаю этот блеск в его глазах, это волнение. Его интерес может принести вам пользу, но за все приходится платить. Не спеши делиться буревым убежищем с теми, кого только что встретила. Не оскорбляй их, но и не торопись доверяться. Любой новобранец должен усвоить оба урока. В данном случае я бы предложил вежливость – но осторожность. Не позволяйте ему загнать вас в угол. Он будет уважать вас, если вы сумеете постоять за себя. И что бы вы ни делали, не давайте ему повода возжелать того, чем вы владеете.

Быть сильными, уметь постоять за себя, но не оскорблять их короля? Бессмыслица какая-то. И все же, глядя на него, слушая его спокойный, но твердый голос, она думала, что понимает. Казалось, некий ритм нес его намерение.

«Будь осторожна с нами. Мы гораздо опаснее, чем ты думаешь».

И еще он упомянул... сожженные города.

– В скольких городах живет ваш народ? – спросила она.

– В сотнях. Количество людей в нашем королевстве ошеломило бы тебя. Оно во много раз превосходит количество паршунов, которые обитают здесь.

Невозможно. Это... невероятно!

«Мы так мало знаем».

– Спасибо, – сказала Эшонай.

У нее получилось произнести слово на языке человеков, но в ритме благодарности. Значит, их все-таки можно объединить.

Он кивнул ей:

– Мы уходим. Я понимаю, что визит был коротким, но моему брату нужно вернуться в свои земли. Мы... конечно, встретимся еще. Мы отправим к вам посла. Я обещаю.

Далинар повернулся – словно покатился валун – и направился к своему буревому фургону.

Венли казалось, что ярко-красный самосвет прожжет дыру в кармане. Она съежилась в одном из буревых убежищ – широкой расселине неподалеку от города, которую они прикрыли панцирями и замазали щели кремом. Каждое такое убежище находилось на вершине холма, так что вода из него утекала по склонам.

Ближайшие родственники Венли собрались здесь, чтобы поболтать и попить, как они обычно делали в дни бурь. Остальные казались такими веселыми, разговаривая в ритме радости или признательности, пока ели у огня, слушая, как мать Венли поет песни при свете необработанных светсердец.

У них была природная, бугорчатая форма. Они накапливали буресвет, но ни одно не светилось так же ярко, как странный самосвет у нее в кармане. Тот, что дала ей женщина. Венли казалось, что он должен гореть, хотя он был холоден, как обычный камень. Она настроилась на тревогу и посмотрела на остальных, опасаясь, что они увидят это слишком красное свечение.

«Я должна выйти в бурю, – подумала она, слушая, как стучит дождь по камням снаружи. – Эта считается? Я вижу, как буря там, снаружи, вспыхивает и создает свой собственный ритм, слишком неистовый. Слишком дикий».

Нет, она устроилась недостаточно близко к выходу. Сидя в убежище, она не сможет даже случайно принять бракоформу, которая была единственной трансформацией, совершаемой регулярно. В конце концов, никто не хотел возвращаться в тупоформу.

Но ведь были и другие формы. Она почти поняла, как обрести ту, которая нужна для боя. И теперь... с этим самосветом...

Несколько недель она носила его с собой, боясь того, что может произойти. Она взглянула на мать и близких родственников, которые сидели и слушали. Восхищались прекрасными

песнями. Даже Венли, которая слышала их сотни раз, поймала себя на том, что ей хочется вернуться и сесть у ног матери.

Никто другой не знал, что происходит с Джакслим. Мать хорошо это скрывала. Правда ли, что другие формы могут помочь ей? Человеки уходили, так что это последний шанс Венли попробовать драгоценный камень, а затем, если он не сработает, попросить помощи у женщины, которая дала его ей.

Венли настроилась на ритм решительности и, поднявшись с места, направилась к выходу из убежища, где они привязали свои самосветы для обновления – достаточно близко к буре, чтобы получить свет от прикосновения Укротителя. Несколько слушателей зашептались позади нее, их голоса звучали в ритме забавы. Они думали, что Венли решила принять бракоформу, несмотря на все заверения, что никогда этого не сделает.

Однажды ее мать улыбнулась в ответ на вопрос и объяснила, что мало кто принимал бракоформу намеренно. Это происходит само собой, как внезапный приступ жажды. А иной раз стоило выбрать себе местечко слишком близко к выходу во время бури – и внезапно бабах! Превращаешься в тупицу, которого интересует только размножение. Венли стало неловко оттого, что соплеменники приписали ей подобные мысли.

Она добралась до мокрого камня на краю убежища, где сгрудились спрены дождя, устремив к небу очи и вцепившись в землю коготками. Ветер и гром здесь звучали громче, словно боевые кличи соперничающей семьи.

Возможно, лучше всего просто отдать самосвет матери, и пусть она ищет новую форму. Разве не в этом суть?

«Нет, – подумала Венли, дрожа. – Не в этом».

Месяцы, потраченные на поиски новых форм, ни к чему ее не привели – в то время как Эшонай завоевывала все больше и больше признания. Даже их мать, которая раньше называла исследования Эшонай глупыми, теперь говорила о ней с уважением. Она нашла человек. Она изменила мир.

Венли делала то, что полагалось. Она оставалась с матерью, день за днем разучивала песни, помня о долге. Но похвала доставалась Эшонай.

Не давая себе возможности передумать, Венли шагнула на склон холма, вступая в бурю. Сила ветра заставила ее споткнуться и соскользнуть вниз по мокрой скале. В мгновение ока она перешла от укрытого, наполненного песнями тепла к ледяному хаосу. Ураган звучал так, словно вокруг нее ломались инструменты и песни умирали, едва родившись. Она старалась держаться ритма решимости, но к тому времени, когда она забралась за большой валун и прижалась спиной к камню, он превратился в ритм ветра.

С этого момента ее разум переключился на ритм мольбы, граничащий с паникой. Что она делает? Это безумие. Она часто насмехалась над теми, кто выходил в бурю без щитов или другой защиты.

Она хотела вернуться в убежище, но была слишком напугана, чтобы шевельнуться. Что-то большое рухнуло на землю поблизости, заставив ее вздрогнуть, но мгновение темноты в завывающем урагане помешало увидеть, насколько близок был удар. Как будто молния, ветер и дождь сговорились против нее.

Венли сунула руку в карман и достала самосвет. То, что раньше казалось таким ярким, теперь выглядело хрупким. Красный свет едва озарял ее ладонь.

Разбить его. Она должна его разбить. Уже онемевшими от холода пальцами она пошарила вокруг и в конце концов нашла большой камень. Земля здесь растрескалась, образуя круг, поперек которого Венли могла бы улечься. Она отступила в относительное укрытие валуна, дрожа, держа самосвет в одной руке, подобранный камень – в другой.

Затем наступила тишина.

Это было так неожиданно, так внезапно, что у нее перехватило дыхание. Ритмы в ее сознании слились в один, единый и ровный. Она посмотрела вверх, в чистейшую тьму. Вокруг теперь было сухо. Венли медленно повернулась и снова съежилась. В небе простиралось подобие лица, сотворенное из облаков и естественного света. Нечто огромное и непостижимое.

– ТЫ ПОЙДЕШЬ НА ЭТОТ ШАГ? – Голос, который не был голосом, прошел сквозь нее, вибрируя, словно ритм.

– Я...

Это был он, спрен Великих бурь – Укротитель. В песнях его называли предателем.

– ТВОЙ НАРОД ТАК ДОЛГО НЕ СЛУЖИЛ НИ ОДНОМУ БОГУ. ТЫ СДЕЛАЕШЬ ЭТОТ ВЫБОР ЗА ВСЕХ СОПЛЕМЕННИКОВ?

При этих словах Венли почувствовала и трепет, и ужас. Значит, в самосвете действительно что-то было?

– Мой... моему народу нужны формы! – крикнула она громадному существу.

– ЭТО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ФОРМЫ. ЭТА СИЛА ИЗМЕНЯЕТ СМЕРТНЫХ.

Сила?..

– Ты служил нашим врагам! – воззвала она к небу. – Как я могу верить тому, что ты говоришь?

– И ВСЕ ЖЕ ТЫ ДОВЕРЯЕШЬ ДАРУ ОДНОГО ИЗ ЭТИХ ВРАГОВ? КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, Я НИКОМУ НЕ СЛУЖУ. НИ ЛЮДЯМ, НИ ПЕВЦАМ. Я ПРОСТО СУЩЕСТВУЮ. ПРОЩАЙ, ДИТЯ РАВНИН.

ДИТЯ ВРАЖДЫ.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось, и Венли снова оказалась наедине с бурей. От потрясения она чуть не выронила свою драгоценность, но затем, ежась от бойкого ветра, положила светящийся самосвет на землю. Сжала в руке камень, скользкий от дождя. Заколебалась.

Надо ли проявить осторожность?

Но разве величие достигается осторожностью?

Эшонай не была осторожна, и она открыла новый мир. Ударом камня Венли разбила самосвет. Свет вырвался облачком, и она поморщилась под проливным дождем, готовясь к чудесному превращению.

– Наконец-то! – воскликнул кто-то в ритме раздражения. – Ух и натерпелся же я!

Красный огонек превратился в крошечного мужчину-человека: он стоял, уперев руки в бока, и слабо светился посреди бури.

Венли крепко обхватила себя за плечи, дрожа и смаргивая дождевую воду.

– Спрен, – прошипела она. – Я призвала тебя, чтобы ты даровал мне одну из древних форм.

– Ты? – спросил он. – Сколько тебе лет? Есть еще кто-нибудь, с кем я мог бы поговорить?

– Сначала поведай мне этот секрет, – потребовала Венли. – Потом мы передадим твою форму другим. Она может исцелять, верно? Мне так сказали.

Он не ответил.

– Ты не смеешь отказывать! – крикнула Венли, хотя ее слова потонули во внезапном раскате грома. – Я страдала так долго, чтобы добиться этой цели...

– Вот только не надо устраивать сцен! – сказал маленький спрен, топнув ногой. – Мда, придется воспользоваться инструментами, которые нашлись в сарае, даже если они чуток заржавели. Ладно, вот в чем суть. Я собираюсь поселиться внутри тебя, и вместе мы будем делать невероятные вещи.

– Мы принесем полезные формы моему народу? – спросила Венли, стуча зубами.

– Ну да. И нет. Какое-то время нам нужно, чтобы ты выглядела так, будто все еще находишься в трудоформе. Мне нужно выяснить, как сейчас обстоят дела на старом добром Рошаре. Давненько я тут не был. А ты сможешь попасть в Шейдсмар, если понадобится?

– Ш-Шейдсмар?

– Да, нам нужно добраться до бури там. Той, что поновее, на юге? Где я вошел в этот самосвет... Ты понятия не имеешь, о чем я говорю. Восхитительно. Ну ладно, приготовься – у нас дел невпроворот...

Стоя у входа в убежище и пытаясь высмотреть сестру, Эшонай настроилась на ритм тревоги. В хаосе бури почти ничего не было видно: вспышки молний, хотя и яркие, были слишком короткими, чтобы позволить рассмотреть местность.

– Она действительно это сделала? – весело спросил Тюд, когда подошел к ней, жуя какой-то фрукт. – Столько ворчала, а теперь взяла и вышла наружу, чтобы стать брачницей.

– Сомневаюсь. Она уже несколько месяцев пытается найти боеформу. Она не собирается становиться брачницей. Во всяком случае, она слишком молода.

Человеки были удивлены тем, как молоды Эшонай и Венли, – очевидно, они стареют медленнее? Но до официального совершеннолетия Венли оставалось еще несколько месяцев.

– Такое решение принимали и те, кто помоложе. – Тюд потер бороду. – Знаешь, я вот о чем подумал: между бывшими брачниками остается *связь*.

– Ты просто вбил себе в голову, что это смешно, – сказала Эшонай с упреком.

– Ага, точно!

Он рассмеялся. Гром сотряс убежище, заставив обоих на время замолчать, настроившись из уважения на ритм ветра. Было что-то удивительное – хотя и опасное – в ощущении вибрации самой бури.

– Сейчас не время отвлекаться на такие глупости, как бракоформа, – сказала Эшонай. – Человеки снова уйдут, как только закончится эта буря. Мы должны послать кого-нибудь с ними.

– Иногда ты слишком ответственна себе в ущерб, Эшонай, – ответил Тюд; он оперся рукой о стену и наклонился вперед, позволяя дождю хлестать себя по лицу.

– Я? Ответственная? Мама могла бы тебе кое-что об этом рассказать.

– И это бы напомнило мне о том, как вы обе похожи, – сказал Тюд, настроенный на ритм радости и улыбающийся буре, как дурак. – Я собираюсь сделать это на днях, Эшонай. Проверим, пойдет ли со мной Била. Жизнь – не только работа в поле или рубка дров.

С этим Эшонай могла согласиться. И она полагала, что может понять кого-то, кто хочет в своей жизни заниматься каким-нибудь другим делом. Никто из них не появился бы на свет, если бы их родители не решили стать брачной парой.

И все-таки эта идея заставляла ее настраиваться на тревогу. Ей не нравилось, как сильно брачная форма меняет образ мыслей. Она хотела быть собой, со своими желаниями и стремлениями, и чтобы никакая форма их не подавляла. Хотя, конечно, даже сейчас на нее влияла трудоформа...

Она настроилась на ритм решимости и выкинула эти мысли из головы. Где же Венли? Эшонай знала, что ей не следует бояться за сестру. Слушатели все время уходили в бурю, и, хотя это нельзя было назвать абсолютно безопасным, ей не стоило напевать в ритме тревоги, как делали люди, когда говорили о Великих бурях. Бури были естественной частью жизни, Рошар даровал их слушателям.

В самой глубине души шевельнулась мысль – насколько легче будет жить без Венли, без ее постоянного нытья, без ее зависти, – но Эшонай не хотела ее признавать. Все в делах Эшонай – каждый разговор, или план, или вылазка, – усложнялось, когда вмешивалась Венли. Проблемы возникали из ничего.

Такие мысли были слабостью Эшонай. Ей надлежало любить сестру. И она действительно не хотела, чтобы с Венли что-нибудь случилось, но было трудно не вспоминать, как спокойно все шло без участия этой дурочки, склонной все драматизировать...

Из бури появилась блестящая от дождя фигура, подсвеченная молнией. Разглядев, что это Венли, Эшонай снова почувствовала угрызения совести и с усилием настроилась на радость. Она вышла в бурю и помогла сестре одолеть остаток пути.

Венли осталась в трудоформе. Мокрая, дрожащая фемалена в трудоформе.

– Не сработало, да? – спросил ее Тюд.

Венли посмотрела на него, приоткрыв рот, но оставаясь немой, словно человек. Затем она нервно улыбнулась. Улыбка была безумная, совсем на нее не похожая.

– Нет, Тюд, – сказала Венли. – Не сработало. Мне придется еще много-много раз пытаться найти боеформу.

Он загудел в ритме примирения, бросил взгляд на Эшонай. Она была права – о бракоформе Венли и не подумала.

– Хочу посидеть у огня, – сказала ее сестра. – И согреться.

– Венли? – сказала Эшонай. – Твои слова... Где их ритм?

Венли помолчала. Затем она – как будто преодолевая сопротивление – начала напевать в ритме веселья, но получилось не с первой попытки.

– Что за ерунда, – наконец сказала Венли. – Ты просто была невнимательна.

И она зашагала к огню с видом еще более чванным, чем обычно, – высокомерной походкой фемалены, уверенной, что управляет бурями.

58. Даль-перья

Я нахожу этот опыт таким странным. Я работаю с ученой из древних времен, когда о современной научной теории еще никто не знал. Я все время забываю о том, что моей напарнице абсолютно неизвестны некоторые тысячелетние традиции.

Из «Ритма войны», примечание к с. 6

С глухим стуком Каладин приземлился на балкон. Сил светящейся лентой устремилась вглубь башни. Он не видел дозорных, которые собрали вещи и ушли вместе с даль-перьями, но верил, что Сил наблюдает за ними.

Он последовал за ней в темноту, переместив свой бурсвет в сферу, чтобы не светиться. Ему не удалось тайком проследить за Клятвенными вратами, но если он каким-то образом сумеет украсть одно из этих пустосветных даль-перьев, то поможет Навани хоть в чем-то.

Держась рукой за стену, он шел во тьме так быстро, как только осмеливался. Вскоре он приблизился к коридору с фонарями вдоль стены; это был третий этаж башни, по большей части заселенный и освещенный. В свете фонарей впереди показались две певички-фемалены, одетые в хавы и тихо болтающие между собой. Сил осторожно пробиралась за ними, шныряя по боковым туннелям и закоулкам.

Каладин тащился далеко позади, полагаясь на Сил, указывающую повороты, так как две певички нередко оказывались вне его прямой видимости. В этой части башни располагалась большая прачечная, куда темноглазые приходили, чтобы воспользоваться общественной водой и мылом. Он миновал несколько больших комнат без дверей, где пол представлял собой череду бассейнов.

В столь поздний час здесь почти никого не было. Похоже, наносы башни перенастроили, чтобы они работали на пустосвете, но все-таки Каладину пришлось спрятаться от нескольких водовозных отрядов – повозки тянули люди, а охранниками были певцы, – которые шли по туннелям. Вскоре вернулась Сил, и он нырнул в темную нишу рядом с пустой комнатой, полной корзин для белья. Пахло мылом.

– Впереди сторожевой пост, – прошептала Сил. – Певицы пошли дальше. Что ты собираешься делать?

– Сплавленные поблизости есть?

– Я не видела. Только обычные певцы.

– Теоретически рядовые стражи не должны тебя увидеть, если ты им не позволишь. Следуй за этими певицами с даль-перьями. Надеюсь, их комнаты недалеко. Если они разделятся, выбери ту, что в синей хаве, – вышивка указывает на более высокий статус. Когда узнаешь, где ее комната, возвращайся, и мы придумаем, как туда пробраться другим путем, чтобы украсть даль-перо.

– Хорошо. Но если они уйдут слишком далеко от тебя, я потеряю разум...

– Возвращайся, если почувствуешь себя плохо. Мы можем попробовать в другой раз.

Без единого слова Сил взлетела, оставив Каладина прятаться в комнате с корзинами. К сожалению, вскоре он услышал голоса – и увидел пару певцов с корзинами, идущих по коридору. Похоже, даже воины-захватчики, прислужники древнего зла, нуждались в стирке. Каладин закрыл дверь, погрузившись в темноту, а затем, сообразив, что они могут прийти со своей ношей в эту самую комнату, схватил метлу и сплетением закрепил ее поперек двери.

Поскольку он зарядил концы метлы, бурсвет не должен был просачиваться через дверь. Миг спустя она задребезжала: кто-то попытался ее толкнуть. Раздраженные голоса снаружи пожаловались по-азирски, дверь опять затряслась. Каладин сжал скальпель, чувствуя, как давит на плечи темнота. Ужас ночных кошмаров и усталость, которая намного превосходила предыдущее физическое напряжение. Изнеможение, которое он испытывал так давно, что привык считать нормальным.

Когда дверь снова задребезжала, он был уверен, что это темная сила пришла за ним. Он услышал гудение тетивы и крики Газа, призывавшего мостовиков бежать. Крики умирающих, и... и...

Каладин моргнул. Дверь замерла. Когда... когда это случилось? Он подождал несколько минут, вытирая пот со лба, затем отменил сплетение и приоткрыл дверь. Рядом стояли две корзины, певцов не было видно. Он глубоко вздохнул, затем расслабил пальцы, сжимающие скальпель, и спрятал его.

Наконец Сил вернулась.

– Они шли не к себе, – сообщила она, оживленно летая вокруг него в виде светящейся ленты и рисуя узоры в воздухе. – Они оставили даль-перья в комнате чуть дальше – их там десятки! Комнату охраняют две пожилые фемалены.

Каладин кивнул, глубоко дыша, борясь с усталостью.

– Ты... в порядке? – спросила Сил.

– В порядке. Выходит, ты нашла центральное хранилище даль-перьев. Логично, что они устроили такое в башне.

Содержание сотен даль-перьев – непростое дело, поэтому многие великие лорды и леди создавали центральные хранилища. Из разных мест – например, постов охраны вокруг башни – могли посылать отчеты в этот центр, где специальные работники выбирали важные сведения и отправляли вышестоящим чиновникам.

Певцы держали свои перья в центральных хранилищах, возвращали их туда после использования. Все было под контролем. Письмоводительницы не забирали эти штуковины домой. В такое хранилище будет не так просто забраться, как в чью-то спальню, но это открывало дополнительные возможности.

– Надо пройти мимо этого поста, – прошептал Каладин, пряча усталость.

– Есть кое-что еще, Каладин, – сказала Сил. – Посмотри за дверь, в туннель.

Нахмурившись, он сделал так, как она просила. Сперва ничего – а потом он увидел, как что-то мелькнуло в воздухе. Рябь, очертаниями похожая на красную молнию.

– Новый вид спренов пустоты, – сказал Каладин.

Те спрены, которых он уже видел, были похожи на молнии, бегущие по земле.

– На самом деле не новый, – ответила Сил. – Этот спрен должен быть невидим для людей, но что-то не так с его аурой. Он оставляет след, который я заметила, наблюдая за охранниками.

Любопытно. Значит, башня препятствовала невидимости спренов?

– Охранники смотрели на тебя, когда ты пролетала мимо?

– Нет, но они могли меня просто не заметить.

Каладин кивнул и еще немного понаблюдав. Спрен в дальнем конце коридора больше не появлялся.

– Думаю, стоит рискнуть и продолжить, – сказал он. – По крайней мере, мы поймем, если за нами кто-то будет шпионить.

– А как насчет караульного поста?

– Сомневаюсь, что мы сумеем его обойти. Все подступы к такому важному месту, как центральное хранилище даль-перьев, должны охраняться. Но во многих из этих комнат есть вентиляционные туннели. Может, нам удастся проскользнуть через какой-то из них?

Сил осторожно подвела его к перекрестку. Он выглянул направо, туда, где путь преграждали четверо охранников, по двое с каждой стороны коридора. С копьями, в алетийской форме с узлами на плечах. Каладин заметил вентиляционное отверстие поблизости, но слишком маленькое, чтобы он мог протиснуться.

Он и сам не раз стоял на страже. Если эти четверо хорошо обучены, их не удастся отвлечь с помощью простых уловок. Там, где требовалась хорошая охрана, часто ставили четверых стражей. Пока двое разбирались с причиной любого беспорядка, еще двое внимательно следили за окрестностями.

В таком узком коридоре и с такими внешне бдительными охранниками, как эти... Да, Каладин бывал в подобных ситуациях. Отвлекался лишь в тех случаях, когда старший по званию отправлял его на другое задание.

– Сил, – прошептал он. – Тебе все лучше удастся менять цвета. Как думаешь, ты могла бы стать похожей на спрена пустоты?

Стоя рядом с ним в воздухе, она склонила голову набок и сосредоточенно нахмурилась. Ее платье стало красным, но кожа – нет, хотя на самом деле и то и другое было ее частью. Странно.

– Думаю, это все, на что я способна.

– Тогда сотвори себе перчатки и прикрой лицо маской.

Она опять склонила голову набок, затем сменила одежду и завернулась в призрачную ткань. Та постепенно сменила цвет на темно-красный, и все ее тело как будто вспыхнуло изнутри.

Сил изучила свои руки.

– Думаешь, это их одурачит?

– Возможно, – сказал Каладин. Он вытащил из мешка веревку и сплетением прикрепил к стене. – Иди и прикажи всем четверым следовать за тобой, а потом веди их сюда, чтобы они посмотрели на это.

– Но... разве эта веревка не рискует вызвать еще больший переполох? Вдруг они отправятся за подкреплением?

– Нам нужен разумный повод, достаточный для того, чтобы рассердить спрена пустоты. Но я знаю, что такое стоять в карауле, и к тому же это обычные боеформы. Рядовые солдаты. Полагаю, когда они поймут, что опасности нет, просто решат, что надо доложить.

Он спрятался в боковом коридоре, а Сил полетела к караульному посту. Она не выглядела в точности как спрен пустоты, но была в достаточной степени похожа на него.

Она приблизилась к посту и заговорила громко, так что Каладину было слышно:

– Эй, вы! Я сердита! Я очень, очень сердита! Не стойте, как столбы! Вы разве ничего не видели?

– Светлость? – спросил один из них на языке аleti. – Э-э, Древняя? Нам надо...

– Сюда, сюда! Нет, все сразу. Идите и посмотрите! Прямо сейчас. Я действительно сердита! Разве не видно?

Каладин напряженно ждал. Сработает ли уловка? Даже когда Сил притворялась разгневанной, в ее голосе звучала некоторая дерзость. Для спрена пустоты она казалась слишком... живой.

Стражники последовали за Сил – и, как он и надеялся, светящаяся веревка на стене полностью завладела их вниманием. Каладин смог незаметно проскользнуть позади них, миновав пост.

В конце этого коридора была дверь, которая, по словам Сил, вела в комнату с даль-перьями. Каладин не осмеливался в нее войти; он шагнул бы прямо в центр бурной деятельности. Вместо этого он прокрался в меньший коридор справа – и здесь наконец смог передохнуть. Высоко на стене, под потолком, темная расщелина указывала на большую вентиляционную шахту. Может быть, достаточно широкую, чтобы он смог протиснуться...

Сил вернулась – опять бело-голубая и невидимая для всех, кроме Каладина.

– Они послали одного отчитаться, как ты и сказал. – Она заглянула в шахту в скале, которую нашел Каладин. – Что это такое?

«Вентиляция?» Он попытался обратиться к ней мысленно, чтобы не шуметь.

Сработало.

– Великовато для вентиляции, – проговорила Сил. – Это место такое странное.

С помощью двух щеток Каладин поднялся по стене и осмотрел расщелину. Сил залетела в темную шахту и устремилась к свету на другом конце. Каладин услышал, как разговаривают вернувшиеся охранники, но теперь он был за углом, вне поля зрения.

Эта вентиляционная шахта выглядела так, будто поворачивала к помещению с даль-перьями чуть левее. Она была достаточно широкой. По всей вероятности.

Сил взволнованно помахала рукой, и он протиснулся внутрь. Шахта была вполне просторной в ширину, но не слишком высокой. Пришлось подтягиваться с помощью щеток. Каладин переживал, что скребущие звуки его выдадут, но был вознагражден за усилия, когда слева в шахте появилось отверстие, ведущее в маленькую, хорошо освещенную комнату. Шахта, по которой он пробирался, пролежала в толстой стене между этой комнатой и тем, что находилось по другую сторону.

Это означало, что Каладин, оставаясь в укрытии, мог заглянуть внутрь через отверстие в верхней части стены. Даль-перья застыли на множестве страниц, ожидая донесений. Не было двух певич, которых он уже видел, – они доставили свое даль-перо и ушли с дежурства. Однако две другие фемалены в платьях с роскошной вышивкой следили за перьями, высматривали мигающие рубины, расставляли активные устройства по доскам с бумагой и складывали бездействующие на столе.

Сил влетела в комнату, и фемалены на нее не взглянули, – значит, она оставалась невидимой для них. Она начала читать поступающие отчеты. Открылась дверь, и вошел охранник с караульного поста, потребовал доложить его начальнику о том, что обнаружены следы Сияющего – именно такие, которые Преследователь приказал всем высматривать.

Возможно, у Каладина осталось мало времени до появления самой твари. Лучше действовать быстро. Когда стражник ушел, Каладин тихо развернулся в шахте, дотянулся до пояса и вытащил кусок веревки. Прямо под ним стоял стол с несколькими даль-перьями, а еще там был кожаный футляр, из которого торчали кончики.

Пришлось дожидаться подходящего момента. К счастью, кое-какие даль-перья начали мигать одновременно – и, должно быть, они были важными, потому что обе фемалены быстро

повернулись к ним, забыв про отчет солдата. Каладин сплел веревку с одной из своих щеток, а потом применил к плоской части щетки обратное сплетение, приказав ей притягивать к себе только определенные предметы – точнее, кожаный футляр.

Фемалены были так заняты, что Каладин почувствовал: пробил час. Он опустил щетку на веревке к столу. Когда щетка приблизилась, кожаный футляр двинулся по собственной воле и в конце концов прилип к ее плоской части.

С колотящимся сердцем, уверенный в том, что его вот-вот поймают, Каладин затянул добычу в вентиляцию. Даль-перья в футляре тихонько постукивали, но никто ничего не заметил.

Внутри оказался целый набор устройств – не меньше двадцати штук. Возможно, их только что доставили, потому что они все еще лежали попарно, обвязанные бечевкой. Рубины слабо мерцали, наполненные пустотным светом, и Каладин понадеялся, что они будут работать в башне.

Он убрал футляр в мешок. Затем подумал обо всей важной информации, которая, вероятно, передавалась через эту комнату. Сможет ли он стянуть еще что-нибудь?

Нет. Сегодня он уже достаточно рисковал. Он послал быструю мысль Сил и, извиваясь, попытлся назад через вентиляционную шахту. Сил прошмыгнула вперед и крикнула из коридора:

– Пусто!

Он выскользнул из дыры, ухватился пальцами за край и повисел мгновение, прежде чем тихо спрыгнуть с высоты в несколько футов на пол коридора. Снова выглянул в сторону сто-рожевого поста.

– И что теперь? – спросила Сил. – Хочешь, чтобы я снова прикинулась спреном пустоты?

Он кивнул. Была мысль попробовать другой путь, так как он боялся, что эти солдаты могут заподозрить уловку. Но он также знал, что однажды они попались на эту удочку, и знал прямой путь к периметру по этой тропинке. Так безопаснее.

Однако пока Сил готовилась, Каладин заметил что-то дальше по коридору, в стороне от охранников. Мигающий огонек. Он поднял руку, чтобы остановить Сил, затем указал в ту сторону.

– Что это? – спросила она, устремляясь к свету.

С осторожностью последовав за ней, он подошел к мерцающему гранатовому огоньку. Нахмурившись, Каладин прижал к нему руку.

– Светлость Навани? – спросил он.

«Нет, – раздалось в ответ. Голос был не мужской и не женский. – Ты мне нужен, Сияющий. Умоляю. Они нашли меня».

– Тебя?

«Один из узлов! Тех, которые меня защищают. Умоляю, защити его. Прошу тебя!»

– Откуда ты знаешь? Ты уже сказал об этом светлости Навани?

«Прошу!»

– Где? – спросил Каладин.

«Второй уровень, рядом с центральным атриумом. Я поведу тебя. Они поняли, что один из узлов должен располагаться снаружи, где его запас бурсвета будет постоянно обновляться. Они послали за ней. За Повелительницей боли. Она отнимет мой разум. Умоляю, Сияющий. Защити меня».

Сил зависла рядом.

– Что? – спросила она.

Каладин опустил руку. Он так устал.

Но сегодня усталость была непозволительной роскошью. Он должен быть Каладином Благословенным Бурей. Тем, кто сражается, невзирая ни на что.

– Надо найти оружие получше, – проговорил он. – И быстро.

59. Решетка растущего кристалла

Этот момент, касающийся эмоционального влияния ритма войны, будет представлять особый интерес для Эла.

Из «Ритма войны», с. 10

Каладин знал: есть шанс, что он совершает огромную ошибку. Он не понимал ни природы башни, ни того, что происходит с ней и Навани. Он очень рисковал, открывая себя.

Однако этот гранатовый свет спас его от когтей Преследователя. И прямо сейчас он услышал что-то в голосе спрена. Неподдельный испуг. Ужас в сочетании с мольбой о защите – такое Каладин не мог проигнорировать.

Он устал умственно и физически. На бегу за ним устремилась стайка спренов изнеможения, похожих на струи пыли. Хуже того, в последнее время всякий раз, когда он собирался взяться за оружие, в душе рождалась паника. За минувшие месяцы он приучил себя действовать, несмотря ни на что. Он положился на всплеск воодушевления, который испытал еще до того, как втянул бурсвет, и позволил этой силе, а не усталости управлять собой.

В конце концов, за все придется платить. Но сейчас он мог притвориться сильным. Притвориться, что опять стал солдатом.

Четверо стражников смотрели в другую сторону, так что Каладин, бежавший на полной скорости, почти добрался до них, прежде чем первый стражник обернулся. Каладин воспользовался шансом вспыхнуть силой, заработав еще долю секунды, когда стражник запаниковал и вытаращил глаза от страха.

Певец завопил. Каладин приблизился, вытянув руки перед собой и ожидая удара копья. Многие люди боятся, когда на них надвигается что-то острое, но пока хватало бурсвета, единственной реальной опасностью для Каладина было превосходство по числу и силе.

Певец сделал выпад, Каладин поймал копьё. Затем дернул, выбив противника из равновесия. Этому маневру его научил Хэв, который сказал, что его нужно выучить, но почти невозможно выполнить. Каладин добавил свой собственный нюанс: применил к древку полное сплетение, заставив его прилипнуть к рукам охранника. Потом он толкнул оружие в сторону и, развернувшись, приклеил его к копыю второго стражника.

Каладин схватил это копье, зарядил его тоже, а затем оставил обоих стражников прилипшими к своему оружию. Пока они вопили от неожиданности, Каладин держал древки скрепленных копий – по одному в каждой руке – и толкал их вверх так, чтобы наконечники ударились в потолок. Затем он плавно нырнул под возникшую арку, оставив двух певцов кричать и биться в безуспешных попытках высвободить оружие и руки.

Каладин врезался плечом в следующего певца, хлопнул его по спине и зарядил китель бурсветом. Толкнул третьего стражника на четвертого. Они свалились в кучу, переплетенные и слипшиеся. Каладин почти приплясывал на цыпочках, ожидая следующей атаки. Ее не было. Певцы остались там, где он их бросил, крича и ругаясь, не в силах сдвинуться с места.

Он пнул копье и поймал его в воздухе. «Здравствуй, старый друг. Наши пути все время пересекаются, верно?» Пожалуй, вовсе не о Тефтовой зависимости стоило беспокоиться. У Каладина вечно находилось оправдание, почему он опять должен взяться за оружие...

Да, именно этого он и боялся. Вот что заставляло его дрожать. Тревожащая мысль о том, что он так и не сможет отказаться от оружия насовсем.

Он сунул копье под мышку и побежал по туннелю. Мерцающий гранатовый свет появился на полу перед ним, двигаясь вдоль рисунка каменных слоев и указывая путь к лестнице впереди.

– Нет, – сказал Каладин, надеясь, что спрен башни его услышит. – Внизу будет пост охраны. Я уже слышу, как они отвечают на эти крики. Чтобы добраться до второго этажа, мы выйдем на балкон по периметру, спустимся снаружи, а затем направимся внутрь. Так мы сумеем сбросить любой хвост.

Спрен, казалось, услышал, потому что послал свет вдоль стены рядом с ним – напротив бело-голубой ленты Сил с другой стороны. Они добрались до балкона за считанные минуты, долю того времени, которое требовалось, чтобы прокрасться внутрь. Они находились на краю башни, но центральный атриум остался далеко на восточной стороне. По пути туда Каладину придется пересечь весь второй этаж.

Позади раздались крики – да, за ним и впрямь увязались преследователи. Он приклеил копье к рубашке, заполнив бурсветом часть древка, а потом размотал веревку на талии. Быстро сплел ее конец с перилами, одновременно запрыгивая на них, а потом шагнул наружу, сплетя другой конец с рубашкой на случай, если сорвется. Покрепче схватился за нее.

Его качнуло на веревке в сторону от башни, а потом – к балкону этажом ниже. Увы, квартира оказалась обитаемой. Отцепив веревку от перил, Каладин промчался сквозь чью-то комнату, перепрыгнул через обеденный стол. Миг спустя он был у входной двери, с копьем в руке. Он услышал доносящиеся со стороны балкона приглушенные вопли ярости: певцы поняли, что беглец ушел таким путем, которым они не могли его преследовать.

Здесь спрен башни нашел его и начал направлять. Рисунок слоев и кристаллические жилы не всегда шли прямо по коридорам, так что иногда огонек двигался по спирали, следуя текстуре камня. Если прямого пути не было, огонек исчезал, но всегда появлялся впереди, сиял на полу или на стене, торопя идти вперед.

Естественно, продвижение Каладина не могло остаться незамеченным. Поздний час уберегал его от опасности увязнуть в толпе, но так же лишал шанса, что внимание патрулей отвлечется на что-то другое. Каладин зарядил и бросил свое копье в пару стражников, которые выскочили в коридор впереди него, а затем подхватил одно из выроненных копий, пока они боролись и ругались, пытаясь отлепить его оружие от ладоней.

Со следующими справиться было уже не так просто. Он увидел, как они спешно готовятся к встрече на перекрестке, через который ему предстояло пройти или сделать долгий крюк. Каладин замедлил шаг, наблюдая, как они выстраиваются с сетями в руках. Первым его побуждением было побежать по стене и сбить их с толку – но, разумеется, у него больше не

было доступа к этой способности. Каладин подозревал, что пройдет много времени, прежде чем он внутренне осознает, что гравитационные сплетения больше не работают.

Он взял копье одной рукой, зажав тупой конец под мышкой, и кивнул Сил. Вместе они прорвали блокаду. У нескольких солдат были арбалеты, поэтому он зарядил стену свободной рукой. Когда арбалетки выстрелили, болты повернули к камню.

Группа с сетями держалась позади певцов с топорами. Оружие напомнило ему о паршенди, но певцы были одеты, как азиры, в разноцветные плащи, без драгоценных камней, вплетенных в маленские бороды.

Они знали, как бороться с Сияющими. Воины с топорами нагрянули, заставив его вступить в бой, а затем взлетели сети. Каладин отшвырнул одну копьем, но при этом открыл бок, куда и вонзился топор – для обычного солдата такая рана означала бы смерть.

Каладин освободился от топора, острая боль исчезла – бурсвет исцелил его, – но другая сеть взмыла над головой. Певцы были готовы поймать кого-то из соратников, лишь бы обездвигить Каладина в достаточной степени, чтобы начать его рубить.

Ощущая одиночество сильнее, чем когда-либо, Каладин увернулся от сети, отступив. Он хотел зарядить одну сеть, чтобы она прилипла к полу и сделалась бесполезной, но не смог наклониться и дотронуться до нее.

«Может, стоит разуться?»

Идея противоречила всем его тренировкам, но он и не сражался так, как когда-то. Нынче ушибленный палец на ноге заживал мгновенно – а возможность зарядить пол через ступни была бы огромным преимуществом.

Несколькими осторожными выпадами он вынудил певцов держаться на расстоянии, а затем отступил еще дальше, туда, где до него не достал бы бросок сети. Увы, эта группа наверняка должна была задержать его, пока не появятся Царственные и Сплавленные. У них получалось. Без осколочного клинка Каладину было далеко до былой неудержимости. Его оттеснили до следующего перекрестка.

– Каладин! – Сил зависла над его головой в виде светящейся ленты. – Налево.

Он мельком взглянул на мигающий гранатовый огонек на стене дальше по левому коридору. Что ж, он определенно не сумеет в ближайшее время пробиться через этих солдат. Он рванул к свету, и солдаты, благоразумно робеющие перед Сияющим, последовали за ним более осторожно. Это дало Каладину время пинком распахнуть дверь, следуя за светом, и войти в роскошную лавку стеклодувов.

Сперва показалось, что это тупик, но потом Каладин заметил в стене за прилавком самосвет. Он прыгнул туда, зарядил камень, и стена расступилась. Он скользнул в дыру и закрыл за собой фабриальную дверь.

За стеной оказалась другая, более просторная лавка, заполненная недоделанными портновскими манекенами. Каладин напугал ночного трудягу, тайленца с усами морехода и кудрявыми бровями. Тот уронил тесло, вскочил на ноги и хлопнул в ладоши.

– Светлорд Благословенный Бурей!

– Тихо, – сказал Каладин, пересекая комнату и приоткрывая дверь, чтобы выглянуть наружу. – Тебе нужно спрятаться. Когда они придут и спросят – ты меня не видел.

Коридор снаружи был пуст, и Каладин почти точно знал, где находится. Этот короткий путь полностью обошел блокаду. Он надеялся, что такой расклад собьет с толку солдат, когда они попытаются выследить его. Каладин двинулся было к двери, но столяр схватил его за руку:

– Сияющий, как же так? Как ты все еще сражаешься?

– Так же, как и ты. День за днем, думая только о следующем шаге. – Он взял столяра за запястье. – Не дай себя убить. Но и не теряй надежды.

Тайленец кивнул.

– Прячься, – сказал Каладин. – Они придут искать меня.

Он выскочил наружу и присоединился к Сил. Примерно через десять минут бега справа раздались крики, но никто не выскочил наперерез, – значит, понял Каладин, они решили, что он направился в сторону парадной лестницы, ведущей в подвал. Наверное, подумали, что Сияющий пытается освободить королеву или добраться до самосветной колонны.

Их ошибка позволила ему пробраться дальними тропами, не встречая никаких патрулей, пока он наконец не приблизился к атриуму. Ему удалось пересечь весь этаж, но теперь он так углубился в башню, что, по сути, оказался в окружении.

Свет привел его к северной стороне, через несколько жилых коридоров, где под дверями виднелся свет. Комнаты рядом с атриумом и его огромным окном пользовались спросом – здесь люди могли видеть солнечный свет, а сам атриум имел легкий доступ к лифтам и был в целом теплее, чем периметр.

Здесь было неестественно тихо – возможно, из-за комендантского часа. Каладин привык к тому, что в атриуме все время слышались разговоры людей и слабый лязг лифтов. Сегодня вокруг царила тишина. Он крался по указанному спреном маршруту, гадая, когда же наткнется на засаду. Несомненно, кто-то понял его замысел. Конечно, они будут...

Увидев впереди яркий свет, Каладин остановился посреди коридора. Он мог поклясться, что добрался до самого дальнего края башни, где находилось огромное стеклянное окно, выходящее на восток. Здесь не было комнат, и все же впереди и справа от него через какое-то отверстие проникал лунный свет.

Он медленно приблизился и обнаружил место, усыпанное щебнем. В стене взломали потайную дверь; заглянув в нее, Каладин увидел короткий туннель, выходящий в пустоту. Это и впрямь была восточная, плоская стена Уритиру. Потайной коридор, ведущий к горным просторам, выглядел старым.

Здесь обнаружился Преследователь – стоял вместе с еще одной Сплавленной и осматривал странное устройство в конце короткого коридора, у самой границы пустоты. Светящийся сапфир размером со светсердце ущельного демона, на постаменте. Механизм был покрыт кремом, поскольку пробыл здесь очень долго, и Сплавленным пришлось взломать корку грязи, чтобы добраться до самосвета.

Каладин сообразил, что происходит. Как следовало из сбивчивых объяснений Сородича, узел для защиты башни поместили там, где он мог естественным образом подзаряжаться от Великих бурь, когда они достигали этой высоты. Незнакомая Сплавленная была рослой фемаленой с пучком красно-оранжевых волос на макушке. На ней было практичное боевое снаряжение, кожа и ткань; заложив руки за спину, она рассматривала сапфир.

Вторым, как он уже заметил, был Преследователь. Громадная гора хитина и темно-коричневой ткани, светящиеся красным глаза. Все сферы были извлечены из фонарей в коридоре позади Каладина, так что единственным источником света оставался сапфир.

Они заметили Каладина.

– Видишь? – сказала фемалена по-алетийски. – Я же говорила, что он придет. Я держу свои обещания. Преследователь, он твой.

Красные глаза сфокусировались на Каладине, затем потемнели, и из центра массы Преследователя вырвалась лента алого света. Тело – отброшенная оболочка – рухнуло на пол. Каладин поднял копье, прикидывая, куда приземлится Преследователь. Он действовал инстинктивно, надеясь поймать Сплавленного в миг материализации.

На этот раз, однако, лента Преследователя несколько раз дернулась и описала петлю, сбивая Каладина с толку. Он сделал еще один выпад, но промахнулся – Преследователь оказался сбоку от копья. Существо бросилось на Каладина, и тот отпрянул в темный коридор за пределами туннеля.

Существо шагнуло в разбитый дверной проем. Каладин зарядил копье бурсветом и бросил его в Преследователя – тот рефлекторно поймал оружие. Его ладони приклеились к древку,

а Каладин прыгнул вперед и толкнул Сплавленного, заставив его отступить. Копье застряло, упревшись концами по обе стороны проема.

Каладин отскочил, оставив частично обездвиженного врага за неловкими попытками освободиться. Затем, конечно, Преследователь просто отбросил это тело, как шелуху, и полетел вперед светящейся лентой. Каладин выругался. Он был слишком неопытен в таких боях – и с подобным противником. То, что действовало на простых солдат, в такой ситуации оказывалось бесполезно. Он рванулся, чтобы схватить свое копье, но оно оказалось погребенным под разваливающейся оболочкой.

Материализовавшись прямо за спиной Каладина, Преследователь схватил его мощными руками и не позволил дотянуться до копья. В любом случае это оружие не годилось для такой схватки. У Преследователя отлично получалось сокращать дистанцию.

Каладин извивался, пытаясь вырваться, но Преследователь стиснул его безжалостным захватом, прочно обездвижив обе руки. Затем существо, используя свой превосходящий вес, вынудило Каладина упасть на колени.

Преследователь не пытался задушить его. Существо даже не схватило одной рукой нож, как во время предыдущей схватки. Все, что требовалось от Преследователя, – держать Каладина в неподвижности, пока не кончится его буресвет. Они были глубоко внутри башни, окруженные певцами и Сплавленными. Чем дольше продлится этот бой, тем хуже для Каладина.

Он боролся, пытался вырваться. Преследователь наклонился и заговорил с сильным акцентом:

– Я убью тебя. Это мое право. Я убил каждого человека или певца, кто когда-либо убивал меня.

Каладин попробовал откатиться вместе с Преследователем в сторону, но тот удержал и себя, и его на месте.

– Никто никогда не побеждал меня дважды, – прошептало существо. – Но если бы тебе каким-то образом удалось совершить такой подвиг, я бы продолжал приходить. Мы больше не привязаны к Брейзу в конце войны, и я бессмертен. Я могу следовать за тобой вечно. Я как спрен мести.

Каладин попытался зарядить противника светом, как сделал бы для гравитационного сплетения. Свет сопротивлялся, и неудивительно. Сплавленные обладали собственными силами, и по какой-то причине это затрудняло их зарядку.

Поэтому он вместо этого потянулся и провел рукой по полу, заряжая камень. Под воздействием сплетения ноги Преследователя прилипли, как и ботинки Каладина.

– Сдавайся, – сказал Преследователь. – Умри, это твое право. Тебе не суждено спокойно спать, Сияющая тля. Я всегда буду приходить, всегда буду охотиться за тобой. Неотвратимо, как буря. Я...

– Отпусти его! – раздался строгий голос, и красный спрен метнулся по полу. – Прямо сейчас! Он нам нужен. Ты можешь убить его потом!

Преследователь ослабил хватку, возможно ошеломленный приказом спрена пустоты. Каладин ударил Преследователя локтем в подбородок – ощущение было такое, словно это его стукнули по локтю молотком, – заставляя существо разжать руки. Это позволило Каладину броситься вперед и восстановить немного буресвета, коснувшись пола, который, в свою очередь, освободил его ноги. Он неуклюже отскочил, оставив на полу достаточно света, чтобы удержать Преследователя на месте.

Существо сосредоточилось на Сил.

– Для спрена чести ты хорошая лгунья...

Его тело рассыпалось, лента исчезла за углом. Как и прежде, Сплавленный нуждался в отдыхе после того, как покинул третье тело.

Каладин подозревал, что, если Преследователь сотворит четвертое тело, ему уже не хватит пустосвета для бегства. Возможно, именно так его можно прикончить: заперев в четвертом теле. Либо застать врасплох и убить прежде, чем он успеет катапультироваться, что Каладин уже сделал однажды.

– Спасибо, – сказал Каладин, когда к Сил вернулся обычный цвет.

Он схватил свое копьё, затем оглянулся. Несколько человек выглядывали из комнат, наблюдая за боем. Он махнул им, чтобы закрыли двери, затем перепрыгнул через обломки и бросился к Сплавленной в конце секретного туннеля.

Подойдя ближе, он заметил стеклянный шар, около шести дюймов в диаметре, в небольшой нише в стене рядом с самосветом. Сначала он подумал, что это какой-то светильник, но тот был обмотан металлическими проводами, как фабриаль. Это еще что за штука?

У него не было времени разглядывать устройство дальше, потому что Сплавленная прижала руку к сапфиру. Свет камня начал угасать.

«Она искажает суть башни, – подумал Каладин, – используя эту штуку как проводник, чтобы прикоснуться к Сородичу».

Он направил на фемалену копьё.

Сплавленная остановилась, повернулась к нему и смерила взглядом.

– Преследователь не лжет, – сказала она на языке аleti с акцентом. – Он будет охотиться за тобой вечно. Вопреки здравому смыслу и долгу.

– Отойди от самосвета, – сказал Каладин.

– Он скоро вернется, – продолжила она. – Тебе следует бежать. Он поместил самосветы с пустотным светом в тайники поблизости, чтобы зарядиться и создать новые тела.

– Я сказал, отойди.

– Ты ветробегун. Ты не причинишь мне вреда, если я не представляю угрозы.

– Прикосновение к этому самосвету делает тебя угрозой. Отойди.

Она подчинилась – и подошла к нему, сцепив руки за спиной.

– Как думаешь, что позволяет тебе продолжать использовать свои силы? Признаюсь, ветробегуны меня всегда тревожили. Говорят, ваши потоки ближе всего к Чести.

Каладин сжал копьё, не зная, что делать. Заколоть ее? Он должен защитить самосвет.

«Или уничтожить», – пришло ему в голову. Шквал, это ослабит щит, установленный Навани... И если враг нашел это устройство так быстро, сколько времени пройдет, прежде чем обнаружат остальные? Он взглянул на сидящую у него на плече Сил, и она покачала головой. Тоже не знала, что делать.

– А, – проговорила Сплавленная. – Он вернулся. Ну что ж, продолжайте.

Каладин рискнул оглянуться и выругался, увидев приближающуюся кроваво-красную ленту. Приняв поспешное решение, Каладин бросил копьё и вытащил скальпель. Затем быстро разрезал шнурки на ботинках.

Преследователь возник в туннеле и попытался схватить Каладина, но тот согнулся, уходя от захвата, и зарядил камень под ногами полным сплетением. Затем он прыгнул вперед и в сторону от Преследователя, оставив ботинки прилипшими. Сплавленный не удержался и приземлился на пол – а тот поймал его в ловушку.

Выставив скальпель, Каладин босиком отступил по обломкам потайной двери. Преследователь сверлил его взглядом, не в силах сойти с места. Потом Сплавленный ухмыльнулся и, бросив свое тело, устремился к Каладину.

Каладин проник через дыру во внешний коридор и опять зарядил пол, потратив много буресвета. Ему удалось увернуться от следующей атаки Преследователя, а тот опять оказался приклеенным к полу. Но теперь Каладин не мог шагнуть вперед и вернуть использованный свет – он оказался бы в пределах досягаемости Сплавленного.

Его запасы бурсвета почти иссякли, и Преследователь явно это понял. Существо покинуло второе тело, а первое уже начало рассыпаться. Когда Каладин прыгнул вперед, чтобы попытаться вернуть свой свет, Преследователь бросился на него светящейся лентой – как щелкающий зубами небесный угорь, – и Каладин отступил.

Они устали друг на друга в темном коридоре. Преследователь мог создать еще только одно тело, прежде чем ему понадобится обновить свой пустосвет, или рискнуть сражаться в четвертом теле и, возможно, быть убитым. Но у Каладина тоже осталось мало света – и у него не было быстрого способа получить больше.

Шквал. Сплавленная фемалена вернулась к самосвету и снова что-то с ним делала.

– Каладин, мы должны уничтожить его, – прошептала Сил.

Она была права. Он не мог защитить это место в одиночку. Оставалось только надеяться, что остальные узлы лучше спрятаны. Хотя... как можно что-то спрятать лучше, чем в середине стены?

Каладин глубоко вздохнул и бросился вперед, чтобы заставить Преследователя материализоваться. Сплавленный так и сделал – но только после того, как снова оказался в центре второго круга бурсвета, образованного Каладином. Это позволило существу воплотиться, стоя на остатках его второй оболочки, которая прилипла к заряженному участку пола.

Сплавленный низко пригнулся, вытянув руки и готовый схватить Каладина, если тот попытается пробежать мимо. Каладин был вынужден отступить.

«Я не могу позволить себе сражаться с ним так, как он хочет, – подумал Каладин. – Если он меня схватит, я окажусь в ловушке».

В прошлый раз Каладину удалось убить Преследователя, сыграв на его предубеждениях. Но теперь существо не повторяло своих ошибок, хотя по-прежнему было очень самоуверенным.

«Используй это. Пусть он победит сам себя».

Каладин повернулся и побежал в противоположном направлении.

Преследователь расхохотался позади:

– Правильно, человек! Беги! Теперь ты понял! Беги, и тебя будут преследовать.

Сил помчалась рядом с Каладином:

– Какой у нас план?

– Его зовут Преследователь. Он любит погоню. Когда мы делали то, чего не должны были делать люди, – пытались бороться с ним, – он был осмотрителен и осторожен. Теперь мы убегаем. Он может стать небрежным. Но он не покинет это третье тело, пока мы не отойдем достаточно далеко, чтобы он убедился, что мы не вернемся и не нападём на Сплавленную. Иди и предупреди меня, когда он это сделает.

– Точно.

Она бросилась назад.

Каладин несколько раз свернул по коридору, затем сказал:

– Спрен башни, ты мне нужен!

Гранатовый огонек впереди начал быстро мигать, как будто встревоженный.

Каладин подбежал к нему, и Сил метнулась обратно.

– Преследователь заряжается, но он не оставил фабриаль без присмотра! Он получает пустосвет от Сплавленной.

Каладин кивнул и прижал руку к стене. Спрен башни затараторил в его голове:

«Она-убивает-меня-она-убивает-меня-она-убивает-меня. Останови-останови-ее!»

– Я пытаюсь, – сказал Каладин.

Он достал несколько камней, а затем влил в них остатки бурсвета.

– Я не уверен, что смогу снова победить этого монстра. Не имея отряда на поле боя. Он слишком хорошо сражается один на один. Так что мне нужна еще одна потайная комната. С единственным выходом – и с дверью, которая будет быстро открываться и закрываться.

«Собираешься спрятаться?! – истерично воскликнул Сородич. – Ты не можешь...»

– Я не брошу тебя, но ты должен помочь. У нас не так много времени. Пожалуйста.

– Каладин! – крикнула Сил. – Он идет!

Каладин выругался, оставив Сородича и бросившись к перекрестку в темных коридорах впереди.

– Пригнись! – предупредила Сил.

Каладин пригнулся, тем самым избежав хватки Преследователя, когда тот материализовался. Когда Каладин метнулся в другую сторону, существо снова попыталось его схватить, сбросив оболочку и помчавшись вперед.

Пытаясь сыграть роль испуганной жертвы, Каладин повернулся и побежал в другую сторону – хотя ему очень не хотелось поворачиваться спиной к этому существу. Он почти ощущал его руки на своей шее...

Когда он мчался по коридору, люди, наблюдавшие за ним, захлопнули двери. Позади захохотал Преследователь. Да, он понимал этот вид борьбы. Ему это нравилось.

– Беги! Беги, человечек!

Впереди вспыхнул гранатовый свет, а затем двинулся по боковому коридору. Каладин поспешил в ту сторону, когда Сил предупредила его о приближении Преследователя. К счастью, гранатовый огонек двинулся вверх по стене прямо впереди, затем вспыхнул, открывая самосвет, спрятанный в скале. Каладин втянул свет одной из своих сфер и наполнил камень, заставив дверь приоткрыться. Она работала быстрее, чем предыдущие, как он и просил.

– Он уже почти здесь! – воскликнула Сил.

– Как только я войду, – прошептал Каладин спрену башни, – прикрой дверь. И зафиксируй.

Он оглянулся: красный огонек быстро приближался. Сделав глубокий вдох, Каладин нырнул в некогда скрытый дверной проем. Как он и просил, дверь тут же начала закрываться. Каладин повернулся лицом наружу, с тревогой вытаскивая скальпель. Он сделал вид, что собирается стоять и драться.

«Снова вцепись мне в спину, как делал это раньше. Пожалуйста».

Лента заплескала у него над головой. Каладин прыгнул вперед, протискиваясь сквозь почти закрывшуюся дверь, как раз в тот момент, когда Преследователь появился в комнате позади него.

Каладин рухнул лицом вперед и неуклюже вскочил. За его спиной с глухим стуком закрылась дверь. Он ждал, сердце бешено колотилось в груди; он повернулся и посмотрел на дверь. Достаточно ли мала лента Преследователя, чтобы протиснуться сквозь щель? Эти потайные двери запечатывались так плотно, что их почти невозможно было увидеть снаружи. Сил имела физическую форму ленты. Он предположил, что к Преследователю применимы те же правила, что и к ней.

Сил опустилась рядом с ним, приняв облик молодой женщины в темно-синей униформе Четвертого моста.

Тишина. Затем последовал яростный вопль, почти полностью приглушенный камнем, вставшим между ними. Каладин ухмыльнулся, выпрямляясь. Ему показалось, что он услышал крик Преследователя: «Трус!»

Он отсалютовал закрытой двери, затем повернулся и побежал обратно тем же путем. И снова ему пришлось шипеть на людей, чтобы они закрыли двери и держались подальше. Где же их инстинкт самосохранения?

При виде его в их глазах светилась надежда. По лицам он понял, почему горожане должны видеть это, невзирая на опасность. Они думали, что все покорены и подчинены, но в Уритиру был Сияющий. К тому моменту, когда он наконец достиг скрытого туннеля, их надежды навалились на Каладина тяжким грузом. Фемалена с пучком волос на макушке стояла с сосредоточенным видом, прижав ладонь к сапфиру.

Казалось, она не собирается повредить камень. В другой руке у нее был большой бриллиант, и она, поднеся его к сапфиру, переносила свет. Как будто бы бурсвет, но слегка неправильного оттенка...

Каладин подобрал с пола кусок стены. Бока обломка были гладко срезаны – кто-то поработал осколочном клинком. Он прыгнул вперед и толкнул Сплавленную, пытаясь сбросить ее с уступа. Это заставило ее вскрикнуть и прервать транс, но при этом она успела схватиться за выступающий камень и не вывалилась наружу.

Прежде чем она успела что-то предпринять, Каладин ударил обломком по самосвету и расколол его. Этого было достаточно – треснувшие самосветы не могли удерживать бурсвет, – но он ударил еще несколько раз на всякий случай, выбил сапфир из корпуса и швырнул в пропасть.

Камень исчез в темноте, упал с отвесного утеса к скалам в сотнях футов вниз. Каладин что-то почувствовал, когда самосвет вырвался из оправы. Как будто тьма в башне сгустилась – или, возможно, он только сейчас осознал результаты недавней попытки Сплавленной погубить Сородича.

Дело сделано. Каладин перевел дух и попятился, но как раз в этот момент – бурсвет догорал, запас сил подходил к концу, тьма нарастала – его настигла слабость. Перед глазами все поплыло от невыносимой усталости, и он потянулся к стене, чтобы не упасть.

Перед ним шевельнулась тень, и он заставил себя насторожиться – но не раньше, чем Сплавленная с пучком волос успела вонзить нож ему в грудь. Он тут же почувствовал острую боль и выхватил скальпель, но Сплавленная отпрыгнула назад, не дав ему нанести удар.

Каладин пошатнулся, истекая кровью, спрен боли вырос на каменном полу. Он втянул в себя остатки бурсвета и прижал руку к ране. Шквал. Его разум... был затуманен. И темнота казалась такой сильной...

Однако Сплавленная, казалось, не стремилась его добить. Она спрятала нож и сплела пальцы перед собой, наблюдая за Сияющим. Странно, но он заметил, что стеклянный шар, который был в маленькой каменной нише, исчез. Куда его подевала эта певица?

– Ты продолжаешь исцеляться, – заметила она. – И пользуешься потоком Адгезии. Но при этом остаешься прикованным к земле, – значит, Гравитация тебе больше не подчиняется. Выходит, все дело в гибридных силах? Тех, которые ваш вид часто использует, чтобы направлять стрелы в полете?

Каладин не ответил. Он сжал скальпель, ожидая исцеления. Боль не отступала. Заживление шло медленнее обычного.

– Что ты со мной сделала? – прохрипел он. – Этот клинок был отравлен?

– Нет, я просто хотела посмотреть, как ты исцеляешься. Процесс идет вяло, да? Хм...

Ему не понравился ее взгляд, пронизательный и заинтересованный, – взгляд врача, который готовился вскрыть труп. Ее как будто не волновало, что Каладин уничтожил шанс извратить башню. Наверное, он всего лишь отодвинул конечную цель во времени.

Он поднял скальпель, ожидая, пока заживет шквальная рана. Это происходило очень медленно.

– Если ты убьешь меня, – заметила Сплавленная, – я просто вернусь. Выберу самого невинного из певцов башни. Какую-нибудь мать – возможно, с ребенком, достаточно взрослым, чтобы осознать боль утраты, но все еще неспособным понять, почему мать теперь его отвергает.

Каладин невольно зарычал и шагнул вперед.

– Да, – сказала фемалена. – Истинный ветробегун, вплоть до самого светсердца. Прелестно. У вас не было преемственности спренов или традиций древних, как меня убедили. И все-таки те же установки, те же структуры возникли естественным образом, подобно решетке растущего кристалла.

Каладин снова зарычал, скользнув в сторону к брошенным копью и ботинкам.

– Ты должен идти, – сказала Сплавленная. – Если ты снова убил Преследователя, это вызовет переполох среди моих сородичей. Сдается мне, такого еще не случалось. Как бы то ни было, Сплавленные и Царственные идут сюда, чтобы присоединиться к нам и закончить его работу. Ты успеешь сбежать от них, если уйдешь сейчас.

Каладин застыл в нерешительности. Его инстинкты говорили, что он должен сделать противоположное тому, что говорит эта женщина, из принципа. Но он передумал и побежал по лабиринту коридоров – как же болело в боку! – доверяя башне и Сил, чтобы они вывели его в безопасное место.

60. Эссай

О ком вы говорите? Вы не использовали никакого титула, так что я предполагаю, что это не Сплавленный. Кто же тогда этот Эл?

Из «Ритма войны», примечание к с. 10

Когда Венли увидела Рлайна в тюремной камере, она почувствовала, как все ритмы замерли. Это было похоже на тишину после крещендо.

В наступившей тишине Венли наконец-то поверила в то, что сказала ей Мазиш. Весь Рошар преобразился. Венли больше не была последней. Ей показалось, что она слышит нечто, превосходящее ритмы. Единственную чистую ноту.

Рлайн взглянул на нее сквозь прутья решетки и усмехнулся.

Мгновение покоя миновало. Похоже, он перенял некоторые человеческие выражения. Узнал ли он ее в этом обличье? Узоры на ее коже были такими же, но они с Рлайном никогда не были близки. Скорее всего, он видел только незнакомую Царственную.

Венли отошла, минуя пустые камеры с решетками на дверях. Это было на следующий день после инцидента с Благословенным Бурей и разрушением узла. Венли как раз собиралась навестить Рлайна, когда события заставили ее поспешить к хозяйке.

Венли предполагала, что Рабонизель будет в ярости, но Повелительница желаний восприняла инцидент как должное, что вызывало любопытство. Казалось, Рабонизель позабавилась. Она что-то скрывала относительно своих мотивов. Или не хотела, чтобы перемены в башне происходили слишком быстро.

Во всяком случае, разбираться с последствиями пришлось Венли, которая до поздней ночи переводила для разных Сплавленных. Лишь этим утром она смогла вырваться и пойти проверить, что сказала ей Мазиш.

Рлайн. Живой.

Возле двери Венли встретила с главным тюремщиком: Царственным в жутьформе, с гребнем из шипов, переходящих с головы на шею.

– Я и не знала, что у нас есть тюрьма, – тихо сказала она ему в ритме безразличия.

– Ее построили люди, – ответил он в том же ритме. – Я допросил некоторых здешних рабочих. Говорят, тут держали убийцу.

– Того самого?

– Да. Он исчез прямо перед тем, как появились мы.

– Он должен был потерять сознание.

– Ну, этого не произошло – и его больше никто не видел.

– Ты должен был сказать мне об этом раньше, – упрекнула Венли. – Госпожа считает, что некоторые Сияющие все еще могут функционировать. Возможно, этот где-то бродит, готовится убивать.

Жутьформа запела в ритме смущения:

– Ну, мы готовили это место на случай, если понадобится запереть Царственного с надлежащими удобствами. У нас есть большая тюрьма для пленных людей. Я решил, что это будет хорошее место для твоего приятеля, пока с ним не разберутся официально.

Венли окинула взглядом зал пустых камер, освещенных топазовыми фонарями на потолке. Они окрашивали комнату в теплые коричневатые тона, напоминающие кремный камень.

– Почему вы его заперли?

– Он эссай, – ответила жутьформа в ритме насмешки.

Древнее слово, которое они переняли у Сплавленных, означало что-то вроде «человечий прихвостень», хотя переводческий дар Венли подсказывал, что слово переводится как «воло-сатый».

– Он был шпионом, которого мои люди послали следить за людьми.

– Значит, он предал вас, – ответила жутьформа. – Он утверждает, что люди удерживали его против воли, но не потребовалось много расспросов, чтобы узнать правду. Он дружил с Сияющими – был их слугой или кем-то в этом роде. Мог уйти в любой момент, но остался. Наверное, понравилось быть рабом.

Тюремщик перешел на редко используемый ритм казней.

– Я поговорю с ним, – сказала Венли. – Без свидетелей.

Жутьформа уставилась на нее, вызывая напевая в ритме разрушения. Венли ответила тем же – будучи Голосом Рабониэли, по своему положению она превосходила тюремщика.

– Я сообщу Повелительнице желаний, – пригрозил он наконец, – о твоём поступке.

– Как угодно, – сказала Венли и демонстративно подождала, пока он выйдет и закроет за собой дверь.

По привычке она заглянула в Шейдсмар, хотя уже знала, что спрены пустоты не могут быть невидимыми в башне. С инстинктом не поспоришь. И она...

Стоп. За ней следили.

Спрен пустоты прятался в теле кремлеца. Большинство спренов могли входить в тела, хоть и не умели проникать сквозь другие твердые объекты. Венли не слишком хорошо разбиралась в видах спренов пустоты, но этот, похоже, сообразил, что не может прятаться в башне старым способом, – и придумал новый, чтобы остаться невидимым.

Она настроилась на ритм тревоги, и Тимбре запела в унисон. Спрен следит за ней или за Рлайном? Не сделала ли она в последнее время чего-нибудь такого, что могло бы ее выдать?

С невозмутимым видом, притворяясь погруженной в раздумья, она неспешно вошла в камеру. Затем как будто впервые заметила кремлеца и прогнала его. Существо проползло вниз по стене и скрылось под дверью. Венли заглянула в Шейдсмар и увидела, как спрен пустоты – сквозь сотни переливов многоцветья, из которых состоял Уритиру, – удаляется вместе с искоркой, которая представляла собой кремлеца.

Это заставило ее нервничать настолько, что она несколько раз прошлась по комнате – и снова проверила Шейдсмар, – прежде чем наконец заставила себя повернуться к решетке.

– Рлайн.

Он поднял на нее глаза. Потом нахмурился и встал.

– Это я, – сказала она в ритме покоя, перейдя ради дополнительной секретности на язык слушателей. – Венли.

Он шагнул ближе к решетке, впился взглядом в ее лицо. Запел в ритме воспоминаний:

– Я думал, всех слушателей убили.

– Не всех, а большинство. Рлайн, как ты здесь оказался? Последнее, что мы о тебе узнали: человеки обнаружили тебя в военных лагерях и казнили!

– Меня... не обнаружили, – сказал Рлайн.

Он говорил в ритме любопытства, но язык тела – он действительно перенял некоторые человеческие особенности – выдавал его истинные чувства. Он явно ей не доверял.

– Меня сделали примером, объектом эксперимента. Отправили в бригаду мостовиков. Не думаю, чтобы кто-нибудь заподозрил во мне шпиона. Они просто думали, что я слишком умен для паршуна.

– Ты все это время жил среди них? Этот охранник говорит, что ты эсс... сочувствующий человекам. Я не могу поверить, что ты жив, и я не...

Язык подвел Венли, и она застыла, напевая в ритме утраты и чувствуя себя идиоткой. Тимбре запела в том же ритме, и это немного помогло.

Рлайн внимательно посмотрел на нее. Он, наверное, слышал, что формы власти меняют личность... шквал, да они же всегда это знали. Знали, что такие формы опасны.

– Рлайн, – тихо сказала она. – Я – это я. По-настоящему. Эта форма не... изменила меня, как буреформа изменила остальных.

Тимбре затрепетала. Скажи ему правду. Покажи ему, кто ты.

Венли сжалась внутри. Нет, она не могла.

– А остальные? – спросил он с надеждой. – Ремала? Эшонай? Мы думаем, она сражалась с Адолином. Ты не знаешь... если она...

– Я сама видела труп моей сестры на дне ущелья, – сказала Венли в ритме боли. – Кроме меня, больше никого не осталось. Он... Вражда забрал их и превратил в Сплавленных. Он оставил меня, потому что хотел, чтобы я рассказывала истории о нашем народе, вдохновляла новоиспеченных певцов. Но я думаю, что он боялся нас как группы. Потому и уничтожил.

Она снова запела в ритме утраты. Рлайн в конце концов присоединился к ней и шагнул вперед, пока не оказался прямо у решетки.

– Прости, Венли, – наконец сказал он. – Должно быть, это было ужасно.

«Он не знает, – поняла Венли, – что это все из-за меня. Да и откуда ему знать? Он был среди человеков. Для него я просто... еще одна выжившая».

Эта мысль привела ее в растерянность.

– Ты должна освободить меня, – продолжил Рлайн. – Я надеялся, что мою историю примут, но меня слишком хорошо знают в Уритиру. Трудно не заметить единственного «паршуна».

– Я посмотрю, что можно сделать, – сказала Венли в ритме примирения. – Стражники мне не доверяют – многие мне не доверяют, – а разговор с тобой только усугубит ситуацию. Если я тебя вытащу, как ты поступишь? Ты ведь не доставишь мне неприятностей, правда?

Он нахмурился, потом загудел в ритме раздражения.

– Ты действительно сочувствуешь человекам, – сказала Венли.

– Они мои друзья, – отрезал он. – А теперь – и семья. Они не идеальны, Венли, но если мы хотим победить Вражду, они нам понадобятся. Нам понадобится эта башня.

– А мы хотим победить Вражду? Рлайн, многим нравится, как идут дела. У нас есть своя страна – не несколько лачуг в сельском захолустье, а настоящая страна с городами, дорогами и прочими сооружениями. Стоит заметить, почти всё строили поработанные певцы. После всего, что сделали человеки, они не заслуживают нашей преданности или даже союзничества.

Рлайн не сразу возразил. Вместо этого он загудел в ритме напряжения.

– Мы оказались в буквальном смысле между двумя бурями, – наконец сказал он. – Но если я собираюсь выбрать одну из них, Венли, я выберу Великую. Когда-то это была наша буря. Спрены были нашими союзниками. И да, человеки пытались эксплуатировать слушателей, а затем пытались уничтожить нас – но получилось это у Сплавленных. Вражда погубил наш народ. Я не собираюсь служить ему. Я...

Он замолчал, возможно осознав, что говорит. Он попытался начать разговор уклончиво, явно обеспокоенный тем, что она агент Вражды. Теперь он окончательно выдал свои устремления. Он посмотрел на нее, и его напев затих. Он ждал.

– Не знаю, можно ли чего-нибудь добиться, сражаясь с ним, Рлайн, – прошептала Венли. – Но я... у меня есть секреты от Вражды. Я пыталась создать что-то неподвластное ему, найти тех, с кем... ну, я не знаю. Можно было бы воссоздать слушателей.

Она пыталась на свой жалкий лад исправить содеянное.

– Сколько их? – спросил Рлайн в ритме волнения.

– Пока дюжина. Моими стараниями они присматривают за павшими Сияющими. В башне у меня есть кое-какая власть, но я не знаю, как далеко она простирается. Это сложно. У разных Сплавленных разные мотивы, и я запуталась в этой паутине. Я помогла спасти нескольких человеков, которых собирались казнить, но в союзе с этим племенем как таковым я не заинтересована.

– Кого ты спасла? Королеву?

– Нет, это не столь важные особы. Лекарь и его жена, которые...

– Лирин и Хесина? – перебил он в ритме волнения. – И их мальчик, надеюсь.

– Да. Откуда ты...

– Венли, ты должна меня вытащить! – снова перебил Рлайн. – И устрой мне встречу с Хесиной. У меня есть для нее кое-что полезное – и для тебя, если решишь помочь.

– Я пыталась тебе сказать, – прошептала Венли, оглядываясь на дверь. – У меня есть кое-какие полномочия, но многие мне не доверяют. Не знаю, смогу ли я освободить тебя. Это может привлечь ко мне слишком много внимания.

– Венли, – сказал он в ритме доверия, – посмотри на меня.

Она встретила с ним взглядом. Неужели он всегда был таким пылким? Эшонай знала его лучше, чем она.

– Ты должна это сделать, – сказал ей Рлайн. – Ты должна использовать все свое влияние и вытащить меня.

– Я не знаю, если...

– Венли, перестань быть такой невыносимой эгоисткой! Сделай что-нибудь против своих собственных интересов, ради общего блага, хоть раз в своей шквальной жизни!

Она загудела в ритме предательства. Такого она не заслужила. Она только что рассказала ему, как пытается восстановить племя слушателей. Но он запел громче в ритме уверенности, поэтому Венли пришлось подстроиться.

– Я постараюсь, – сказала она.

Хотя Рабониэль часто проводила время у самосветной колонны – или с человеческими учеными в соседних покоях, – Повелительница желаний дала понять, что сегодня у нее другие планы. Расспросив остальных, Венли выяснила, что госпожа по какой-то причине находится в бывших комнатах Черного Шипа.

В этих помещениях Венли застала необычное количество Сплавленных: они методично перебирали вещи военачальника, составляя опись, делая пометки и упаковывая. Пройдя дальше, Венли обнаружила ящик с носками: каждая пара записана и тщательно уложена.

Они складывали все его вещи на хранение, но почему Сплавленные посвятили себя такой обыденной работе? Более того, они были высокопоставленными Сплавленными, ни одного

сумасброда или безумца. Даже Лешви привлекли, и всё вместе это означало, что происходит нечто важное: кто-то очень высоко в певческой иерархии интересовался этим человеком. До такой степени, что ему захотелось препарировать и понять каждую его вещь, даже самую банальную.

Венли обошла комнату по периметру, стараясь держаться подальше от широких дверей или окон на балкон. Они были зашторены – в дневное время действовали строгие правила. Никто из певцов не должен был показываться снаружи, чтобы случайно не открыть правду разведчикам-ветробегунам.

В дверях спальни она обнаружила двух незнакомых ей человек, наблюдавших за происходящим внутри. Там Рабониэль разговаривала с третьим человеком. Высокий мужчина был одет в плащ и брюки, которые показались Венли элегантными, хотя она мало смыслила в моде. Еще более поразительным было странное существо на его плече, не похожее ни на одно из виденных Венли. Оно стояло на двух ногах, как человек или певец, хотя его «лицо» заканчивалось клювом и у него была ярко окрашенная чешуя, которая выглядела... мягкой. Когда Венли вошла, существо повернулось и уставилось на нее ясными и пугающе умными глазами.

Повелительница желаний с безучастным лицом сидела в кресле у кровати, рядом с ней лежали стопки бумаг и книг.

Кто был этот человек и почему Рабониэль приостановила свои исследования, чтобы дать ему аудиенцию? Повелительница обычно игнорировала просьбы человек и даже велела выпороть нескольких «важных», когда они требовали разговора с ней. Еще более любопытным оказалось лицо мужчины, которое Венли разглядела, когда обошла комнату вдоль стен: оно было покрыто шрамами и по контрасту с прекрасной одеждой выглядело грубым.

– Единственное, что я нахожу замечательным, – насмешливо сказала Рабониэль, – это то, насколько ты дерзок, человек. Неужели ты не понимаешь, как легко я могла бы приказать тебя избить или убить?

– Это означало бы упустить полезную возможность, – сказал мужчина громко и смело – такова была человеческая версия ритма решимости. – А вы не из тех, кто выбрасывает что-то полезное, не так ли, Древняя?

– Польза относительна, – возразила Рабониэль. – Я откажусь от возможности, которой никогда не успею воспользоваться, если она мешает мне сделать что-то лучшее.

– Что может быть лучше богатства, которое достанется задаром?

– У меня есть Уритиру. Разве мне нужны еще и сферы?

– Речь о другом богатстве, – улыбнулся мужчина.

Он шагнул вперед и почтительно протянул ей какой-то мешочек. Рабониэль взяла, и в нем что-то тихо звякнуло. Рабониэль развязала мешочек и заглянула внутрь. На некоторое время она застыла, а когда снова заговорила, ее голос был лишен ритма.

– Как? Где ты это взял?..

– Я принес это, – только и сказал мужчина, – чтобы побудить вас встретиться с моим бабском и обсудить условия. Я думал подождать, пока утихнет нынешняя... суматоха, но мой бабск настроен решительно. Заключим сделку по использованию Клятвенных врат. Мы не поспушимся.

– Это... прекрасный подарок, – наконец сказала Рабониэль.

– Это не подарок. Это всего лишь аванс за наши будущие платежи. А подарок – вот.

Он махнул рукой в сторону, и странное существо на его плече присвистнуло. Двое мужчин, которых Венли видела снаружи, вошли, неся что-то – это оказался большой, покрытый тканью ящик. Он едва пролез в дверь и был довольно тяжелым, судя по глухому стуку, с которым его опустили.

Главный человек сорвал ткань. Ящик оказался коробкой с решетками по бокам, в которой находилась малорослая девочка-подросток, довольно грязная по виду. Она зарычала, съе-

жившись в центре, в тени. Мужчина сделал театральный жест, затем поклонился и пошел прочь.

– Человек? – окликнула Рабониэль. – Я не разрешала тебе уйти. Что это? Мне не нужны рабы.

– Это не рабыня. Но если твой повелитель когда-нибудь обнаружит Культивацию, пусть спросит, для чего она сотворила гранетанцора, который питается жизнесветом, а не бурсветом.

Он снова поклонился – это был формальный военный поклон – и ушел.

Венли все ждала, рассчитывая, что Рабониэль потребует, чтобы его казнили или, по крайней мере, выпороли. Вместо этого госпожа начала напевать в ритме самомнения. Она даже улыбнулась.

– Я в замешательстве, Древняя, – сказала Венли, глядя ему вслед.

– Не стоит, это не имеет к тебе никакого отношения. Он склонен к театральным эффектам, как меня и предупреждали. Надеюсь, он думает, что огорошил меня своим маленьким трюком. Неужели он действительно доставил мне Сияющую, которая бодрствует, несмотря на воздействие башни? – Она посмотрела на ребенка в клетке, тот вызывающе зыркнул в ответ и зарычал. – Ее, похоже, придется укрощать.

Госпожа хлопнула в ладоши, и вошли несколько слуг.

– Заберите ее в надежное место и не выпускайте. Будьте осторожны. Она может быть опасна.

Когда клетку забрали, она повернулась к Венли и заговорила в ритме страстного желания:

– Значит, это действительно кто-то из твоих сородичей, как говорится в донесениях?

– Да, я его знаю, – ответила Венли. – Его зовут Рлайн. Он слушатель.

– Дитя предателей.

– Как и я, – ответила Венли, потом немного помолчала. Перевела дух и сменила ритм на самомнение. – Прошу выпустить его под мою ответственность. У меня не осталось родни, с которой можно было бы поговорить. Он мне дорог.

– Вражда специально истребил твой род, – возразила Рабониэль. – Ты последняя. Это отличие надо ценить, ведь оно делает тебя уникальной.

– Я не желаю уникальности, – не отступила Венли. – Я хочу сохранить жизнь этому малену и наслаждаться его обществом. Я хорошо послужила в нескольких качествах, множеству Сплавленных. Я требую компенсации.

Рабониэль запела в ритме насмешки. Венли запаниковала и чуть не потеряла самообладание – но Тимбре, всегда наблюдавшая за ней, начала пульсировать в ритме... самомнения. Ритм Вражды, ближайший аналог решимости. Ритм, который Венли должна была продолжать выражать сейчас. Она так и сделала, напевая, так как не смела произнести ни слова.

– Ладно, – сказала Рабониэль, беря свои бумаги. – Твое Стремление делает тебе честь. Он твой. Убедись, что он не причинит неприятностей, потому что отвечать за них придется тебе.

Венли запела в ритме благодарности и быстро ретировалась. Внутри ее Тимбре пульсировала в одном из обычных ритмов. Она, казалось, испытывала боль, как будто ей было трудно использовать неправильный ритм. Так или иначе, они справились. Как и в тот раз, когда Венли освободила семью ветробегуна.

Тимбре пульсировала. Свобода. Венли поняла, что это будет ее следующая клятва. Освободить тех, кто был взят под стражу несправедливо. Она чуть было не произнесла новую клятву вслух, но Тимбре предупреждающе затрепетала.

Поэтому Венли, прежде чем отправиться к Рлайну, вернулась в свои комнаты и закрыла дверь.

– Я буду добиваться свободы для тех, кто в рабстве, – прошептала она и стала ждать.

Ничего не произошло. Сработало ли?..

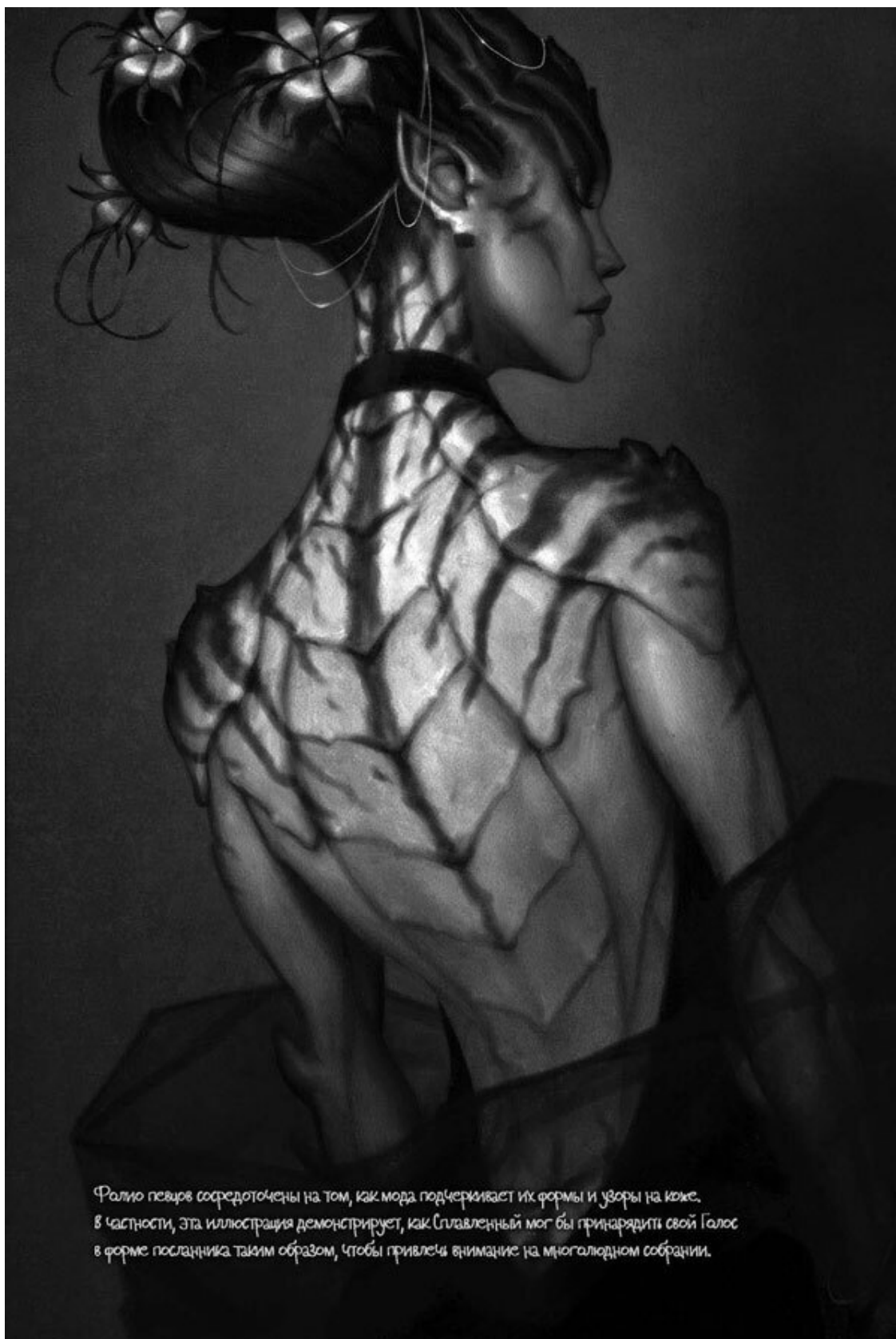
Внезапно раздался фемаленский голос – далекий, гулкий и звенящий от чистых ритмов Рошара.

«Эти слова, – сказал неведомый кто-то, – не принимаются».

Не принимаются? Венли рухнула в кресло. Тимбре затрепетала в ритме смятения. Но в глубине своего светсердца Венли поняла, в чем дело. Она только что видела, как слуги Рабониэли утащили прочь ребенка в клетке. Все логично, если вдуматься.

Она не могла произнести эти слова от всей души. Ведь освобождение Рлайна заботило ее в первую очередь потому, что она хотела довериться другому слушателю. А ребенка в клетке и вовсе была готова проигнорировать.

Если она хочет честно расти как Сияющая, надо поступить так, как говорил Рлайн: начать думать о ком-то, кроме себя. Давным-давно настал момент, когда следовало начать относиться к своим силам с уважением, которого они заслуживали.

Фоллио певцов сосредоточены на том, как мода подчеркивает их формы и узоры на коже. В частности, эта иллюстрация демонстрирует, как Главлённый мог бы принарядить свой Голос в форме посланника таким образом, чтобы привлечь внимание на многолюдном собрании.

61. Масло и вода

При других обстоятельствах песок захватил бы мой разум до такой степени, что не осталось бы места для прочих рациональных занятий. Что он собой представляет? Откуда взялся?

Из «Ритма войны», с. 13

Наконец-то Навани услышала голос Каладина.

«Простите, светлость, – передал Сородич его слова. – Вчера вечером, вернувшись в свое логово, я рухнул без сил и заснул. Я не нарочно заставил вас ждать».

Придя утром в комнату ученых, Навани при помощи Сородича обнаружила, что проспала события, едва не положившие конец их сопротивлению. Затем несколько бесконечных часов ждала вестей от ветробегуна.

– Не извиняйся, – прошептала Навани.

Она стояла на своем обычном месте, заложив руки за спину, касаясь кристаллической жилы на стене и рассматривая своих работающих подчиненных. Стражники стояли у двери, а странная безумная Сплавленная сидела у дальней стены, но никто не пытался помешать самой Навани.

– Ты сделал то, что должен был, и сделал хорошо.

«Я потерпел неудачу».

– Нет, – тихо, но твердо сказала Навани. – Великий маршал, твоя задача не в том, чтобы спасти башню. Твоя задача – выиграть для меня достаточно времени, чтобы изменить то, что было сделано. Ты не потерпел неудачу. Ты совершил нечто невероятное, и благодаря этому мы все еще можем сражаться.

Каладин долго не отвечал.

«Спасибо. – Его голос окреп. – Мне нужно было это услышать».

– Я говорю правду. Если у меня будет достаточно времени, я уверена, что смогу очистить башню от вражеского света, а затем вместо этого зарядить соответствующим.

Все сводилось к природе бурсвета, пустосвета и тому, как работает Сородич. Навани нужно было все изучить в ускоренном темпе и точно выяснить, что пошло не так.

«Похоже, уничтожение узла только ухудшило ситуацию, – сказал Каладин. – Исцеление теперь занимает больше времени. Сплавленная ударила меня ножом, и прошло добрых десять минут, прежде чем бурсвет полностью залечил рану».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.